

СКАНДИНАВСКИЙ СБОРНИК
SKANDINAAVIA' KOGUMIK
SKRIFTER OM SKANDINAVIEN

СКАНДИНАВСКИЙ СБОРНИК
SKANDINAVIA KOGUMIK
SKRIFTER OM SKANDINAVIEN

СКАНДИНАВСКИЙ СБОРНИК XX

SKANDINAAVIA
KOGUMIK

XX

SKRIFTER OM
SKANDINAVIEN

KIRJASTUS «EESTI RAAMAT»

TALLINN 1975

FÖRLAGET «EESTI RAAMAT»

СКАНДИНАВСКИЙ
СБОРНИК

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЭСТИ РААМАТ»
ТАЛЛИН 1975

Редакционная коллегия:

П. Аристе, Л. Эрингсон, А. Кан, Х. Мосберг (председатель), Г. Некрасов, Х. Пийримяэ, М. Раудар (секретарь), Л. Ротс, М. Стеблин-Каменский, Л. Сунни, Э. Тарвел, М. Вабар.

Toimetuskolleegium:

P. Ariste, L. Eringson, A. Kan, H. Moosberg (esimees), G. Nekrassov, H. Piirimäe, M. Raudar (sekretär), L. Roots, M. Steblin-Kamenski, L. Suni, E. Tarvel, M. Vabar.

Redaktion:

P. Ariste, L. Eringson, A. Kan, H. Moosberg (föreståndare), G. Nekrasov, H. Piirimäe, M. Raudar (sekreterare), L. Roots, M. Steblin-Kamenskij, L. Suni, E. Tarvel, M. Vabar.

I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА ЭСТЛЯНДИИ В ПЕРИОД ШВЕДСКОГО ГОСПОДСТВА В XVII ВЕКЕ

В современной исторической науке математические методы все более перестают быть «экспериментальными». По характеристике советского историка Ю. Л. Бессмертного, «постепенно уходят в прошлое и неоправданный скепсис в отношении математических методов, свойственный одним историкам, и наивные надежды других историков все и вся сосчитать»¹. Однако поскольку математические методы в исторической науке являются все-таки сравнительно новыми, нам представляется нелишним поделиться опытом в этой области.

Необходимость использования математико-статистических методов возникла у автора данной статьи в связи с изучением государственного хозяйства Швеции в Прибалтике в XVII в. Государственное хозяйство — мало изученная область в советской и в буржуазной историографии. Единственным исследованием до сих пор остается двухтомная монография профессора политэкономии Тартуского университета Э. Берендтса «Государственное хозяйство Швеции», первый том которой охватывает период с древнейших времен по 1809 г.² В книге приведен богатый цифровой материал о доходах и расходах шведского государства, но в целом эта книга, вышедшая в прошлом веке, уже устарела. Кроме того, исходя из методики своего времени, автор не дал исчерпывающих сведений, а ограничился лишь отдельными примерами.

Шведское государственное хозяйство в XVII в. в некоторой степени освещается в монографии Р. Блумдаля о деятельности следственной комиссии, расследовавшей злоупотребления

---

¹ Ю. Л. Бессмертный. Математические методы и их применение при изучении проблем средневековья. — В сб.: «Средние века», 34, М., 1971, стр. 90.

² Э. Берендтс. Государственное хозяйство Швеции, ч. 1. История государственного хозяйства Швеции до 1809 г. СПб., 1890.

регентского правления Карла XI в 1660—1672 гг.³ Из отдельных проблем шведского государственного хозяйства XVII в. более всего изучен вопрос о финансировании шведской армии, в частности в период 30-летней войны. Новым достижением в этой области является «Экономика континентальной войны»⁴ — исследование упсальских историков Х. Ландберга, Л. Э. Экхольма и Р. Нордлунда под руководством профессора С. А. Нильссона. Исследование государственных финансов Швеции в XVIII — начале XIX вв. написано К. Омарком⁵, но оно хронологически не входит в рамки данной работы.

Шведское государственное хозяйство в Финляндии является предметом исследовательской работы финского историка В. Керкконена, который опубликовал статью о государственных финансах в Финляндии в первой половине XVII в. и монографию о государственных налогах в городах южной Финляндии⁶. По своему содержанию очень близко к истории Прибалтики стоит исследование К. Бёме о государственных финансах Бремена и Вердена в период шведского господства в 1645—1676 гг.⁷ Автор уделяет основное внимание финансовому управлению (*Finanzverwaltung*). Данные о доходах и расходах шведского государства в этих германских провинциях приведены в виде таблиц, приложенных к книге. Однако ценность этих таблиц снижается тем, что автор приводит материал по датам царствования королей.

Общий обзор доходов и расходов шведского государства в Прибалтике представлен О. Лийвом в «Экономической истории Эстонии»⁸, вышедшей в буржуазный период. Однако статистические данные приводятся им лишь за 1690-е годы. Такие же данные представлены О. Лийвом в его монографии «Экономическое положение Эстонии в конце XVII в.»⁹, в которой ос-

---

³ R. Blomdahl. Förmyndaräräfstens huvudskede. En studie i stora kommissionens historia. Stockholm (1963).

⁴ H. Landberg, L. E. Ekholm, R. Nordlund, S. A. Nilsson. Den kontinentala krigets ekonomi. Studier i krigsfinansiering under svensk stormaktstid. Kristianstad, 1971. См. рец. А. С. Кана «Новая и новейшая история», 1972, № 6, стр. 219—221.

⁵ K. Åmark. Sveriges statsfinanser 1719—1809. Stockholm, 1961.

⁶ V. Kerkkonen. Ruotsi-Suomen finanseista 1600-luvun alkupuoliskolle. — «Historiallinen Arkisto», 52, Helsinki, 1947; V. Kerkkonen. Etelä-Suomen kaupunkien kruunuverot 1614—1650. — Historiallisia Tutkimuksia, 30, Helsinki, 1945.

⁷ K. Böhme. Bremisch-Verdische Statsfinanzen 1645—1676. Die schwedische Krone als deutsche Landsherrin. — Studia Historica Upsaliensis, XXVI, Uppsala, 1967.

⁸ Eesti majandusajalugu, I. Tartu, 1937, lk. 192—194.

⁹ Otto Liiv. Die wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII. Jahrhunderts, I. Allgemeiner Überblick: Getreideproduktion und Getreidehandel. — Opetatud Eesti Seltsi Toimetused XXVII, Tartu, 1935, S. 104—111.

новными проблемами являются производство зерна и торговля хлебом.

Некоторые примеры доходов шведского государства в Прибалтике в 1690-е годы имеются в трудах, посвященных Северной войне¹⁰.

Единственным специальным исследованием доходов и расходов шведского государства в Лифляндии является статья латышского буржуазного историка Э. Дунсдорфа¹¹.

В советской исторической науке на вопросы государственного хозяйства до сих пор обращалось мало внимания. Имеются некоторые исследования по истории государственных финансов России, но в них рассматриваются более поздние периоды¹². Из историков Советской Эстонии Х. Лиги в своем исследовании о повинностях эстонских крестьян с XIII до начала XIX в. вкратце останавливается и на их государственных повинностях¹³. Военные налоги и повинности в Прибалтике в период Северной войны рассматриваются в трудах Х. Палли¹⁴ и Э. Эпик¹⁵. Предварительные итоги о величине доходов, которые уточнялись по ходу работы, представлены автором данной статьи в исследовании о структуре доходов шведского государства в Эстляндии¹⁶.

---

¹⁰ Например: *Fr. Arfwidsson. Förswaret av Östersjöprovinserna 1708—1710. Gefle, 1936, s. 17—26.*

¹¹ *E. Dunsdorfs. Vidszemes zviedru laiku finances. — Veltijums izglitibas ministram un professoram Dr. h.c. Augustam Tentelim 23. XI 1876 — 29. XI 1936. Rigā, 1936, s. 62—104.*

¹² *С. М. Троцкий.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. Москва, 1966; *С. М. Троцкий.* Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. — «История СССР», 1957, № 3, стр. 176—198. Только в виде обзора на трех страницах рассматривается история финансов России в XVII веке в статье: *С. М. Троцкий.* Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. — Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза, Москва, 1964, стр. 281—319; см.: *А. П. Погребинский.* Очерки истории финансов дореволюционной России, Москва, 1954.

¹³ *H. Ligi. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968, lk. 106—268; X. M. Ligi.* Феодалные повинности эстонских крестьян. (Ротап rint Академии наук ЭССР), Таллин, 1968, стр. 70—73.

¹⁴ *H. Palli. Rootsi võimude tegevusest ja poliitikast Eestis Põhjasõja ajal. — Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Lühiaurimusi. Toimetanud A. Vassar. Tallinn, 1960, lk. 36—44.*

¹⁵ *E. Öpik. Eesti talurahva «Rootsi truudusest» Põhjasõja ajal. — Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Lühiaurimusi. Toimetanud A. Vassar. Tallinn, 1960.*

¹⁶ *H. Püürimäe. Die Struktur der Einnahmen des schwedischen Staates in Estland in der zweiten Hälfte des XVII Jahrhunderts. — Entwicklungsprobleme des Feudalismus im Ostseegebiet. Vorträge der gemeinsamen Historikerkonferenz der Tartuer Staatsuniversität, der Greifswalder Ernst-Moritz-Arndt-Universität und der Rostocker Universität (vom 18.—19. November 1969). Tartu, 1970, S. 46—78.*

В процессе изучения государственного хозяйства в Прибалтике в период шведского господства в XVII в. возник вопрос — имеются ли связи между различными показателями экономической жизни и насколько тесными являются эти связи? Конечно, в большинстве случаев можно сказать уже эмпирически, что такая связь имеется. Например, мы уверены, что доходы от таможенных пошлин в эстонских городах в какой-то мере зависели от общеевропейской торговой конъюнктуры, а также от количества вывозимого зерна. Мы также предполагаем, что увеличение государственных доходов от редуцированных имений вызвало увеличение общей суммы государственных доходов. Но в большей степени нас интересует вопрос: какова эта связь, т. е. тесная, не очень тесная, нетесная? Возникает желание получить ответ в виде каких-то простых цифровых показателей. Кроме того, иногда без математических методов трудно определить, имеется ли вообще какая-нибудь связь между различными количественными показателями, например: между чрезвычайными налогами и военными расходами или между поступлениями от редуцированных имений и торговли?

Чтобы ответить на эти и другие аналогичные вопросы, пришлось прибегнуть к математико-статистическим методам; для проработки материала использовалась электронно-вычислительная техника. Данная статья имеет целью поделиться опытом в области изучения государственного хозяйства в Прибалтике в период шведского господства при помощи математико-статистических методов. Ввиду ограниченного объема статьи мы основываемся лишь на материалах Эстляндии.

Первая и самая трудоемкая работа состояла в получении массовых цифровых данных о различных доходах и расходах государства, а также о некоторых других показателях экономической жизни. В качестве источников для проведения статистических подсчетов были использованы бухгалтерские книги Эстляндии, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту¹⁷. Эти книги — толстые тома на шведском языке, ценностью которых является прежде всего их полнота, т. е. в них зафиксированы все поступления в государственную казну, а также все выплаты в течение длительного периода. По Эстляндии бухгалтерские документы полностью сохранились за 39 лет — с 1659 по 1699 гг.

Достоинством этого вида источников является их достоверность, так как все данные подтверждаются документами. Основная трудность при проработке подобного вида источников состоит в том, что при каждой записи необходимо проверить, обозначаются ли этой цифрой реальные денежные или нату-

¹⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1, Эстляндский генерал-губернатор.

ральные единицы, или же мы имеем дело лишь с бухгалтерским учетом их. Например, расходами считались освобождение от налогов, сокращение аренды и т. д., доходами обозначались также задержка жалованья, долги государству и т. д.

Лишь после того, как в результате многолетнего труда удалось получить цифровые данные об основных показателях по всем годам, можно было приступить к изучению государственного хозяйства при помощи математико-статистических методов. Для проработки данных использовалась ЭВМ вычислительного центра ТГУ. По унифицированной программе были вычислены коэффициенты корреляции, стандартное отклонение, коэффициенты вариации, ошибки средней арифметической, границы достоверности и др.

Данные, введенные в ЭВМ, были разделены на три основные группы:

I. Доходы государства (в серебряных талерах)

- x_1 — доходы от таможенных сборов,
- x_2 — т. н. мельничная, или зерновая пошлина (Quarntull) — ординарный налог с имений (на самом деле его платили крестьяне),
- x_3 — чрезвычайные налоги,
- x_4 — средства, привезенные из Швеции и других ее владений,
- x_5 — аренда с редуцированных имений,
- x_6 — различные мелкие доходы,
- x_7 — общая сумма доходов.

II. Расходы государства (в серебряных талерах)

- x_8 — военные расходы,
- x_9 — расходы на содержание административного аппарата, судебных органов и церкви,
- x_{10} — расходы на государственные школы,
- x_{11} — средства, вывезенные из Эстляндии в Швецию и другие ее владения,
- x_{12} — другие расходы,
- x_{13} — общая сумма расходов.

III. Показатели развития товарно-денежных отношений и торговли

- x_{14} — процент денежных поступлений в основных государственных доходах,
- x_{15} — вывоз зерна из Таллина (в ладах),
- x_{16} — число торговых судов, прибывших в Таллин и выбывших оттуда,
- x_{17} — число судов, проходивших Эрезундский пролив¹⁸.

Степень тесноты связи между всеми этими показателями характеризуют коэффициенты корреляции (r_α)¹⁹. Для оценки существенности корреляции в данной работе основой берутся следующие границы: при уровне значимости (Signifikanzniveau, level of significance) 0,05—0,01²⁰ — считается, что корреляция симптоматически существенна, при уровне значимости 0,01—0,001²¹ — корреляция существенная. Если уровень значимости превышает 0,001, то корреляцию можно считать очень существенной.

По r_α -таблице находим соответствующие значения:

$r_{0,05; 40} = 0,304$

$r_{0,01; 40} = 0,393$

$r_{0,001; 40} = 0,490$

(индексы обозначают соответственно уровень значимости и число степеней свободы).

Следовательно, если

$r < 0,304$ — корреляция отсутствует или не существенна,

$0,304 < r \leq 0,393$ — симптоматическая корреляция (вероятная корреляция),

$0,393 < r < 0,490$ — корреляция существенная,

$0,490 \leq r$ — корреляция очень существенная.

При интерпретации результатов корреляционного анализа необходимо напомнить, что коэффициенты корреляции не показывают направления связи, т. е. на основе того, что между двумя показателями обнаруживается корреляционная связь, невозможно определить, какой из этих показателей является причиной, а какой — следствием. Более того: наличие корреляции не говорит о причинной связи. Причиной наличия коррелятивной связи между двумя показателями может служить какой-либо третий фактор. Следовательно, интерпретация данных матрицы корреляции — задача специалиста соответствующей отрасли науки, в данном случае — историка.

В результате анализа матрицы корреляции (см. приложение 1) выясняется, что доходы от таможенных пошлин (X_1) коррелятивно связаны с несколькими другими показателями, но эти

¹⁸ H. E. Bang, K. Korst. Tabeller over skibsfart og varetransport gennem Øresund 1661—1783 og gennem Storebælt 1701—1748, I del: Tabeller over skibsfarten. Kobenhavn 1930, s. 2—45. Новейшая литература о достоверности этих данных: S.-E. Åström. From Cloth to Iron. The Anglo-Baltic Trade in the Late Seventeenth Century, part II. The Customs Accounts as Sources for the Study of the Trade-Societas Scientiarum Fennica. Commentationes Humanarum Litterarum, XXXVIII, 3, Helsingfors 1965; M. Nilsson. Øresunds tull räkenskaperna som källa för fraktfarten genom Øresund under perioden 1690—1709. Göteborg, 1962.

¹⁹ Напоминаем, что коэффициент корреляции — цифра, абсолютная величина которой колеблется между 0 и 1. Знак «+» или «—» указывает наличие прямой или обратной корреляции между показателями.

²⁰ Т. е. в пределах достоверности соответственно 95% и 99%.

²¹ Т. е. в пределах достоверности соответственно 99% и 99,9%.

связи не особенно тесные²². Наиболее тесными являются связи этого показателя с характеристикой роли денежного хозяйства (0,674) и числом судов, посетивших Таллин (0,610). Это естественно, если учесть, что таможенные пошлины взимались наличными деньгами и что число судов, как и поступления таможенных пошлин — показатели торговой конъюнктуры. Тем самым объясняется и умеренно тесная корреляция между таможенными доходами и числом судов, проходивших Эрезундский пролив (0,554), и вывозом средств в Швецию (0,578). Весьма вероятной представлялась тесная коррелятивная связь между таможенными сборами и вывозом зерна из Таллина, но на самом деле эта связь лишь симптоматически существенна (0,325). Значительная роль таможенных сборов в общей сумме государственных доходов объясняет и умеренно тесную корреляцию (0,566) между этими двумя показателями.

Показателем, почти не связанным с другими, является т. н. мельничная, или зерновая пошлина (X_2) — ординарный налог с имений. Оказывается, что подавляющее большинство коэффициентов корреляции между этими и другими показателями близко к нулю и не показывает коррелятивных связей. Симптоматически существенной можно считать лишь обратную корреляцию с показателем денежного хозяйства ($-0,334$). Это вполне естественно, если учесть, что мельничную пошлину платили зерном, и, следовательно, увеличение поступлений от нее означало уменьшение доли денег в государственных доходах.

Чрезвычайные налоги (X_3) имеют умеренно тесную, но обратную корреляционную связь прежде всего с арендой от редуцированных имений ($-0,428$). Это объясняется тем, что после проведения редукции имений чрезвычайные налоги потеряли свое значение в качестве источника доходов государства. Аналогичной является и обратная коррелятивная связь между чрезвычайными налогами и различными более мелкими доходами государства ($-0,471$). Так как чрезвычайные налоги в Эстляндии поступали в казну, как правило, зерном, то здесь имеется обратная корреляция между чрезвычайными налогами и показателем роли денежного хозяйства ($-0,436$).

Неожиданная обратная корреляция наблюдается между показателями чрезвычайных налогов и расходами на содержание чиновников, судов и церковных органов ($-0,457$). На первый взгляд непонятно, как увеличение чрезвычайных налогов повлекло за собой уменьшение сумм, выплаченных чиновникам, или наоборот: чрезвычайные налоги уменьшались, а чиновники получали большее жалованье. На самом деле здесь связь не

---

²² При оценке тесноты коррелятивных связей умеренно тесными считаются такие, при которых $r \geq 0,4$; если $r \geq 0,7$ — связь считается тесной (в данном случае описывается примерно 50% изучаемых явлений, коэффициент детерминации $r^2 = 0,49$).

прямая; объясняется она тем, что чрезвычайные налоги взымались в годы, трудные для государственного хозяйства, и в связи с этим чиновники не получали своего жалования полностью.

По корреляционной матрице видно, что коэффициенты корреляции между средствами, привезенными из Швеции, и другими показателями близки к нулю, следовательно, эти привозы являются случайными.

Очень тесные коррелятивные связи наблюдаются между арендой с редуцированных имений и многими другими показателями: общей суммой доходов (0,911), различными доходами (0,804), расходами на содержание администрации, судов и церковных органов (0,812), вывозом в Швецию (0,813) и расходами на школы (0,707), а умеренно тесная связь — с общей суммой расходов (0,633) и военными расходами (0,524). Все это свидетельствует о большом значении редукиции для государственных финансов. В довольно тесной корреляции находились арендные платежи также со всеми показателями торговли. Это свидетельствует о том, что поступления от аренды в какой-то мере зависели от развития и конъюнктуры торговли, и наоборот: редукиция имений влияла на развитие торговли.

Как мы уже видели, общая сумма доходов (X_7) шведского государства очень тесно связана с поступлениями с редуцированных имений и тесно связана с таможенными сборами. Кроме того, этот показатель связан со всеми видами расходов и показателями торговли. Притом коэффициент корреляции между общей суммой доходов и показателем конъюнктуры европейской торговли — числом судов, проходивших Эрезунд (0,650), — говорит о том, что колебания в величине доходов шведского государства в Эстляндии зависели от общеевропейской торговли ($r^2=0,650=0,4225$). Это значительно меньше, чем в Лифляндии (56%). Еще более тесная коррелятивная связь наблюдается между общей суммой доходов и числом судов, посетивших Таллин (0,733). Особая роль торговли хлебом в экономической жизни Эстляндии объясняет наличие умеренно тесной корреляции между общей суммой доходов и вывозом зерна из Таллина (0,513).

Общая сумма доходов и расходов связывает между собой подавляющее большинство показателей расходов.

Процентная цифра, показывающая роль денежных поступлений, — (X_{14}) имела умеренно тесную коррелятивную связь с таможенными сборами и обратную корреляцию с чрезвычайными налогами, а кроме того, и корреляцию со всеми расходами.

В качестве дополнения, кроме сведений относительно государственного хозяйства, корреляционная матрица дает некоторые сведения и о торговых проблемах. Как можно было ожидать, все показатели торговли между собой коррелятивно свя-

заны. Особенно тесная корреляция (0,901) наблюдается между числом судов, проходивших Эрезундский пролив и посетивших Таллин. Если добавить умеренно тесную корреляцию (0,679) между показателем конъюнктуры европейской торговли и вывозом зерна из Таллина, то можно с уверенностью утверждать, что здесь наличествует тесная статистическая связь между торговлей Таллина и общеевропейской торговлей.

Тесная корреляция между числом судов, посетивших Таллин, и вывозом зерна из Таллина (0,721) свидетельствует о большой роли хлебной торговли. На основе вышеуказанного коэффициента можно заключить, что конъюнктура торговли Таллина более чем на половину (52%) зависела от вывоза зерна ($r^2=0,519$).

В качестве подведения итогов в конце статьи мы представляем все коррелятивные связи графически в виде рисунка (приложение 2). По рисунку видно, что шведское государственное хозяйство представляло собой сложную, тесно переплетенную систему, в которой особенно ясно вырисовывается роль некоторых показателей.

У всех показателей государственного хозяйства наблюдаются известные колебания, а также динамика. В качестве математической характеристики этих явлений мы использовали и дисперсию (рассеивание). Из различных показателей дисперсии самым наглядным является коэффициент вариации (v).

$$v = \frac{S}{\bar{x}} \cdot 100\%$$

(S — стандартное отклонение, $\bar{x}$ — средняя арифметическая величина).

Коэффициенты вариации представлены в приложении 3.

Выясняется, что в Эстляндии самым стабильным показателем (наименьший коэффициент вариации) являлась так называемая мельничная пошлина (23,0%). Сравнительно стабильными были также процент денежных доходов (30,0%) и расходы на содержание государственных школ (32,4%). Особенно большой коэффициент вариации (более 100%) у чрезвычайных налогов и у средств, поступавших из других провинций шведского государства, а также у аренды с редуцированных имений. В последнем случае это объясняется тем, что учитываются и те годы, когда редукция еще не была проведена. На самом деле сумма поступлений от аренды довольно стабильна.

Изложенные результаты не исчерпывают возможностей применения математико-статистических методов и электронно-вычислительной техники в данной области исследования. Для изучения динамики развития можно вычислять коэффициенты регрессии, для изучения причинных связей можно использовать факторный анализ.

Данная статья имела цель — показать возможность математико-статистических методов в определении тесноты связей между различными показателями.

В итоге мы можем утверждать, что применение ЭВМ в изучении проблем государственного хозяйства дало положительные результаты. Хотя при помощи простого сравнения цифровых рядов иногда также можно установить наличие или отсутствие связей между ними, но при помощи ЭВМ стало возможным установить характер этих связей уже в точном математическом выражении. Кроме того, выяснилось наличие или отсутствие некоторых связей, установление которых при помощи обычного сопоставления было бы весьма затруднительным или невозможным.

Однако все это не означает, что математические методы могли бы заменить методы и приемы работы, которые находились в арсенале историков до сих пор. Наоборот, основную долю времени и усилий требует проработка источников для получения статистических данных. При этом на каждом шагу необходимо использовать методы источниковедческой критики. Но на последнем этапе работы — анализе полученных данных математические методы и ЭВМ являются хорошими помощниками.

17

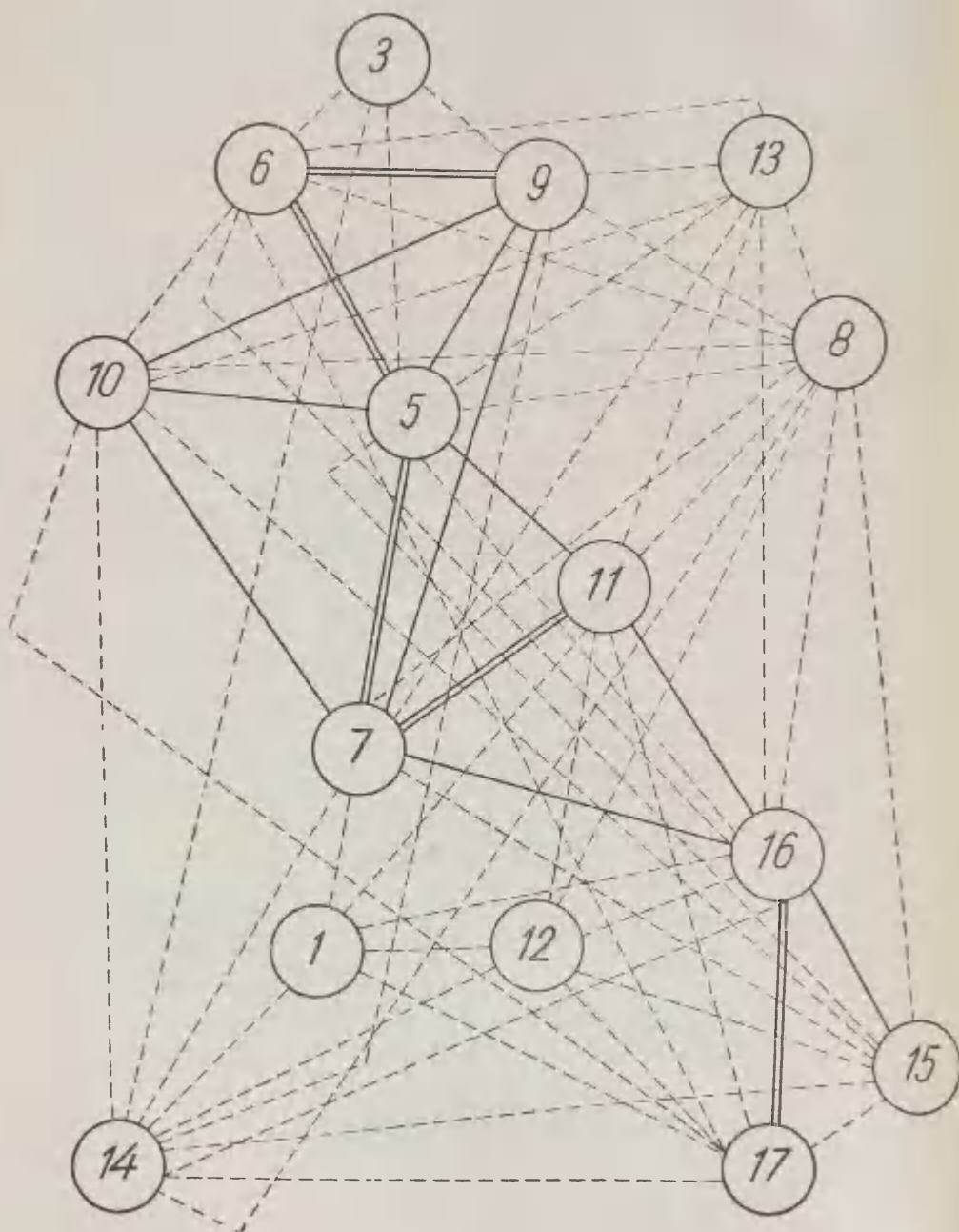
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
x_1	1																
x_2	-0,120	1															
x_3	-0,282	0,019	1														
x_4	0,120	-0,220	0,256	1													
x_5	0,316	0,035	-0,428	-0,180	1												
x_6	0,350	-0,011	-0,471	-0,190	<u>0,804</u>	1											
x_7	0,566	0,038	-0,276	0,030	<u>0,911</u>	<u>0,757</u>	1										
x_8	0,349	-0,167	-0,257	0,108	<u>0,525</u>	<u>0,591</u>	<u>0,586</u>	1									
x_9	0,226	-0,107	-0,457	-0,215	<u>0,812</u>	<u>0,880</u>	<u>0,713</u>	<u>0,483</u>	1								
x_{10}	0,317	0,016	-0,218	-0,110	<u>0,708</u>	<u>0,658</u>	<u>0,744</u>	<u>0,426</u>	<u>0,735</u>	1							
x_{11}	<u>0,578</u>	0,015	-0,271	-0,001	<u>0,813</u>	<u>0,683</u>	<u>0,919</u>	<u>0,522</u>	<u>0,599</u>	<u>0,732</u>	1						
x_{12}	<u>0,476</u>	-0,084	-0,073	0,253	<u>0,342</u>	<u>0,266</u>	<u>0,484</u>	<u>0,622</u>	<u>0,225</u>	<u>0,351</u>	<u>0,409</u>	1					
x_{13}	<u>0,352</u>	-0,094	-0,262	-0,030	<u>0,633</u>	<u>0,619</u>	<u>0,666</u>	<u>0,473</u>	<u>0,524</u>	<u>0,525</u>	<u>0,692</u>	<u>0,374</u>	1				
x_{14}	<u>0,674</u>	-0,334	-0,436	0,018	<u>0,305</u>	<u>0,376</u>	<u>0,447</u>	<u>0,525</u>	<u>0,410</u>	<u>0,410</u>	<u>0,429</u>	<u>0,466</u>	<u>0,249</u>	1			
x_{15}	<u>0,325</u>	-0,034	-0,026	0,085	<u>0,454</u>	<u>0,282</u>	<u>0,513</u>	<u>0,459</u>	<u>0,295</u>	<u>0,464</u>	<u>0,518</u>	<u>0,461</u>	<u>0,304</u>	<u>0,406</u>	1		
x_{16}	<u>0,610</u>	-0,089	-0,281	0,132	<u>0,561</u>	<u>0,447</u>	<u>0,733</u>	<u>0,463</u>	<u>0,388</u>	<u>0,507</u>	<u>0,730</u>	<u>0,448</u>	<u>0,452</u>	<u>0,544</u>	<u>0,721</u>	1	
x_{17}	<u>0,554</u>	0,010	-0,350	0,025	<u>0,520</u>	<u>0,325</u>	<u>0,650</u>	<u>0,318</u>	<u>0,338</u>	<u>0,456</u>	<u>0,629</u>	<u>0,362</u>	<u>0,360</u>	<u>0,589</u>	<u>0,679</u>	<u>0,901</u>	1

умеренно тесная корреляция
mõõdukalt tugev korrelatsioon
moderat intim korrelation

тесная корреляция
tugev korrelatsioon
intim korrelation

Приложение 2

СХЕМА КОРРЕЛЯЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ
 KORRELATIIVSETE SEOSTE SKEEM
 SCHEMA FÖR KORRELATIONSFÖRBINDELSER

КОЭФФИЦИЕНТЫ ВАРИАЦИИ (V)

Доходы от таможенных сборов	68,5%
Мельничная, или зерновая пошлина	23,0%
Чрезвычайные налоги	} более 100%
Средства, привезенные из Швеции и ее владений	
Аренда с редуцированных имений	
Различные мелкие доходы	61,1%
Общая сумма доходов	50,2%
Военные расходы	
Расходы на содержание административного и судебного аппарата, церковных органов	43,9%
Расходы на школы	32,4%
Средства, вывезенные из Эстляндии в Швецию и другие ее владения.	92,7%
Различные мелкие расходы	89,3%
Общая сумма расходов	68,1%
Процент денежных поступлений	30,3%
Вывоз зерна из Таллина	59,2%
Число судов, посетивших Таллин.	50,9%
Число судов, проходивших Эрезундский пролив.	27,3%

ELEKTRONARVUTI KASUTAMISE TULEMUSI ROOTSI VÕIMU PERIOODI EESTIMAA RIIGIMAJANDUSE UURIMISEL (XVII SAJ.)

H. PIIRIMAE

Resümee

XVII sajandi Baltimaade riigimajanduse uurimisel tekkis probleem, kas riigi sissetulekute ja väljaminekute ning majanduselu muude näitajate vahel on olemas statistilised seosed ja kui on, kui tugevad siis.

Allikana statistiliste kokkuvõtete tegemiseks riigimajanduse üksikute näitajate kohta kasutati Eestimaa arveraamatuid (asuvad Eesti NSV RAKA-s Tartus, osalt Läti NSV RAKA-s Riias). Saadud andmed 17 näitaja kohta 39 aasta läbilõikes (1659—1699) sõõdeti TRU arvutuskeskuse elektron-arvutisse. Andmed jagunesid 3 põhirühma: riigi sissetulekud, riigi väljaminekud ning näitajad kaubalis-rahaliste suhete arengu kohta. Saadud korrelatsioonist selgub, et tollituludel oli kõige tihedam seos riigi rahaliste sissetulekute osatähtsust näitava protsentarvuga (korrelatsioonikordaja $r=0,674$) ja Tallinnat külastanud laevade arvuga ($r=0,610$). Seevastu korraline riigimaks veskitoll pole peaaegu üldse teiste näitajatega seotud.

Negatiivne korrelatsioon erakorraliste riigimaksude ja ametnike palkade väljamaksmise vahel ($r=-0,457$) seletub sellega, et erakorralisi makse nõuti rasketel aastatel, kui ka ametnikud ei saanud oma palka täielikult kätte.

Redutseeritud mõisate rendi väga tugevad korrelatiivsed seosed sissetulekute üldsummaga ($r=0,911$), kulutustega ametnikele ($r=0,812$), raha ja vilja väljaveoga Rootsi ($r=0,813$) kõnelevad redutseeritud mõisate rendi suurest osatähtsusest riigi sissetulekuallikana.

Mõõdukalt tugev korrelatsioon Eestimaa sissetulekute üldsumma ja Öresundi väina läbinud laevade arvu vahel ($r=0,901$) kõneleb Eestimaa majanduselu ja Tallinna kaubanduse seosest Euroopa kaubanduse konjunktuuriga. Viljakaubanduse osakaalu Tallinna kaubanduses näitab tugev korrelatsioon vilja väljaveo ja Tallinnat külastanud laevade arvu vahel ($r=0,721$). Ettekujutuse statistilistest seostest riigimajanduse üksikute näitajate vahel annab lisana 2 esitatud joonis.

Kõigi näitajate vahel esineva hajuvuse iseloomustamiseks on lisas 3 esitatud variatsioonikoefitsiendid.

Üldkokkuvõttes võib matemaatiliste meetodite ja raali kasutamise tulemusi positiivselt hinnata. Artiklis on aga hoiatatud ka nende ülehindamise eest ajalooteaduses. Põhiosa ajaloolase tööst ja ajast võtab siiski allikate läbitöötamine statistiliste andmete saamiseks, kusjuures pidevalt tuleb kasutada allikakriitika meetodeid. Matemaatilised meetodid ja elektronarvuti on heaks abimeheks aga saadud andmete analüüsimisel.

RESULTATEN AV TILLÄMPNINGEN AV ELEKTRONISK DATATEKNIK FÖR ANALYS AV STATSHUSHÄLLNINGEN I ESTLAND UNDER DET SVENSKA HERRAVALDET PÅ SEXTONHUNDRALET

H. PIIRIMAE

Resumé

Vid utforskningen av den svenska statshushållningens utveckling i Baltikum på sextonhundralet har följande problem framkommit: finns det statistiska

förbindelser mellan inkomster, utgifter och andra ekonomiska index och om dessa finns, hur pass intima är de?

Som källor för statistiska beräkningar av enskilda index för statshushållningen tjänade estniska bokföringsböcker (vilka bevaras i det Centrala Statliga Historiska Arkivet för ESSR i Tartu och delvis i det Centrala Statliga Historiska Arkivet för Lettiska SSR i Riga). Erhållna data för 17 index under 39 år (1659—1699) överlämnades till Tartuuniversitetets datacentral.

De data, som inmatades i datamaskinen var uppdelade i tre huvudgrupper: 1) statliga inkomster, 2) utgifter och 3) index för utvecklingen av varupenningsrelationerna och handeln. Av den erhållna korrelationsmatrisen (se bilaga 1) framgick, att skatteinkomsterna på det mest intima sätt var förbundna med indexet för penninghushållning procentuella betydelse i stadsinkomster (korrelationskoefficient $r=0,674$) och med antalet fartyg, som besökte Tallinn ($r=0,610$). Den huvudsakliga statliga skatten — kvarntull — visade sig emellertid nästan inte alls förbunden med de övriga indexen.

Den negativa korrelationen mellan de statliga ekstraskatterna och utbetalningen av tjänstemännens löner ($r=-0,457$) förklaras av att dessa skatter brukade indrivnas under för statshushållningen svåra år, när tjänstemännen inte heller fick hela sin lön utbetald.

De mycket intima korrelationsförbindelserna mellan de inkommande arrendeavgifterna från de reducerade godsens och den totala inkomstsumman ($r=0,911$), utgifterna för tjänstemännen ($r=0,812$), penning-, och spannmålsutförseln till Sverige ($r=0,813$) o. a. talar för arrendeavgifternas stora betydelse för statsinkomsterna.

Den moderat intima korrelationen mellan Estlands allmänna inkomstsumma och det antal fartyg, som passerade Öresund (0,650) och den speciellt intima korrelationen mellan det antal fartyg, som passerade Öresund och besökte Tallinn (0,901), talar för den estniska ekonomins och Tallinnhandelns beröring med den europeiska handelskonjunktur. För Tallinns roll inom spannmålshandeln talar den intima korrelationen mellan spannmålsutförseln från Tallinn och det antal fartyg, som besökte Tallinn ($r=0,721$).

Den grafiska förbindelsen mellan statshushållningens enskilda index ges i bilaga nr. 2. Vid samtliga index kan man i akttaga en viss spridning (i bilaga 3 visas variationskoefficienter).

Arbetet har lett till en positiv bedömning av tillämpningen av matematiska metoder och datateknik. Man bör emellertid inte överdriva dessas roll i den historiska vetenskapen. Den största tidsandelen får historikern ägna åt genomarbetning av källmaterial för att få fram statistiska data. Systematiskt bör man använda metoder för källkritik. På arbetets slutetapp utgör emellertid matematiska metoder och datateknik goda hjälpmedel när det gäller analys av erhållna data.

РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ФИНЛЯНДИИ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ (60 — нач. 70-х гг.)

В середине пятидесятих годов в Финляндии образовались нереализованные излишки молочных продуктов и яиц. С тех пор реализация продуктов питания является одной из самых острых проблем в стране.

Так как сроки хранения продовольственных продуктов определяются их потребительной стоимостью, Финляндия вынуждена для обеспечения сбыта своей сельскохозяйственной продукции вывозить ее на внешние рынки, несмотря на то, что цены мирового рынка не покрывают затрат на их производство. В шестидесятые годы Финляндия вывозила ежегодно около одной трети произведенного сливочного масла, а экспорт сыра и молочного порошка составлял половину годового объема их производства¹.

Из-за нереализованных излишков молочных продуктов и яиц в середине пятидесятих годов правительство Финляндии стало осуществлять меры по изменению направления сельскохозяйственного производства. Эти меры имели целью сокращение производства молочной продукции и увеличение производства продовольственного зерна, которое в то время импортировалось Финляндией в значительном объеме. Для этого в конце пятидесятих годов государство повысило гарантированные закупочные цены на рожь и пшеницу.

Но попытки правительства не увенчались успехом. Мелкие крестьянские хозяйства не смогли отказаться от более интенсивной и выгодной формы сельскохозяйственного производства — производства молока — и перейти к возделыванию продовольственных зерновых культур, так как сбор урожая с их маленьких участков не смог бы обеспечить круглогодичный прожиточный минимум хозяину и членам его семьи². Молочное же ското-

¹ Rautaisannos maatalouden numeroita v. 1966—1972. Helsinki, 1966—1972.

² В конце пятидесятих годов хозяйства от 1 до 10 га пашни составляли в Финляндии 75,3% от общего количества крестьянских хозяйств (Подсчитано по Yleinen maatalouslaskenta 1959, nide 1. Helsinki, 1962, s. 14—15).

водство позволяло дополнительно использовать лесные угодья в качестве летних пастбищ, лучше использовать женскую рабочую силу, которая в мелких хозяйствах особенно страдает от скрытой безработицы. В силу этих причин молочное скотоводство давало мелким товаропроизводителям постоянный, хотя и незначительный доход. Несмотря на то, что с повышением цен на продовольственное зерно производство молока стало менее рентабельным, мелкие крестьянские хозяйства продолжали наращивать выпуск молочной продукции. Если в 1958 г. валовый надой молока в Финляндии составлял 3129 тыс. тонн, то в 1964 г. он достиг 3826 тыс. тонн, т. е. производство молока увеличилось за эти годы на 22,3%³. Только с 1965 г. наметилось некоторое сокращение производства молока, но даже в настоящее время валовый надой превышает уровень 1958 года.

В то же время повышение гарантированных закупочных цен привело к значительному увеличению производства продовольственного зерна в крупных хозяйствах и достигло в 1965 г. 690,4 тыс. тонны, вместо 326,1 тыс. тонны в 1958 г.⁴, т. е. возросло в 2,1 раза. К концу шестидесятых годов в стране образовались значительные нереализованные излишки пшеницы. В поисках выхода из положения Финляндия была вынуждена вывозить эти излишки на внешний рынок, несмотря на то, что пшеница являлась наименее рентабельным видом экспортной продукции. Так, затраты на производство пшеницы в Финляндии превышали этот же показатель в Швеции на 57%, а по сравнению с Данией — на 220%⁵.

В итоге положение стало еще более сложным.

Для ускорения сбыта нереализованных запасов продуктов питания государство предприняло некоторые меры. Так, сливочное масло стали продавать по заниженным ценам предприятиям пищевой промышленности, а также некоторым малоимущим слоям населения. Для сокращения запасов пшеницы ее начали реализовывать по заниженным ценам звероводам, производящим пушнину для внешнего рынка. Но и эти меры не принесли желаемых результатов в силу ограниченности их применения.

Тогда финское правительство повело наступление на мелкое производство в сельском хозяйстве. Конец шестидесятых годов знаменует начало нового этапа государственного регулирования сельскохозяйственного производства в Финляндии.

Среди новых мер в области хозяйственной политики одно из центральных мест занимает так называемая политика стабилизации экономического положения, целью которой стала борьба с инфляционными явлениями.

По отношению к сельскому хозяйству эта политика стабили-

³ Rautaisannos maatalouden numeroita. Helsinki, 1965.

⁴ Suomen tilastollinen vuosikirja 1971. Helsinki, 1972, s. 78—79.

⁵ Maatalous, 1969, N:o 10, s. 177.

зации заключается в «замораживании» уровня гарантированных закупочных цен. Раньше уровень гарантированных цен определяли, исходя из роста индексов стоимости жизни и цен на сельскохозяйственные средства производства. С введением политики стабилизации эту индексную зависимость отменили. Система индексной зависимости в некоторой степени облегчала положение крестьянства, так как она, хотя и с опозданием, обеспечивала поддержку покупательной способности продукции сельских предпринимателей на уровне прочих товаров. Теперь же рост закупочных цен ограничен определенными процентными ставками без учета инфляционного процесса в экономике.

Правда, стабилизация хозяйственной жизни включала также введение контроля над ростом цен на внутреннем рынке. Контроль состоял в том, что в законодательном порядке запрещалось повышение цен на 148 видов товаров и товарных групп без разрешения специального органа. Повышение цен разрешается только по ходатайству заинтересованных лиц и организаций при наличии «уважительных» причин. Регулирование уровня цен не предусматривает полного запрещения роста цен, а ставит своей целью только некоторое ограничение их роста.

Поэтому в Финляндии цены продолжают расти, причем темпы их роста превышают «допустимые границы». Правда, в первые годы борьбы с инфляцией повышение цен было относительно медленным, и почти удалось обеспечить соблюдение поставленных границ. Так, в 1969 и 1970 гг. стоимость жизни возросла соответственно на 2,8 и 2,7%⁶ при общем допустимом росте цен на 2,3—2,5% в год⁷.

Но в 1969 году происходила подготовка к выборам в финский парламент, и в то время буржуазия не решалась открыто выступать против контроля над уровнем цен. Однако сразу же после победы буржуазной партии на выборах в марте 1970 г. представители капитала начали поход против контроля над уровнем цен. Они выступили с требованием освободить из-под контроля 40 видов товаров и перевести 70 видов под частичный контроль, который состоял бы только в обязательном утверждении новых цен соответствующими органами уже после фактически проведенного повышения.

К концу 1970 г. капиталисты добились первого «успеха»: с начала 1971 г. из списка подконтрольных товаров правительство исключило некоторые потребительские товары. От контроля также была освобождена плата за многие услуги, в том числе за ремонт технических средств, автомашин и тракторов. В общей сложности из-под контроля освободили 10% всех подконт-

---

⁶ Подсчитано по Suomen tilastollinen vuosikirja 1971. Helsinki, 1972, s. 290.

⁷ Maitotalous, 1969, N:o 8, s. 21.

рольных товаров и услуг⁸. В следующем году к ним прибавились еще 47 видов товаров и товарных групп⁹.

В результате этого начался интенсивный рост цен. За 1971 год цены на потребительские товары возросли на 6%, а оптовые на горючее и смазочные материалы — на 13,1%¹⁰. Правда, оптовые цены на другие средства производства в сельском хозяйстве в 1971 г. несколько снизились, но они все же превышали уровень 1969 г. на 6,1%¹¹.

Следует отметить, что повышение гарантированных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию часто отстает не только от действительного роста цен, но и от допустимого общего роста цен на товары. Так, в 1968 и 1969 гг. гарантированные закупочные цены на продукцию сельского хозяйства были повышены только на 2% в год¹², при общем росте цен, как уже отмечалось, в размере 2,3—2,5% в год. С января 1971 г. по апрель 1972 г. намечалось повышение гарантированных закупочных цен дважды: в январе 1971 г. на 3,5% и в сентябре — на 1,75%¹³, в то время, как рост цен на прочие товары предусматривался за этот же период на 6%¹⁴.

В этом отношении 1970 и 1972 гг. были для крестьянства более благоприятными. В 1970 г. сильное недовольство и возмущение крестьянских масс вынудило правительство повысить гарантированные закупочные цены вместо предусмотренных 2% на 3,2%¹⁵.

В 1972 г. рост гарантированных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию превысил предусмотренное общее повышение цен за этот же год на 2,8%¹⁶. Но производственные затраты сельских товаропроизводителей в том же году возросли в среднем на 9,8%¹⁷, так как сильно возросли цены на основные виды средств производства. Например, минеральные удобрения подорожали на 5,9%, комбикорма — на 11,2%, сельскохозяйственные машины и инвентарь — на 17,3%¹⁸. Стали дороже на 7,2% потребительские товары¹⁹. В этих условиях даже повышенные гарантированные закупочные цены не привели к росту доходов крестьянства, а только несколько уменьшили убытки,

---

⁸ Talouselämä, 1972, N:o 11, s. 5.

⁹ «Kansan Uutiset», 18. 5. 1973.

¹⁰ Подсчитано по Suomen tilastollinen vuosikirja 1971. Helsinki, 1972, s. 280—281, 290.

¹¹ Ibidem, s. 280—281.

¹² Maitotalous, 1969, N:o 8, s. 21.

¹³ «Kansan Uutiset», 23. 3. 1971.

¹⁴ Ibidem, 23. 12. 1971.

¹⁵ Ibidem, 23. 3. 1971.

¹⁶ Taloudelliset tapahtumat, 1973, N:o 2, s. 16.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Taloudelliset tapahtumat, 1972, N:o 11, s. 19.

которые терпит крестьянство в условиях интенсивного роста цен.

Не каждый год финский крестьянин получал даже тот скромный доход, который он должен был получать от повышения закупочных цен на свою продукцию. Происходило это по следующей причине. Порядок расчета с крестьянами, установленный на 1970 и 1971 гг., допускал снижение закупочных цен в случае, если производство продуктов питания превышает отечественное потребление. Так и получилось: основных видов продукции сельское хозяйство произвело больше, чем требовалось. В результате с января по август 1971 года сельские товаропроизводители недополучили почти одну треть той суммы, которую должны были бы получить²⁰. Общая сумма уменьшения возможных доходов крестьян составила 20 млн. марок²¹. Это вызвало серьезное недовольство. Правительство было вынуждено поэтому дать обещание о возмещении полученных убытков. Однако обещание осталось невыполненным — дополнительных средств из государственного бюджета не выделили.

Существенное влияние на уровень доходов сельских товаропроизводителей оказывает также введение платы на покрытие расходов государства по реализации излишков молока и пшеницы. Она взимается при превышении установленных лимитов с каждого килограмма молока и пшеницы при их поступлении на рынки путем снижения гарантированных закупочных цен. Эта плата введена с 1970 г.

Поступления в государственный бюджет по этой статье составили в 1970 г. 12,7 млн. марок, в 1971 г. ожидалось получить 20,4 млн. марок²², а в 1972 г. — 13,5 млн. марок²³. Некоторое сокращение бюджетных поступлений связано с отменой платы за излишки молока.

С 1969 г. государство ввело новый порядок налогового обложения доходов в сельском хозяйстве. Ранее доходы сельских хозяев облагались по расчетному методу, исходя из твердых ставок и площади сельскохозяйственных угодий. В настоящее время налогообложение происходит на основе полученного сельским товаропроизводителем чистого дохода, который определяется как разность между поступлениями от реализации сельскохозяйственной продукции и расходами, которые несет товаропроизводитель, чтобы получить доход. Казалось бы, этот принцип призван обеспечить обложение подоходным налогом сельских товаропроизводителей по их действительным доходам.

---

²⁰ L. Sauli. Maataloustuotteiden tavoitehinta ja sen saavuttaminen. Karjalous, 1971, N:o 12, s. 478.

²¹ Ibidem.

²² Suomen tilastollinen vuosikirja 1971. Helsinki, 1972, s. 249.

²³ Ibidem.

Однако его практическое применение в силу особенностей определения величины чистого дохода дает преимущества крупным хозяйствам. Дело в том, что в чистый доход, подлежащий налогообложению, включается часть валового дохода в размере оплаты труда самого хозяина. В то же время затраты на наем рабочей силы рассматриваются как расходы по ведению хозяйства. Известно, что в крупных хозяйствах, как правило, сам владелец трудится мало. На него работает наемная рабочая сила. В мелких же хозяйствах всю работу выполняют сам хозяин и члены его семьи. Отсюда ясно, что при установленной системе расчета величины облагаемого дохода в выигрыше остаются крупные хозяйства.

С введением нового порядка обложения доходов сельские предприниматели стали производить начисление амортизации сельскохозяйственной техники и сооружений, причем по высоким нормам²⁴. Начисленные амортизационные суммы рассматриваются как расход по ведению хозяйства. В этих условиях крупные хозяйства, имеющие современную сельскохозяйственную технику и осушительные сети, получили возможность еще уменьшить сумму облагаемых доходов за счет вычета амортизационных сумм. Мелкие же хозяйства, не имеющие современной техники, попали в еще более трудное положение.

В силу этих особенностей определения облагаемого чистого дохода налоговое бремя значительно возросло в мелких хозяйствах. Так, подоходный налог за 1968 год возрос, по сравнению с предыдущим годом, по всем хозяйствам на 6%, но в хозяйствах, имеющих до 10 га пашни, рост налогового бремени составил 39,7%, а в хозяйствах, где свыше 10 га пашни, снизился на 3%²⁵. К тому же следует иметь в виду, что сельскохозяйственное производство в хозяйствах, имеющих до 10 га пашни, не является рентабельным. Даже в Южной Финляндии, в этом наиболее благоприятном районе для сельскохозяйственного производства, ведение хозяйства обеспечивает получение хозяином и членами его семьи заработной платы на уровне сельскохозяйственных рабочих и минимальной прибыли на вложенные средства производства только при наличии не менее 20 га пашни. В Южной Финляндии в хозяйствах, имеющих до 10 га пашни, недополучение такого уровня доходов в расчете на 1 гектар пашни составляло в 1968 г. 292 марки²⁶.

Новый порядок обложения доходов оказался настолько несправедливым в отношении мелких хозяев, что это вынуждены

²⁴ Сельским хозяевам предоставляется возможность амортизировать за год до 30% первоначальной стоимости сельскохозяйственной техники и до 10% стоимости дренажной осушительной сети (Maatalouskalenteri 1971, s. 193).

²⁵ K. Paavilainen. Muuttuva maatalousverot. Käytännön maamies, 1971, N:o 1, s. 12.

²⁶ Suomen tilastollinen vuosikirja 1970. Helsinki, 1971, s. 87.

были признать все политические партии и правительство. Правительству пришлось создать специальный комитет для изучения создавшегося положения и разработки предложений по внесению корректив в порядок обложения доходов. Но предложенные комитетом поправки являются незначительными. Так, комитет предложил освободить от подоходного налога сельскохозяйственные продукты, произведенные для личного потребления хозяев и членов их семей, и внес еще некоторые другие несущественные поправки, которые не устраняют основных недостатков нового порядка обложения доходов сельских хозяев.

К росту экономической неустойчивости в мелких хозяйствах ведет также осуществление программы по консервации сельскохозяйственных земель, которая проводится в Финляндии с 1969 года. Существо консервации состоит в том, что землевладельцы заключают с государством договор, согласно которому они отказываются от ведения сельскохозяйственного производства. За это государство выплачивает им вознаграждение по 250 марок с каждого законсервированного гектара пашни²⁷. Консервация земель распространяется на целые хозяйства, договор заключается на три года и может автоматически обновляться до девяти лет. Данная программа предусматривает полную ликвидацию молочного скотоводства, свиноводства, птицеводства и полеводства. Допускается только товарное садоводство и овощеводство в прежних размерах, а также содержание рабочей лошади.

В целях сокращения поголовья коров и чтобы заинтересовать в этом хозяев, заключивших договор на консервацию пашни, государство, в дополнение к основной программе по изъятию земель из сельскохозяйственного оборота, ввело плату за сдачу молочного скота на убой в размере одной марки с каждого килограмма убойного веса дополнительно к основной цене²⁸.

В 1970 г. в Финляндии проводилась годовая программа по сокращению молочного скотоводства. Она заключалась в предоставлении 500 марок вознаграждения за каждую сданную на убой корову при условии полной ликвидации молочного скотоводства и обязательства отказаться от ведения молочного хозяйства в течение трех лет²⁹. Ведение скотоводства мясного направления в этом случае допускалось.

Консервация сельскохозяйственных земель получила в Финляндии относительно широкое распространение. В первом году проведения в жизнь этой программы прекратили сельскохозяйственное производство в 13,3 тыс., в последующий год — в

---

²⁷ K. Muuramo. Pellon käytön rajoittamisesta. Maatalous, 1969, N:o 10, s. 171.

²⁸ Ibidem.

²⁹ S. Suomela. Maidon tuotannon tasapainottamiseksi uusia toimenpiteitä. Karjalalous, 1970, N:o 4, s. 203.

7,4 тыс. и на третий год — в 4,9 тыс. хозяйствах³⁰. Таким образом, за 1969—1971 гг. сельскохозяйственное производство было законсервировано в 25,6 тыс. хозяйств, что составляет 9,7% от общего количества хозяйств, имеющих не менее двух га пашни³¹.

Осуществление замораживания и скрытого снижения гарантированных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, введение нового порядка обложения доходов сельских товаропроизводителей, консервация земель привели к возникновению непреодолимых трудностей во многих мелких и средних хозяйствах. Крестьянам и до этих мер удавалось с трудом сводить концы с концами.

Для многих мелких хозяйств в новых условиях остается один путь — самоликвидация. По данным двух последних сельскохозяйственных переписей, количество хозяйств, имеющих не менее двух га пашни, сократилось с 1959 по 1969 год на 7,5%³². При этом упразднение крестьянских хозяйств, которого не наблюдалось в Финляндии до конца 50-х гг., происходит в нарастающих темпах. Основное сокращение количества хозяйств произошло в конце 60-х гг.³³

Что же достигнуто ценой массовой ликвидации мелких и средних хозяйств?

Согласно программе консервации предусматривалось изъять из сельскохозяйственного оборота за первые два года 100 тыс. га пашни. Одновременно это должно было привести к сокращению молочного скота на 20—30 тыс. голов³⁴. Первоначально намеченную программу почти выполнили уже в первом году, а к концу 1971 г. в Финляндии законсервировали 160,9 тыс. га пашни, что составляет 6,05% всей пашни в стране³⁵. поголовье коров в хозяйствах, владельцы которых заключили договор о консервации сельскохозяйственных земель, составляло в 1969 г. — 11 тыс., в 1970 г. — 8,8 тыс., в 1971 г. — 5,5 тыс. Из этого поголовья на убой было сдано около 95%³⁶. Дополнительно к этому, согласно программе по сокращению молочного скотоводства, хозяйства сдали на убой в 1970 г. еще 51,5 тыс.

---

³⁰ E. O. Kangas. Pellonvaraustoiminnasta. Karjatalous, 1971, N:o 12, s. 484—485.

³¹ Подсчитано по предыдущему источнику и Suomen tilastollinen vuosikirja 1970. Helsinki, 1971, s. 75.

³² Подсчитано по Yleinen maatalouslaskenta 1959, nide 2. Helsinki, 1962, s. 6—9; Suomen tilastollinen vuosikirja 1970. Helsinki, 1971, s. 75.

³³ S. Suomela. Maatalouspolitiikan tavoitteet 1970-luvulla. Karjatalous, 1970, N:o 4, s. 185.

³⁴ E. O. Kangas. Pellonvaraussopimuksia yli 13 000 tilalle. Karjatalous, 1969, N:o 10, s. 385.

³⁵ E. O. Kangas. Pellonvaraustoiminnasta. Karjatalous, 1971, N:o 12, s. 488—489.

³⁶ Ibidem, s. 488.

коров и нетелей³⁷. В результате сократилось общее поголовье молочного скота в стране. Если в 1968 г. насчитывалось 1045,1 тыс. коров, то в 1971 г. их осталось только 849,3 тыс.³⁸ Соответственно сократилось и производство молока (в 1968 г. — 3596 тыс. тонн³⁹, в 1971 г. — 3293 тыс. тонн⁴⁰).

Если судить по приведенным цифрам, то правительство Финляндии как будто бы добилося своей цели — законсервированы значительные сельскохозяйственные угодья и сокращено молочное скотоводство.

Но все же сокращения производства продукции полеводства не произошло: в 1970 г. с полей собрали 4487 млн. кормовых единиц, а в 1971 г. — 4663 млн., в то время как в 1968 г. было получено со всей обрабатываемой площади пашни только 4221 млн. кормовых единиц⁴¹. Основной причиной роста урожая является повышение интенсивности полеводства. Так как компенсация, выплачиваемая за отказ от возделывания пашни, была относительно низкой, то это привело к консервации только малопродуктивных земель. Так, по оценке некоторых специалистов, с полей, законсервированных в 1969 г., в случае их обработки был бы получен урожай на 20—30% ниже средних показателей по стране. Хотя с точки зрения эффективности сельскохозяйственного производства целесообразным являлось изъятие из оборота малопродуктивных земель, именно это послужило причиной малого эффекта консервации пашни как меры по сокращению перепроизводства сельскохозяйственной продукции.

Характерным для Финляндии, наряду с сокращением производства молока, является и тот факт, что население стало меньше потреблять молока и молочных продуктов. Например, потребление молока на душу населения сократилось с 289 кг в 1967 г. до 277 кг в 1971 г., а сливочного масла соответственно — с 17,2 до 15,1 кг⁴². В результате нереализованные излишки сельскохозяйственных продуктов существенно не сократились и даже возросли. Так, в 1971 г. производство молока превышало отечественное потребление на 21%, а в 1967 г. — на 17%⁴³.

Меры по ограничению производства молока и пшеницы привели к ускорению развития других отраслей сельского хозяйства. Быстро увеличилось поголовье свиней и птицы. В результате наблюдался быстрый рост производства мяса и яиц. Например, поголовье свиней возросло с 719,7 тыс. в 1968 г. до

³⁷ E. O. Kangas. Pellonvaraustoiminnasta. Karjatalous, 1971, N: o 12, s. 488.

³⁸ Suomen tilastollinen vuosikirja 1971. Helsinki, 1972, s. 80—81.

³⁹ Rautaisannos maatalouden numeroita 1970. Helsinki, 1970.

⁴⁰ Rautaisannos maatalouden numeroita 1972. Helsinki, 1972.

⁴¹ Rautaisannos maatalouden numeroita v. 1970—1972. Helsinki, 1970—1972.

⁴² Ibidem.

⁴³ Rautaisannos maatalouden numeroita v. 1968—1972. Helsinki, 1968—1972.

1182,5 тыс. в 1971 г., а поголовье кур соответственно с 6940 тыс. до 8293 тыс.⁴⁴. Производство мяса за этот период возросло с 182,8 тыс. тонн до 254,1 тыс., яиц с 54 тыс. тонн до 72,2 тыс.⁴⁵ Даже несмотря на увеличение потребления этих видов продуктов питания на душу населения, это привело к перепроизводству мяса и яиц. Так, производство мяса в 1968 г. превышало отечественное потребление на 3%, а в 1971 г. — уже на 19%⁴⁶.

Таким образом, цели, поставленные правительством, остались недостигнутыми. В то же время консервация сельскохозяйственных земель и сокращение молочного скотоводства привело к росту государственных расходов. Об этом свидетельствуют цифры: из государственного бюджета с 1969 г. по июль 1971 г. было выплачено 59,9 млн. марок вознаграждений за изъятие пашни из сельскохозяйственного оборота, а за сдачу коров на убой и отказ от ведения молочного скотоводства — 25,3 млн. марок⁴⁷. Продолжают возрастать затраты государства по реализации излишков продуктов питания. Если на эти цели в 1968 г. из бюджета выделили 520 млн. марок⁴⁸, то в 1971 г. — уже 805 млн. марок⁴⁹. Отсюда следует вывод, что ценой ликвидации массы мелких и средних крестьянских хозяйств и роста государственных расходов по существу не достигнуто никакого реального успеха в преодолении аграрного кризиса.

Неэффективные правительственные меры привели к значительному ухудшению экономического положения крестьянства, особенно мелких и средних хозяйств. Анализ последствий осуществления правительственных мер убедительно показывает, что государственное регулирование сельскохозяйственного производства происходит не в интересах широких слоев крестьянства. Скрытой целью аграрной политики стала ликвидация мелкого производства в сельском хозяйстве.

В ближайшее время в Финляндии, по всей вероятности, темпы этого процесса ускорятся. Многим мелким товаропроизводителям предстоит после ликвидации своего хозяйства искать работу в других отраслях экономики. Но промышленность, строительство и другие отрасли не в состоянии предоставить работу всем желающим. Даже в годы высокой конъюнктуры, например в 1969 г., в Финляндии 2,8% всех рабочих не имели работы⁵⁰. Положение мелких товаропроизводителей, вынужденных покинуть сельское хозяйство, усложняется еще тем, что они не

⁴⁴ Suomen tilastollinen vuosikirja 1971. Helsinki, 1972, s. 80—81.

⁴⁵ Rautaisannos maatalouden numeroita v. 1968—1972. Helsinki, 1968—1972.

⁴⁶ Rautaisannos maatalouden numeroita v. 1969—1972. Helsinki, 1969—1972.

⁴⁷ E. O. Kangas. Pellonvaraustoiminnasta. Karjalalous, N:o 12, s. 488.

⁴⁸ «Kansan Uutiset», 5. 12. 1970.

⁴⁹ «Kansan Uutiset», 10.12.1971.

⁵⁰ Suomen tilastollinen vuosikirja 1970. Helsinki, 1971, s. 303.

имеют нужной квалификации для применения своего труда в других отраслях экономики. Их ожидает безработица.

В этих трудных условиях единственным последовательным защитником крестьянства является Коммунистическая партия Финляндии, категорически выступающая против снижения гарантированных цен на сельскохозяйственную продукцию. Коммунисты серьезно предупреждали об опасных последствиях политики стабилизации. Они категорически выступили и против нового порядка взимания подоходного налога с сельского населения, который дает предпочтение крупным высокомеханизированным хозяйствам. По инициативе коммунистов Демократический союз народа Финляндии внес предложения по ограничению возможностей преуменьшения облагаемых доходов в крупных хозяйствах и по предоставлении некоторых льгот для мелких хозяйств. Однако эти предложения не были включены в поправки к закону об обложении.

Коммунисты Финляндии требуют предоставления постоянной работы для той части населения, которая покидает сельское хозяйство, организации для нее курсового обучения с тем, чтобы облегчить переход бывших крестьян на работу в индустриальные отрасли экономики.

POLLUMAJANDUSLIKU TOOTMISE REGULEERIMINE JA SELLE TULEMUSED SOOMES

L. TOIVERE

Resümee

Viiekümnendate aastate keskel tekkisid Soomes toiduainete — piimasaaduste ja kanamunade realiseerimata ülejäägid. Soome valitsus püüdis realiseerimisprobleemi lahendada põllumajanduse tootmisuuna muutmise teel. Kuid seda katset ei krooninud edu. Väikemajandid jätkasid piima tootmist. Samal ajal aga tekkisid nisu realiseerimata ülejäägid. Kokkuvõttes osutus olukord veelgi keerulisemaks.

Nendes tingimustes võttis Soome valitsus ette põllumajanduspoliitika põhjaliku muutmise. Uute abinõude hulgas on keskne koht niinimetatud majandusliku olukorra stabiliseerimise poliitikal, mis hõlmab ka põllumajandust, piima ja nisu realiseerimismaksu sisseviimisel, põllumajanduslike maade konserveerimisel. Samuti viidi sisse põllumajanduslike kaubatootjate tulude uus maksustamise kord.

Uued abinõud ei põhjustanud põllumajandusliku tootmise tunduvalt vähenemist, kuid kutsusid samal ajal esile talurahva olukorra tunduva halvenemise. Nendes rasketes tingimustes on järjekindlaks talurahva kaitsjaks vaid Soome Kommunistlik Partei.

REGLERINGEN AV JORDBRUKSPRODUKTIONEN OCH DESS FÖLJDER I FINLAND

L. TOIVERE

Resumé

I Finland uppstod i mitten av 1950-talet ett överskott av mjölk- och äggprodukter, som man inte kunde få avsättning för. Den finska regeringen försökte lösa mjölkprodukternas avsättningsproblem genom att ändra jordbrukets produktionsinriktning. Men försöket att ändra produktionsinriktningen misslyckades. Småjordbruken kunde inte avstå från mjölkboskapsuppfödningen och fortsatte att öka mjölkproduktionen. Vid samma tidpunkt uppstod ett överskott av vete. Till följd härav komplicerades läget ytterligare.

I detta läge ändrade den finska regeringen sin jordbrukspolitik. Bland de nya åtgärderna intog den så kallade ekonomiska stabiliseringspolitiken en central plats, vilken omfattade även jordbruket, subvention åt avsättningen för mjölk- och veteöverskott, konservering av jordbruksjordarna. Man införde också ett nytt beskattningssystem för jordbruksvaruproducenternas inkomster.

Dessa nya åtgärder ledde inte till någon väsentlig reducering av jordbruksproduktionsvolymen. De innebar snarare en väsentlig försämring av böndernas ställning. Under dessa svåra förhållanden var det endast det finska kommunistpartiet, som framträdde som bondeklassens konsekvente försvarare.

II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ НОРВЕГИИ XII—XIII вв.

Изучение вопросов общественного сознания представляет значительный интерес с точки зрения исторической науки. Отставание сознания от производственных отношений, обусловленное, в конечном счете, состоянием общества, в свою очередь неизбежно накладывало отпечаток на экономическую и, в особенности, социальную жизнь. Поэтому для правильного понимания периода раннего средневековья важно не только проследить объективные процессы исторического развития, но также выяснить те конкретные формы, в которые эти процессы облекались в плане субъективном и которые нередко влияли на их содержание.

Разработка проблем общественного сознания раннего средневековья в принципе не является новой. Еще в начале XX века некоторые зарубежные историки посвятили свои работы изучению средневековой культуры, и в частности культуры древней Скандинавии¹. Однако само понятие культуры трактовалось ими односторонне: рассматривая, по существу, вопросы общественного сознания, эти историки почти полностью абстрагировались от социально-экономических аспектов развития общества, не учитывали их тесной взаимосвязи. Это неминуемо влекло за собой искажения в отображении исторической действительности.

В то же время в советской медиевистике этим проблемам до последнего времени, к сожалению, не уделялось должного внимания², хотя важность их разработки была отмечена А. И. Неусыхиным еще в 40-х годах³. Подобное невнимание представляется теперь не совсем оправданным, поскольку советской исто-

---

¹ См. например: W. Grönbech. Kultur und Religion der Germanen. I—II Bd. Darmstadt, 1961; из новых работ: H. Kuhn. Das alte Island. Düsseldorf-Köln, 1971.

² Исключение составляют появившиеся в последние годы работы А. Я. Гуревича, часть которых посвящена специально изучению представлений древнескандинавского общества на материале исландских саг и Старшей Эдды.

³ А. И. Неусыхин. Эволюция собственности и свободы в родо-племенном и варварском обществе. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 84—85.

рической наукой достигнуты значительные успехи в исследовании экономической и социальной истории средневековья, что создает надежную основу для изучения сознания средневекового общества. С другой стороны, изучение сознания могло бы оказать существенную помощь в разрешении некоторых спорных вопросов социально-экономической истории.

Настоящее сообщение, разумеется, не может претендовать на полное освещение этой широкой и важной проблемы. Оно является лишь попыткой проследить на конкретном материале некоторые аспекты правового мышления древних норвежцев, а также, где это удастся, взаимосвязь этих аспектов с социальными и экономическими факторами. Судебник Фростатинга, послуживший основным источником для данной работы, еще не изучался специально под этим углом зрения, хотя его материалы использовались рядом историков в исследованиях по другим вопросам⁴.

Судебник представляет собой запись обычного права Северо-Западной Норвегии (области Трёндалаг). Его окончательная редакция относится к 1260 году. Как показали работы советских историков, в XIII веке в Норвегии восторжествовали феодальные отношения, и норвежское общество разделилось на два основных класса: поземельную знать, военнослужилую и духовную, и угнетенное ею и государством крестьянство⁵. Однако, наряду с развитием новых отношений, важную роль в Норвегии этого периода продолжали играть институты варварского общества. Норвежское крестьянство было лично свободным. Связь между отдельными частями страны оставалась довольно слабой, а самостоятельность отдельных областей и местной знати весьма значительной. Записанные в XII—XIII вв. областные законы частично отражают эту еще дофеодальную разобщенность. В соответствии с этим существовала развитая система народных собраний — тингов, в компетенцию которых входило решение вопросов местного значения, а также суд.

О созыве тинга обычно оповещались все бонды соответствующей области или округа. Для этого вырезался определенный знак, который древние норвежцы обязаны были передавать из дома в дом: «Каждое оповещение, которое приходит в дом, необходимо передавать в следующий дом, из которого идет дым, как бонды договаривались об этом на тинге. И везде, где человек сеет и жнет на своей земле, и на ней стоят жилые дома, обя-

---

⁴ Одним из наиболее крупных исследователей, изучавших юридическую сторону древненорвежских судебных книг, был К. Маурер. См., например, его работу: *K. Maurer. Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte*. 1—3. Bd. Leipzig, 1907—1909.

⁵ А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967; А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, стр. 69—82 и 121—132.

занность передачи знака должна им соблюдаться в отношении всех ...»⁶

Для приглашения ответчика или свидетеля на тинг необходимо было приехать в его двор и приглашать в доме, при этом хозяин должен был сидеть на возвышении, т. е. на своем хозяйском месте. Приглашение, как правило, делалось при свидетелях, но в дом нельзя было входить в количестве более четырех человек, иначе это рассматривалось как нападение. Для того, чтобы вызов в суд состоялся и соответствовал бы закону, приглашающий должен был произнести определенные формулы, предназначенные для этого случая⁷.

Древненорвежское право, тесно связанное с разнообразными явлениями жизни, не поднялось еще до уровня абстрактных понятий и общих норм. Постановления отличаются исключительной конкретностью и наглядностью, что типично для права раннего средневековья в целом. Связь с древнегерманскими обычаями несомненна. Типичными в этом смысле являются расценки различных ранений тела. В мельчайших подробностях разбираются всевозможные случаи вплоть до увечий отдельных пальцев руки и ноги. Как и в других варварских правдах, возмещение за рану определяется путем бросания осколков костей на щит⁸.

Описание событий в законах Фростатинга зачастую отличается образностью и метафоричностью, а обозначения объектов охотно заменяются их символами. Человек — это для судебного «нос» (*nef*): король отменяет повинности для двух «носов», на полене с зарубками бонд должен отметить численность «носов» своего хозяйства, обязанных участвовать в лейданге; человек, не отмеченный на полене, называется «скрытый нос». Обязанность каждого до конца участвовать в ополчении выражена фразой: «Каждый, кто вынес свое весло из дома, должен принести его домой». «Сделать холодные угли» — так говорят об арендаторе, покинувшем участок до конца срока аренды. Свидетели судебной процедуры названы «столбами изгороди суда» (*dómstaurar*)⁹. Принятие формулы «незнающий волк» (*óvísá vargr*) фактически являлось оправданием для человека, непредумышленно совершившего проступок, за которым следовало состояние «вне закона»¹⁰.

⁶ Norges gamle Love indtil 1387, udg. ved R. Keyser og P. A. Munch. I. Bd. Christiania, 1846. Den ældre Frostathings-Lov. II, 23. (Далее употребляется сокращенно — F.)

⁷ F X, 2, 4, 6, 7.

⁸ F IV, 49.

⁹ См. об этом подробнее во вступительной статье Р. Майсснера к немецкому переводу законов Фростатинга. Germanenrechte. Bd. 4. Norwegisches Recht. Das Rechtsbuch des Frostathings. Hrsg. von R. Meißner. Weimar, 1939, S. XXXI e. a.

¹⁰ F III, 1; IV, 41; V, 9. Аналогию находим в Салической правде: *var-gus* — человек, находящийся «вне закона».

Нормы древненорвежского права, очевидно, распространялись не только на людей, но на все объекты, способные причинить какой-либо ущерб. Ответственность за нападение животного на человека возлагалась на самое животное¹¹.

Соблюдению различного рода ритуалов и обрядов в древненорвежском обществе придавалось очень большое значение, поскольку часто без этого был бы недействительным самый акт. В первую очередь это касалось тех жизненных явлений, которые казались древним норвежцам наиболее значительными: заключение и расторжение брака, введение в род, передача собственности, порядок приглашения в суд и т. д. Строго регламентируются не только действия, но и сопровождающие их выражения. Судебник изобилует формулами. Приведем для примера одну из них: «И так следует произносить клятву: это я слышал, что таким образом проходит граница между собственностью бонда и альменнингом, и я не знаю ничего более справедливого в этом деле»¹².

Материал судебного Фростатинга позволяет сделать заключение о том, что каждый член общества должен неукоснительно следовать традиционным условиям и требованиям. Как свидетельствуют сами законы, эти требования не всегда соблюдались древними норвежцами, но норма несомненно господствовала. Это в свою очередь сказывалось и на логических построениях, которые существенно отличались от современных.

При разборе тяжбы основное внимание уделялось точному исполнению правовых процедур и произнесению соответствующих формул. Подсказанное ритуалом решение считалось справедливым и окончательным. Можно предположить, что правовые обряды связывались древними норвежцами с языческими сакральными силами, а позднее — с волеизъявлением христианского бога, т. к. в период раннего средневековья правовая сфера не была полностью отделена от религиозной. Во всяком случае, испытание раскаленным железом и кипятком, известное по другим варварским правдам, широко применялось в Норвегии в XIII веке и даже находилось под надзором норвежской церкви¹³, несмотря на запрещение «божьего суда» IV Латеранским собором 1215 года.

Нередко в судебном разбирательстве принимали участие люди, которые не являлись непосредственными участниками конфликта. Так, клятва с двенадцатью соприсяжниками могла освободить бонда от самого тяжкого обвинения. Однако (как

---

¹¹ F V, 16.

¹² F XIV, 7.

¹³ Например, F II, 45.

видно из F IV, 8) соприсяжники — это не свидетели, а люди вообще достойные доверия: «В фюльке следует назвать двенадцать одальманов или лучших бондов, если нет одальманов. Не следует назначать ни друзей, ни врагов. Обвиняемый должен иметь двоих из двенадцати и двух ближайших родственников, он сам пятый, а другие семь — свободные и взрослые люди, которые крепки в своих словах и клятве». Таким образом, соприсяжники призваны в большей степени подтвердить добрую славу обвиняемого, нежели доказать его невиновность. Из другого постановления, где судьи в ходе правовой процедуры пытаются определить «лучшие права перед богом» одной из тяжущихся сторон¹⁴, со всей очевидностью вытекает, что добрая слава человека в обществе и его родовое достоинство, а не обстоятельства дела имеют первостепенное значение при вынесении приговора. Дело в том, что «права» фигурируют здесь под термином *géttr*, под которым в источнике обычно понимаются именно исконные родовые права индивида. На этом следует остановиться немного подробнее.

Пережитки родовых отношений оказали сильное влияние на древненорвежское право. Хотя разложение родовых связей в XII—XIII вв. шло полным ходом, судебник продолжает рассматривать индивида сквозь призму родовых отношений. Это выражается прежде всего в обосновании прав и обязанностей человека в обществе принадлежностью к определенному коллективу сородичей. Например, пригласить ответчика в суд можно было по месту жительства его отца или матери¹⁵. Родственники оказывают или должны оказывать своему сородичу различную поддержку — это и кровная месть¹⁶, и соприсяжничество, и выкуп бездомного родственника из неволи¹⁷. Особенно показательно в этом плане постановление F IV, 9, которое признает за родственниками человека, совершившего убийство во время тинга, право на оказание определенной помощи сородичу непосредственно на месте происшествия. Следует принять во внимание, что вслед за этим преступлением немедленно наступает состояние «вне закона», и всем бондам, за исключением родственников, вменяется в обязанность преследовать убийцу тут же на тинге.

Особенно четко права и обязанности членов родственного коллектива представлены в главе VI судебного, где говорится об участии сородичей в получении и выплате вергельдов за убийство. Обязанности по платежам ложились в первую очередь на ближайших родственников трех поколений по мужской линии, так называемых *vísendr*. Некоторые исследователи

¹⁴ F XIII, 24.

¹⁵ F X, 9.

¹⁶ F введ. 3, 5, 6, 7, 8.

¹⁷ F X, 39.

полагают, что *visendr* уже в раннее средневековье составляли патриархальную большую семью¹⁸. Очевидно, на практике это так и было. Но нас интересует больше тот факт, что для составителей судебника наряду с *visendr* все еще продолжает существовать и более широкая группа сородичей, обозначенная термином *ætt*¹⁹.

Есть основания полагать, что *ætt*, по представлениям древних норвежцев, существовал лишь в том случае, если он насчитывал не менее пяти поколений живых и умерших родственников, поскольку все сородичи, принимавшие участие в выплате и получении вергельдов, представлены в законах Фростатинга пятью поколениями как по мужской, так и по женской линии. А в F IX, 10 читаем: «И если противостоящий жалобе утверждает, что он из свободного рода, тогда он отсчитывает четырех своих предков вплоть до прародителей, и он сам пятый и приводит свидетельства двух бондов из свободного рода...»

Однако *ætt* уже нельзя в полном смысле слова назвать родом — это скорее патронимия. Лишь иногда он предстает перед нами в качестве реальной совокупности сородичей. Как видно из F введ. 8, родственники пострадавшего, мстя за своего сородича, старались нанести наибольший вред не самому виновному, а его *ætt* в целом. С аналогичными ситуациями мы неоднократно встречаемся в исландских сагах.

Как раз принадлежность человека к такому родственному коллективу дает ему основные права — *rétt*, личный правовой статус. Непосредственная связь института *rétt* с коллективом сородичей вытекает из факта установления этих прав в строгом соответствии с происхождением индивида. Об этом свидетельствует ряд постановлений, где речь идет о незаконнорожденных детях, правовой статус которых определяется по статусу отца²⁰. Судебник заостряет внимание на этих моментах, поскольку статус детей, «произведенных в *ætt*» (*ættborinn*), был всем известен и не вызывал сомнений. Однако даже если отец ребенка неизвестен, ребенок все равно автоматически включается в материнский *ætt* и «получает *rétt* по своему деду со стороны матери»²¹. Королевская служба также не всегда могла влиять на определение статуса человека, как это имеет место в F введ. 24: «Также и арман получает *rétt* по своему происхождению». Таким образом, основополагающим критерием личного правового статуса древнего норвежца являлась его

¹⁸ А. Я. Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). «Средние века». № 8, 1956.

¹⁹ О родственных связях в древнорвежском обществе см. также в книге: Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, стр. 104—131.

²⁰ F IX, 15; X, 47.

²¹ F II, 1.

принадлежность к родственному коллективу. Индивид являлся полноправным членом общества лишь постольку, поскольку он принадлежал к определенной группе сородичей, и будучи представителем этой группы в обществе, он обладал всей совокупностью присущих ей прав. Понятия родовой принадлежности и правового статуса неотделимы друг от друга.

Реальное воплощение прав *rétt* заключалось в одноименном возмещении, на получение которого бонд мог претендовать в случае нанесения ему материального или морального ущерба. Возмещение *rétt* обычно выплачивалось в качестве дополнения к другим штрафам и платежам и, в отличие от большинства их, всегда дифференцировано, в зависимости от родового происхождения²². При ближайшем рассмотрении постановлений судебного нетрудно заметить, что *rétt* уплачивалось не за нанесение ущерба как такового, а за сам факт посягательства на права и достоинство человека, т. е. этот институт был призван охранять достоинство индивидов в древненорвежском обществе.

Носителями определенного правового статуса могли быть только свободные и полноправные мужи. Женщина не имела постоянного *rétt*, и ее возмещение определялось в соответствии со статусом мужа или ближайшего родственника. Следует отметить, что сумму *rétt* за посягательство на права женщины почти всегда получал и платил мужчина, хотя уплата происходила за счет имущества женщины: «Если жена одного человека бьет другую женщину, то следует платить половину *rétt* либо супругу избитой, либо ее отцу, и это должно быть взято из ее имущества...»²³

Согласно судебнику, вдовы и одинокие девушки должны были сами получать свое возмещение по статусу их последнего покровителя. Однако даже «самостоятельные женщины» не имели права вести тяжбу или преследовать ответчика. Для этого они должны были назначить правового представителя, равного им по статусу²⁴ (возможно, сородича мужа или отца). Иными словами, даже экономическая независимость женщины от родственников не влекла за собой ее самостоятельности в правовом отношении.

Здесь же необходимо остановиться на двух других институтах древненорвежского права — *öfundarbót* (возмещение за ненависть, за обиду) и *landnám* (возмещение за вторжение в пределы земли), которые также уплачивались в зависимости от происхождения человека.

Несмотря на то, что суммы возмещений *rétt* и *öfundarbót* не совпадают, порядок их уплаты один и тот же: каждый

²² F X, 34, 35.

²³ F X, 38.

²⁴ F X, 36, 37.

вышестоящий статус имеет возмещение на треть больше предыдущего²⁵. Öfundarbót обычно следовало платить в случаях оскорбления бонда словом или действием. Интересно отметить, что это возмещение так же, как и réttir, фигурирует в постановлениях, где говорится о посягательстве на имущество²⁶. Очевидно, нарушение прав собственности приравнивалось к действиям, направленным против самого индивида и его домашних, и воспринималось как обида и посягательство на достоинство.

Сходным является и отношение древних норвежцев к земле. Тот факт, что возмещение за вторжение в пределы чужой земли (landnám) уплачивается дифференцированно по происхождению²⁷, свидетельствует о тесной взаимосвязи между земельным владением и статусом его обладателя, т. е. опять речь идет не столько о самом ущербе, сколько о достоинстве пострадавшего. Не удивительно поэтому, что суммы возмещений landnám совпадают с платежами öfundarbót.

На основании сказанного представляется возможным сделать следующий вывод: личный правовой статус древнего норвежца, непосредственно связанный с его родовым происхождением, практически распространялся на весь коллектив людей, которые находились под его покровительством, и на имущество, которым он владел.

С понятием родового достоинства были связаны не только права, но и определенный круг обязанностей. Индивид должен оправдывать ту добрую славу, которую он получил по происхождению, соответствующим поведением в обществе, соблюдением всех предписаний и обычаев. В противном случае общество сводит на нет его права, лишив его возмещения réttir. Это происходит в тех случаях, когда бонд запятнал себя поступком, недостойным, с точки зрения древних норвежцев, свободного человека. Сюда относится и мелкое воровство²⁸, и нищенство²⁹, и дача ложных свидетельских показаний³⁰. Обращает на себя внимание постановление F VII, 13, где говорится о лишении правоспособности за нехватку каких-либо предметов личного вооружения. В его основе, вероятно, лежит представление о том, что каждый свободный правоспособный человек должен обладать оружием для защиты от посягательств на его права и для службы в ополчении. Итак, до-

²⁵ F IV, 49. Очевидно, понятия réttir и öfundarbót были очень близки: в указанном постановлении оба термина явно фигурируют как синонимы. (В судебнике Эйдсivatingа, II, 39 — öfundarréttir.) Однако соответствующие возмещения различны: ср. с F X, 34.

²⁶ F IV, 56; X, 46; XI, 25; XIII, 13. Ср. с F введ., 22.

²⁷ F XIII, 15.

²⁸ F XIV, 12, 13, 14.

²⁹ Norges gamle Love indtil 1387. I Bd, Christiania, 1846. Hákonarbók, 40 (Далее сокращение в тексте — НК)

³⁰ F XIII, 25.

стоинство древнего норвежца складывалось из двух неразрывно связанных частей — соответствующих прав и обязанностей в обществе, причем права и обязанности находились в прямо пропорциональной зависимости. (Например, в F IV, 53 человек с лучшим статусом платит больший штраф королю.)

В практической жизни, естественно, вставал вопрос о гарантиях прав индивида. Обычно осуществление этих гарантий возлагалось на местных представителей королевской власти. Но из постановлений законов Фростатинга явствует, что королевская власть не могла полностью проводить функции по восстановлению порядка и, как правило, перекладывала их на самих бондов. Те же предпочитали королевским постановлениям, которые требовали значительных усилий и затрат, более эффективные и освященные традицией средства восстановления своих прав.

Даже судебник признает в определенных случаях право родственников на кровную месть³¹. Но на практике к мести прибегали сплошь и рядом. Уже в первом параграфе королевского введения к законам Фростатинга (F введ., 1) говорится: «Многим известно какой значительный ущерб потерпели семьи большинства людей из-за убийств и потери лучших мужей, что здесь более вошло в привычку, чем во многих других странах...» Необычайная устойчивость этого варварского обычая объясняется не только наличием относительно крепких связей внутри отдельных родственных коллективов, но и представлениями древних скандинавов о кровной мести, как о поступке, увеличивающем славу и достоинство самого мстителя и его рода³². Нередко месть осуществлялась не отдельным лицом, а целой группой (*flokkr*)³³, которая, возможно, состояла из сородичей. Само собою разумеется, что в такой обстановке более знатные и могущественные родовые группы могли обеспечить своим членам и большие права по сравнению с остальными бондами, о чем свидетельствует F введ. 6, где человек, напавший на бонда без причины и достигший однажды примирения, «совершает такой поступок еще раз, полагаясь на свое добро и своих родственников». Таким образом, «лучшие права» основывались не только на происхождении, но и на реальном могуществе родового коллектива.

Другим незаконным средством урегулирования конфликтов было примирение бондов помимо королевского суда³⁴. Такое примирение представлялось бондам более выгодным, по-

---

³¹ F введ., 5.

³² См. об этом подробнее: A. Heusler. *Strafrecht der Isländersaga*. Leipzig, 1911, § 23—32.

³³ F IV, 23.

³⁴ F введ., 21.

сколько освобождало их от поборов в пользу королевской власти. Другой важный момент заключался в том, что только между собой бонды могли договориться об условиях примирения, которые в наибольшей степени соответствовали достоинству каждой из сторон и расходились с твердыми официальными расценками правового статуса. Воплощение этого принципа в суде мы находим в НК, 38: «Если человек совершает такое большое неприличие, что лежит с женой другого, то он должен заплатить ее супругу тройной *réttr*. И если он не хочет платить, то пострадавший приглашает его перед тингом, и на тинге он платит ему столько, сколько постановят двенадцать рассудительных мужей, по шесть с каждой стороны».

Достоинство, тесно связанное с родовым происхождением, несомненно, играло очень большую роль в представлениях древних норвежцев о правовом устройстве общества. Источник позволяет забывать об этом со всей определенностью. Однако нельзя забывать, что составители судебногоника, основываясь на господствующих правовых представлениях своего времени, все же делают робкую попытку унифицировать право. В то же время законы Фростатинга позволяют полагать, что на практике взаимоотношения между бондами были гораздо более сложными и многообразными.

*   *

*

Несмотря на развитие феодальных отношений в Норвегии XII—XIII вв., на северо-западе страны продолжали преобладать правовые представления, характерные для эпохи варварства. Это было обусловлено устойчивостью традиции, которая базировалась на относительно крепких связях внутри отдельных родственных коллективов и играла преобладающую роль на данном этапе развития общества³⁵. В свою очередь, этими факторами во многом определялось реальное содержание некоторых социальных и правовых институтов, а также поведение индивидов в древненорвежском обществе.

---

³⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.

ÕIGUSLIKUD TAVAD JA KUJUTELMAD KIRDE-NORRAS XII—XIII SAJ.

V. ZAKS

Resümee

Muistsete norralaste XII—XIII saj. õiguslike tavade ja kujutelmade kohta annavad huvitavat materjali Frostatingi seadused. Nende põhjal võib teha järelduse, et bondide õiguslik mõte ja tegevus oli suurel määral traditsioonidele allutatud.

Sugukondlike suhete igandid etendasid ühiskonna arengus endiselt tähtsat osa avaldades muistsele norra õigusele suurt mõju. Inimese isiklik õiguslik seisund oli ranges vastavuses sugukondliku päritoluga. Sugukondliku kuuluvuse mõiste ning õiguslik seisund olid lahutamatud. Õiguslik staatus pidi kõigepealt kaitsma muistse norralase väärikust ning laienes kõigile, kes olid tema kaitse all, ja varandusele, mis talle kuulus. Õigusliku staatusega määrati kindlaks ka kohustuste ring ühiskonnas.

Õigusi realiseerisid tavaliselt bondid ise, seetõttu olid nende vastastikused suhted praktikas palju keerulisemad ja mitmepalgelisemad kui seadustekogu õigusnormides fikseeritud.

DE RÄTTSLIGA SEDERNA OCH FÖRESTÄLLNINGARNA I NORDVÄSTRA NORGE UNDER 11—1200-TALEN

V. ZAKS

Resumé

Frostatingslagarna, som innehåller ett intressant material för utforskning av fornnormmännens rättsliga seder och föreställningar på elva- och tolvhunderatalen, leder till slutsatsen, att böndernas rättsbegrepp och verksamhet i betydande grad var underordnade traditionen.

Kvarlevor av släktrelationerna fortsatte att spela en viktig roll i samhällslivet och hade stort inflytande på den fornnorska rättsskipningen. En människas personliga rättsstatus fastställdes i sträng överensstämmelse med hennes härkomst. Släktbehörighet och rättsstatus var oskiljaktliga begrepp. Personens rättsstatus skyddade först och främst den enskildes värdighet och omfattade samtliga personer, som stod under dennes beskydd, samt den egendom, han förfogade över. Det var inte bara rättigheter man förknippade med sitt rättsstatus utan också vissa åligganden i samhället.

Rättsskipningen anförtröddes vanligtvis bönderna själva och därför var i praktiken deras inbördes relationer mera komplicerade och mångskiftande än som fastställdes av rättsnormerna i lagsamlingen.

О ДВИЖУЩИХ ФАКТОРАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ШВЕЦИИ В ПЕРИОД КАЛЬМАРСКОЙ УНИИ (КОНЕЦ XIV — НАЧАЛО XVI ВВ.)¹

В шведской медиевистике движущие факторы периода Кальмарской унии чаще всего оцениваются с точки зрения «роста национальных чувств». Эта формулировка принадлежит известному буржуазному историку-экономисту Эли Ф. Хекшеру, который стремился осмыслить исторический путь страны с древнейших времен. Средневековые не было предметом его исследований в собственном смысле, но в посвященных этому периоду разделах ученый обобщил огромный, накопленный историографией материал, определенным образом его интерпретировал. Краеугольным камнем хекшеровской интерпретации шведской истории рубежа средневековья и нового времени было положение о разрыве между «хорошо организованной» жизнью страны при Густаве Васа и «беспорядочным», «архаичным» ее существованием до васовских реформ². Концепция Хекшера стала венцом долго господствовавшей в специальной литературе теории об «отсутствии феодализма» в Швеции.

Современные шведские историки вовсе не склонны говорить ни об «исключительности» шведского средневековья, ни о «хекшеровском» разрыве в нем; особенно это касается ученых, фундаментально исследовавших проблемы и события конца XIV — начала XVI вв. (Э. Лённрот³, К.-Г. Хильдебранд⁴, Л.-А. Нурборг⁵ и вообще лундская историко-экономическая школа и др.). Мнения специалистов о ведущих стимулах этого

¹ В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный автором на VI Всесоюзной конференции скандинавистов (Таллин, ноябрь 1973 г.).

² E. F. Heckscher. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa, v. I. Stockholm, 1935; ср.: *idem*. Svenskt arbete och liv. Från medeltiden till nutiden. Stockholm, 1957 (особ. стр. 22, 23, 57—59, 66).

³ E. Lönnroth. Statsmakt och statsfinans i det medeltida Sverige. — «Göteborgs Högskolas Årsskrift», XLVI, 1940: 3. Göteborg, 1940.

⁴ K.-G. Hildebrand. Publik Finance and National Economy in Early Sixteenth Century Sweden. — «The Scandinavian Economic History Review», v. VII, N I. København, 1959.

⁵ L.-A. Norborg. Storföretaget Vadstena kloster. Lund, 1958; *idem*. Krona och stad i Sverige under äldre Vasatid. — «Hist. Tids.», 1963, N 4.

периода, прошедшего под знаком унии трех скандинавских стран, но завершившегося расторжением унии и укреплением шведского феодально-монархического государства, разделились.

Н. Анлунд, например, развивает модифицированный гейеровский тезис о национально-освободительных настроениях шведских бондов, воспитанных на традициях свободы и не желавших мириться с ее потерей⁶. Г. Карлссон (как и ранее Э. Лённрот) оценивают процессы того времени как борьбу за власть феодальных группировок, которые использовали в своих интересах народные массы⁷. Позднее Е. Русейн показал, что противоречия между этими точками зрения оказываются гораздо менее существенными, если политические действия рассматривать в связи с социальными и экономическими процессами⁸.

Всякому, кто внимательно приглядывался к событиям бурного шведского XV века, становится понятным, что за бесконечными феодальными распрями периода Кальмарской унии можно отчетливо проследить две главные и связанные между собой внутренние линии общественного развития страны. Первая — перестройка экономики, начавшаяся еще в предшествующее столетие и видоизменившая структуру и расстановку социальных сил; вторая — социальная трансформация, приведшая к политическим сдвигам: к образованию — уже при Густаве Васе — феодально-монархического государства с сословным представительством. Именно так характеризуется нами основное общественное содержание периода Кальмарской унии в соответствующей главе недавно вышедшего коллективного труда «Очерки истории Швеции»⁹.

Какие же именно социальные процессы стали основой образования шведской сословной монархии? И какие экономические процессы обусловили соответствующие социальные сдвиги?

В советской историографии эти проблемы ранее специально не изучались; они лишь затронуты в некоторых работах общего характера (более всего — в названных «Очерках...»). Настоящее сообщение предлагает возможное решение поставленных вопросов.

*   *

*

⁶ См. особ.: *N. Ahnlund*. Stockholms Historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1953.

⁷ *G. Carlsson*. Kalmar recess av 1483. — «Historiskt arkiv», 3. Stockholm, 1955; ср.: *E. Lönnroth*. Slaget på Brunkeberg och dess förhistoria. — «Scandia», bd. XI, hf. 2, 1938.

⁸ *J. Rosén*. Svenskt Historia, I. Tiden före 1718. Stockholm, 1962.

⁹ *А. А. Сванидзе*. Период Кальмарской унии. Развитие товарных отношений и складывание сословной монархии. — «Очерки истории Швеции», гл. IV. М., 1975.

Обзор ведущих экономических процессов интересующего нас периода, безусловно, следует начать с аграрной сферы, которая в Швеции, как и во всем средневековом мире, была господствующей.

Аграрное развитие Швеции с конца XIII и до середины XV в. проходило под знаком явлений, объединенных в европейской историографии под общим наименованием «аграрный кризис». Его признаки и выражение (заброс пашенных земель, упадок земледельческого производства и сокращение рентных поступлений, нехватка рабочих рук и др.), совершенно определившиеся после чумы середины XIV в., хорошо известны исследователям, и на них здесь останавливаться не целесообразно. Для нас важно сейчас другое: общественные итоги скрывавшейся за «аграрным кризисом» перестройки, глубокое значение которой теперь общепризнано¹⁰.

Сокращение земледельческого хозяйства, особенно в период со второй половины XIII в., подорвало положение землевладельцев с незначительной экономической базой. Это привело к некоторому перераспределению части земельной собственности, которая от разоряющихся мелких и средних дворян переходила в руки немногих сторманов. Владения последних стали тогда территориально более концентрированными, относительно укрепленными, и — что также существенно — они не подлежали редукции (так как в основном были результатом не раздач сверху, а коммерческого или иного договорного приобретения от частных лиц). Этот процесс увеличил вес, влияние и независимость аристократии, способствовал закладыванию основ магнатского землевладения.

Одновременно усилилась утечка земли в руки датчан и немцев¹¹, в результате чего в стране еще больше укрепились позиции так называемых «общескандинавских» родов, владения которых, семейные и вассальные связи распределялись по всем трем сопредельным скандинавским странам, главным образом, в Дании и Швеции. Эти семьи в целом принадлежали к наиболее состоятельным и экономически устойчивым и в определенной мере противостояли более слабым, «чисто шведским» дворянским семьям, особенно массе низших дворян.

Отдельные группы дворянства, различавшиеся по объему, расположению и характеру их владений, занимали и различные позиции в отношении путей развития государства. Если «общескандинавские» семьи по-прежнему крепко держались за программу Кальмарской унии, то значительная часть среднего

¹⁰ Подробнее о дискуссии по поводу «аграрного кризиса» в Швеции см.: А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М., 1967, стр. 38—42.

¹¹ H. Schück. Minne af Rikshövitsmannen Engelbrekt Engelbrektsson. — «Akad. Handlingar», del. 26. Stockholm, 1925.

и мелкого дворянства, а также ряд сторманов из средней Швеции стремились передать управление страной местным правителям, которые помогли бы обедневшим и менее могущественным родам поправить свои дела за счет ленных раздач, административных постов и прочих пожалований и милостей короны.

Наряду с «количественным» размежеванием в среде шведского господствующего класса наметились и качественные сдвиги, связанные с перестройкой сельского хозяйства, его уклоном в сторону животноводства, что в значительной мере определялось ростом товарно-денежных отношений, в частности, высоким спросом на продукты шведского животноводства на балтийском рынке.

Преимущественный рост животноводства, равно как и продолжавшаяся в XV в. нехватка рабочих рук, имели существенные экономические и социальные последствия. Среди них прежде всего следует назвать расширение оброчной системы, когда землевладельцы полностью или в значительной мере отказывались от собственной запашки и барского производства вообще, раздавая землю в держания и аренду. При этом большая часть держательских повинностей вносилась, как и раньше, натурой и гораздо реже — деньгами (впрочем, так же обстояло дело и с государственными налогами и даже судебными штрафами)¹².

Замечено, что коммутация рент сравнительно быстрее осуществлялась в тех районах, чья продукция представляла меньшую ценность на внешнем рынке. Это происходило вследствие того важного (и хорошо прослеженного шведскими историками) обстоятельства, что товары, имевшие высокий спрос на балтийских рынках, — продукты животноводства, горнорудного, рыболовецкого, пушного промыслов, — сбывались обычно через ганзейских купцов самими землевладельцами, получавшими названные товары в качестве рент и, естественно, не заинтересованными в коммутации этих рент. Так же обстояло дело с доходами в коронном хозяйстве, по поводу которого Э. Лённрот даже заметил, что в то время «казна шведской короны была организована как колоссальный торговый дом»¹³.

Эти торговые занятия дворянства были в XV в. уже не эпизодическим, а постоянным делом, и можно констатировать, что ко второй половине этого столетия помещичье хозяйство и, соответственно, сами феодалы Швеции оказались втянутыми

¹² I. Hammarström. *Finansförvaltning och varuhandel 1504—1540*. St. I. De yngre Sturarnas och Gustav Vasas statshushållning. Uppsala, 1956, s. 150, 152, 155—158; S. Tunberg. Erik af Pommerns jordebok af år 1413. — «Hist. Tids.», 1916, s. 117; E. Lönnroth. *Statsmakt och statsfinans...*, s. 38, 185 o. a.

¹³ E. Lönnroth. *Op. cit.*, s. 256; *idem*. *Från svensk medeltid*. Stockholm, 1959, s. 99.

в рыночные отношения, — точнее, в процесс обращения товаров, — особенно во внешней, оптовой сфере. В данный период это еще не успело сколько-нибудь заметно сказаться на процессе самого производства. Важно другое: из-за сравнительно больших масштабов внешнеторговых операций (что всегда связано с высокими затратами материальных средств и времени, значительным риском, длительным сроком оборачиваемости вложений и т. д.) внешний рынок Швеции к рассматриваемому времени еще не был по-настоящему освоен никакими другими общественными слоями страны, в том числе местным купечеством.

Таким образом, класс феодалов Швеции проявил в течение напряженного XV столетия значительную гибкость и даже обнаружил тенденцию к перспективной перестройке. Укрупнение части земельных владений, определенное внутриклассовое размежевание, усилившиеся рыночные связи — таковы итоги XV века для шведского дворянства. С одной стороны, здесь налично истоки, первые наметки будущих, — как показал А. С. Кан, вполне проявившихся в XVII в., — направлений сельскохозяйственного развития страны: товарного крупнопоместного и мелкого товарного производства. С другой стороны, очевидно, что в среде дворянства созрели некоторые силы, готовые поддержать тенденции государственной централизации.

Как это обычно бывает со средневековыми источниками (да и многими построенными на их основе исследованиями), наибольшее освещение в тех и других получает именно история господствующего класса — его собственное развитие, взаимоотношение с прочими общественными группами. Значительно менее известна жизнь производительных классов средневековой Швеции: их положение весьма скупо отражено в документах той эпохи и совершенно недостаточно исследовано в специальной литературе. Особенно это относится к крестьянству. А между тем очевидно, что в рассматриваемый нами период источником товарной продукции в Швеции было именно мелкое, индивидуальное хозяйство, которое и составляло экономическую основу шведского общества, — крестьянское хозяйство, к которому по типу примыкало хозяйство мелкого, отчасти же и среднего дворянства.

Источники конца XIV—XV вв. единодушно свидетельствуют о возрастании рыночной активности сельского населения страны. Еще в 1380 г. король Альбрехт особым указом разрешил бондам беспрепятственно провозить в Далекарлию ячмень, свинину, масло, хмель и прочие продукты питания, а также вадмаль (домотканное грубое сукно) и полотно, с тем чтобы обменивать их там на железо и сталь¹⁴. Уложение Кристофера

---

¹⁴ Bjärköa Rätten. Utg. af J. Hadorph. Stockholm, 1687, bil., s. 30 f

(середина XV в.) посвятило торговле бондов особый раздел: им разрешалось «продавать и обменивать с другими» все, что «произрастает в поселении бонда или попадает туда» из других областей страны. Наиболее обычными предметами торговли бондов (что отмечено в Ландслаге Кристофера) были скот и продукты животноводства. Например, торговля зерновыми носила ограниченный, нерегулярный характер, причем даже в тех районах, где земледелие в этот период преобладало¹⁵.

На наш взгляд, недостаточность развития земледелия — в условиях втягивания крестьянского хозяйства в товарные отношения — явилась одним из важнейших факторов, обусловивших не только длительное сохранение в шведской деревне подсобных промыслов и ремесел, но и, что особенно важно, товаризацию этих промыслов. Источники XV в. свидетельствуют, что продукция отхожих деревенских промыслов — кожа и мех, рыба и ворвань, древесный уголь, древесина и многое другое — не только потреблялась в хозяйствах самих крестьян и феодалов, но частично уходила на рынок: или из рук самих бондов, или через феодальные хозяйства, получавшие ее в качестве ренты. Еще более товаризовались деревенские подсобные ремесла, также составлявшие существенную часть неземледельческих занятий бондов. Вадмаль, домашнее полотно, деревянные и гончарные изделия, канаты, мелкая домашняя утварь и многие другие продукты домашнего ремесла поступали на рынки страны и имели постоянный сбыт за ее рубежами¹⁶.

Помимо торговли продуктами собственного труда, бонды занимались даже перекупкой «купеческих товаров», то есть обычных, традиционных предметов импорта, которые, как пишут источники, выменивались на «товары бондов», а затем сбывались в розницу на местных рынках или разносились по хуторам. Ландслаг Кристофера называет бондов, арендаторов и «иных мужчин и женщин из деревни» в числе тех, кто «ездит с купеческими товарами, такими, как шелк, соль, сукно, пряности, специи и тому подобное, и занимается торговлей», покупая и продавая по деревням. Такая торговля именовалась «деревенской» (*landsköp*). Она подвергалась строгим запретам, каралась огромным штрафом и конфискацией всего имущества нарушителя, которое шло в пользу короля¹⁷.

Запреты такого рода деятельности деревенских жителей огорожены не только в общегосударственном законодательстве,

---

¹⁵ Konung Christoffers Landslag (далее — K. Landslag). — Samling af Sveriges Gamla Lagar. Utg. af D. G. J. Schluter. Vol. XII. Lund, 1869. KpmB, b. VI; Privilegier, resolutioner och förordningar för Sveriges städer. Del. I (1251—1523). Utg. av N. Herlitz. Stockholm, 1927, s. 209 f. (Täljestagga, 1413).

¹⁶ А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники, стр. 43 и след.

¹⁷ K. Landslag, KpmB, b. VI, VII.

ими наполнены многие указы XV в., направленные против всех видов «незаконной торговли», в частности, против стихийно организовывавшихся торжищ: рынков и ярмарок¹⁸. Конечно, центральная власть была весьма заинтересована в строгом надзоре за торговлей, особенно товарами экспорта и импорта, таможенные сборы с которых давали огромные доходы казне. Но вдохновителями запретов «деревенской» и «незаконной» торговли выступали в первую очередь бюргеры, энергично отстаивавшие свою торговую монополию и привилегии.

Действенные меры по пресечению «самодеятельной» торговли крестьян были осуществлены только к середине следующего столетия, при Густаве Васе, а в XV — начале XVI вв. бонды постоянно занимались торговлей как в городе, так и вне его, торговали как своими, так и покупными товарами, в том числе зарубежными. Таким образом, рыночные связи Швеции в XV в. развивались не только через города, но и на базе деревенских рыночных местечек и торговых пунктов. На наш взгляд, это составило важную особенность развития шведского рынка, всего товарного хозяйства страны в тот период.

Основную массу шведского крестьянства в изучаемое столетие составляли бонды — лично свободные мелкие земельные владельцы, политически полноправные и обязанные тяглом только государству. Но в целом крестьянство уже не было однородным. Документы XV в. четко подразделяют жителей деревни на бондов, держателей (landby) и «неимущих» или «бездомных» лиц (lösafolk). Эти категории фигурируют во многих официальных бумагах, и различия между ними были уже отнюдь не только имущественными, но также и правовыми.

Действительно свободными были только бонды. Они обладали землей, юридической дееспособностью, имели голос в решении местных и даже общегосударственных дел, платили только государственные налоги. По имущественному положению, социально-правовому статусу и общественному престижу они сливались с мелкими вотчинниками, отличаясь лишь от того (уже среднего) слоя последних, которые были в состоянии нести конную службу королю. Держатель-ландбу по договору сидел на чужой земле, платил ренту ее владельцу, выполнял чрезвычайные повинности в пользу государства, и хотя не был исключен из общины, но обладал лишь ограниченной политической и юридической дееспособностью. Тяжелее всего было положение «неимущих» — категории, к которой государственные уложения XIV и XV вв. относили лиц, по своему

---

¹⁸ См., в частности, указы от 1414, 1444, 1461, 1462, 1473, 1488 гг. — Privilegier, resolutioner och förordningar för Sveriges städer, №№ 69, 70, 97, 98, 100, 153, 156, 176.

имущественному состоянию не способных вносить даже половину налога бонда¹⁹.

Л.-А. Нурборг справедливо отмечает, что перестройка сельского хозяйства страны в XV в. углубила дифференциацию крестьянства; при этом он подчеркивает, что разорение определенной части крестьян, сопровождавшееся уходом многих из них из деревни, в значительной степени было вызвано усилением налогового бремени в то время, насыщенное войнами и смутами²⁰.

Выводы по этому вопросу видного шведского историка-экономиста, безусловно, заслуживают внимания. Но для нас бесспорно, что более льготные условия держаний, выгодная рыночная конъюнктура для крестьянской продукции и, наконец, само разнообразие деятельности крестьян, которое давало им относительную экономическую, правовую и моральную независимость, — все это, во многом явившееся результатом общественно-хозяйственных сдвигов XIV—XV вв., укрепило положение основной массы крестьянства и его роль в стране²¹.

Центральная, наиболее крепкая часть крестьянства и особенно его верхушка сравнительно легко находили общий язык с горожанами. Их близость цементировалась относительной бедностью городов, их полуаграрным обликом, личной свободой крестьян и развитием торгово-ремесленно-промысловой деятельности в деревне. Сближало их наличие постоянных деревенских рынков, существование в деревне ремесленников-профессионалов (о которых специально говорит Ландслаг Кристофера²²). Сближая деревню и город, эти факторы на начальных этапах тормозили развитие последнего, поэтому еще и в XVI в. в стране преобладали мелкие и мельчайшие городки — экономические и административные центры сугубо местного значения, насчитывавшие по несколько сотен жителей²³ и сохранявшие значительные аграрные черты: не случайно в городских привилегиях периода Кальмарской унии так много внимания уделяется пожалованию угодий, вопросу о содержании скота и даже пашням.

Вместе с тем, судя по демографическим и другим данным, есть основания полагать, что в середине XV в. развитие городов и бюргерского сословия переживало определенные сдвиги. Прежде всего, началось некоторое увеличение городского на-

¹⁹ Cp.: *Diplomatarium Dalecarlicum. Urkunder rörande Landskapet Dalarne*. Utg. av C. G. Kröningssvärd och J. Lidén. Del. I. Stockholm, 1842, N 23.

²⁰ *L.-A. Norborg. Storföretaget Vadstena kloster*, s. 200.

²¹ А. А. Сванидзе. К исследованию демографии шведского города XIV—XV вв., часть 2. — Сб. «Средние века», вып. 32. М., 1969, стр. 211 и след.

²² K. Landslag, KpmB, b. VII, § I.

²³ N. Beckman. *Vägar och städer i det medeltidens Västergötland*. En topografiskt-historiskt utkast. — «Göteborgs Handlingar», 1916, s. 38, 39, 42, 46.

селения — и за счет «неимущих», и за счет деревенских ремесленников, то есть тех слоев деревни, которые «вымывались» из нее в результате разнообразных процессов социальной дифференциации и трансформации. Тогда же началось сосредоточение в городах ряда традиционных ремесел и промыслов, ранее бывших принадлежностью лишь деревенской жизни: кораблестроения (в это время корабельные верфи вырастают в Стокгольме, Кальмаре, Або, Выборге), канатного производства (даже возникают цехи городских канатчиков); в середине XV в. впервые упоминаются городские гончары. Можно предположить, что к концу этого периода началось перемещение в города и ткачей.

Рост городского производства происходил также за счет развития «старых» его отраслей: увеличения количества строителей (особенно каменщиков), появления ряда новых профессий, явившихся результатом дальнейшего разделения труда в ремесле. Важнейшим свидетельством роста и укрепления городского производства в этот период было повсеместное оформление уставов ранее сложившихся ремесленных цехов и возникновение новых цехов в ряде городов страны. Цеховой строй городского ремесла Швеции вступает в это время в пору своего расцвета, а к концу XV столетия появляются первые предвестники организации нового, мануфактурного типа; они возникли первоначально в тех отраслях городского ремесла, которые обслуживали по преимуществу государство (монетное дело, производство пушек, кораблестроение). Росту городов и купечества прежде всего способствовало развитие балтийской торговли, в частности, торговли продуктами шведской добывающей промышленности и сельского хозяйства.

В течение всего XV в. в среде крупного купечества и во многих ремесленных цехах по-прежнему преобладали иностранцы — немцы из ганзейских городов, в меньшей мере датчане. Они составляли имущественную верхушку городов, заполняли органы городского управления. Рост городов неизбежно приводил к усилению местного бюргерства; выражением этого важного процесса стала борьба горожан за вытеснение иноземцев из органов городского управления.

В истории Швеции этот вопрос был очень острым на протяжении ряда столетий, обычно принимая форму национального определения горожан — своего рода бюргерского «ценза полноправия». Впервые разговор об этом возник еще при ярле Биргере, в начальный период немецкой иммиграции в страну. Борьба здесь прошла ряд этапов, нашедших интересное отражение в законодательных памятниках, и завершилась только после победы при Брункеберге, когда закон 1471 г. и сделанная в соответствии с ним поправка к Городскому уложению полностью закрыли ненатурализовавшимся иноземцам доступ

к городским должностям²⁴. Умаление привилегий немецкого купечества явилось в большой мере результатом роста и борьбы шведского купечества и ремесленной верхушки, поддержанных верхушкой деревни и правительством, ищущим прочной социальной базы.

Экономическое и социальное укрепление крестьянства и бюргерства, их сравнительное единодушие в отношении форм правления и судеб шведской государственности действительно стало важнейшей финансовой, социальной и политической опорой складывавшейся сословной монархии. Активными участниками этого союза были также горняки Далекарлии и других горнопромысловых районов, которые и в XV в. оставались наиболее развитой сферой коммерческой жизни Швеции.

Эволюция горно-металлургического дела в Швеции, стимулированная развитием многообразного кузнечного ремесла внутри страны и емким рынком для шведского металла (особенно железа) за ее пределами, заметнее всего сказалась на социальной организации этого сложного промысла. Со второй половины XV в. все большую роль там стали играть крупные пайщики — предприниматели, главным образом, богатые купцы, торгующие металлом, а также некоторые феодалы, владевшие землей в районах промыслов и связанные с коммерческой жизнью лично, через посредников или откупщиков²⁵. Усиление предпринимательства сопровождалось разорением горных мастеров и обострением рабочего вопроса (не случайно ему был почти целиком посвящен устав медных промыслов от 1499 г.).

С другой стороны, все горные люди были объединены общим противостоянием промысловой верхушке — предпринимателям, представителям торгового капитала, которые сосредоточили в своих руках также управление в районах промыслов. Этот правящий слой и на промыслах был представлен по преимуществу ганзейцами или их посредниками. В результате на промыслах, как и в городах, рост общественных противоречий выразился в обострении национальной вражды. А поскольку в промысловую верхушку входили также и богатые датчане, выступления массы горных людей влились в русло антидатской борьбы.

Очевидно, что обстановка на промыслах способствовала укреплению там позиций центральной власти. Это позволило правительству усилить там свои регальные права и административные функции. «Даруя» наиболее крупным рудникам отдельные привилегии, заступаясь за местных торговцев металлом,

²⁴ Diplomatarium Dalekarlicum, N 246; Konung Magnus Erikssons Stads-lag. — Samling af Sveriges Gamla Lagar, v. XI, Lund, 1865, KgB., b. II «b», а также: Add. A (s. 401—407).

²⁵ А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники, стр. 298—301.

ведя сложную демагогическую игру в отношении массы горных людей и одновременно усиливая там горную администрацию, шведские правители, начиная со второй половины XV в., использовали Далекарлию и весь Бергслеген как свою сильнейшую финансовую и политическую опору.

Итак, направления и формы экономико-социального развития и социально-политических отношений сближали, даже в определенной мере консолидировали основные производительные слои шведского общества XV столетия: бондов, бюргерство и горных людей. Существенные, во многом новые, интересы толкали к этому союзу и некоторую часть господствующего класса, одновременно раскалывая его, еще больше усложняя позиции отдельных его группировок в ходе междоусобной борьбы. Именно на этой социальной основе в Швеции с середины XV в. создались условия для государственной централизации, успешного складывания сословной монархии.

*   *

*

Возвращаясь теперь к поставленным в начале данной статьи вопросам о ведущих факторах общественного развития Швеции в период Кальмарской унии — факторах, определивших, в частности, и судьбу самой унии, — мы можем, опираясь на все вышеизложенное, констатировать, что главными стимулами и линиями гражданской жизни страны в конце XIV и начале XVI столетий были: развитие товарных отношений, социальная консолидация производящих слоев и, как политический итог, — складывание монархии с сословным представительством.

ROOTSI ÜHISKONDLIKU ARENGU LIIKUMAPANEVATEST JÕUDUDEST KALMARI UNIOONI PERIOODIL

A. SVANIDZE

Resümee

Artiklis püütakse visandada Rootsi seisusliku monarhia kujunemist, tuginedes seal XV sajandil toimunud majanduslikule ja sotsiaalsele murrangule.

XV sajandi keskpaigaks sai Rootsi majandus üle «agraarkriisi» tagajärgedest, tugevnesid turusuhted. Kommertstegevusse tõmmati kõik elanikkonna põhihijid. Kaubanduslik konjunktuur Baltikumis oli rootsi põllumajandussaadustele (eriti loomakasvatussaadustele) ja tööstustoodetele soodne, hoogustades nende alade, aga samuti linnade, käsitöö, kaupmeeskonna ja siseturu arengut. Suur osa kaubandusega tegelevast aadlist oli seotud mäetöõndusega ja bürgerite ladvikuga. Linnaelanike arv kasvas ning nad asusid poliitilise võitluse teele. Kindlustus talurahva põhimassi majanduslik ja seisuslik positsioon, bondid säilitasid isikliku vabaduse.

Seega toimus XV sajandil Rootsi majanduslik ja poliitiline konsolideerumine. Kaubalis-rahaliste suhete ja klassisiseste nihete tulemusena kujunesid välja tingimused seisuslike liitude tekkimiseks bondide, bürgerite, kaevanduste omanike ning osa aadlike vahel. Keskkhiitide poliitiline liit saigi riigi tsentraliseerimise aluseks seisusliku monarhia näol.

OM DE DRIVANDE FAKTORERNA I DEN SVENSKA SAMHÄLLSUTVECKLINGEN UNDER KALMARUNIONEN

A. SVANIDZE

Resumé

I artikeln görs ett försök att skissera upp ideen bakom bildandet av den svenska ståndsmonarkin med utgångspunkt från de ekonomiska och sociala förändringar, som ägde rum i Sverige på fjortonhundraålet.

Fram till mitten av fjortonhundraålet hade Sveriges ekonomi övervunnit följderna av «agrarkrisen» och utstått omställningen till en intensifiering av marknadsrelationerna. Landets grundläggande befolkningsskikt var indragna i det kommersiella livet. Handelssituationen på Östersjön, som gynnade de svenska jordbruksprodukterna (speciellt kreatursavelsprodukterna) och näringsgrenarna (metaller, pälsverk, fisk, skog) stimulerade utvecklingen för de ovannämnda näringsgrenarna samt städer, hantverk, köpmannskap och den inre marknaden. En stor del av adeln, som indragits i handelsrelationerna, var förbunden med gruvindustrin och borgerskapets toppskikt. Antalet stadsbor ökade och började göra sig bemärkta i den politiska kampen. Den bredaste massan inom bondskapet stärkte sina ekonomiska och ståndspositioner, vilket gav dem möjlighet att bevara sin personliga frihet.

Till följd härav skedde under fjortonhundraålet en ekonomisk och politisk konsolidering av det svenska samhället. Genom den ökade handeln och de inbördes klassförändringarna skapades förutsättningar för bildandet av ett förbund mellan bönderna, bergsfolken, borgarna och en del av adeln. Mellanskiktens politiska förbund blev också grunden för landets centralisering genom uppkomsten av den nationella monarkin och dess ståndsrepresentantskap.

ВОПРОСЫ ТОРГОВЛИ В ТЯВЗИНСКОМ ДОГОВОРЕ 1595 г. В СВЯЗИ С ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКОЙ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ШВЕЦИИ

Тявзинский мирный договор, заключенный 18 мая 1595 г., явился важным событием в истории русско-шведских отношений XVI века. Этим документом Россия и Швеция оформили результаты русско-шведской войны 1590—1593 гг. Согласно «вечному миру» Россия была принуждена согласиться на невыгодное для нее присоединение Эстляндии к Швеции, занявшей Эстляндию своими войсками, а также подтвердить систему «прибалтийского барьера», препятствовавшую нормальному развитию экономических и культурных связей России с Западом. В свою очередь шведское правительство дало согласие на возвращение России древней русской крепости Корелы с обширным уездом¹.

В сложной международной обстановке на рубеже XVI—XVII вв. этот договор, даже не будучи длительное время ратифицированным, обеспечивал обеим сторонам желанный мир: в этом — его основное историческое значение.

Русско-шведские переговоры 1594—1595 гг. в д. Тявзине (близ Ивангорода), завершившиеся подписанием «вечного мира», неоднократно становились объектом исследования в отечественной² и зарубежной историографии³. Однако вопрос о

¹ Корела была возвращена русским властям лишь в 1597 г. «Sverges traktater med främmande magter». Utg. af O. S. Rydberg och C. Hallendorff (далее — ST). Femte delens förra hälft (1572—1632). Stockholm, 1903, s. 90—91, not. 1.

² Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), т. II СПб. 1894; И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964, стр. 26 и далее; Ю. Б. Рябошапко. Из истории заключения Тявзинского мирного договора 1595 г. — «Тезисы научной студенческой конференции МГИАИ, посвященной итогам научной работы студентов в 1965/66 уч. году». МГИАИ, 1966 (Ротапринт), стр. 1—4; *его же*. Тявзинский мирный договор 1595 г. и правящие круги Швеции. — «Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии», ч. I Таллин, 1973, (Ротапринт), стр. 74—75; Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973, стр. 48 и далее.

³ H. Almquist. Sverige och Ryssland 1595—1611. Uppsala, 1907; W. Tawast-

влиянии требований и противоречий различных национально-социальных групп внутри Шведского государства на содержание статей Тявзинского договора до сих пор еще не поднимался. Не учитывая в полной мере этот фактор, невозможно все-сторонне оценить и Тявзинский мир. Это обстоятельство и вызвало необходимость написания специальной статьи, при работе над которой нами были проанализированы все сохранившиеся редакции и списки Тявзинского договора, отражавшие отдельные этапы переговоров 1594—1595 гг. между Россией и Швецией⁴.

Основой внешнеполитического курса правящих кругов Швеции в отношении России в XVI в. была политика «прибалтийского барьера»⁵, в рамках которой они стремились создать наиболее благоприятные условия для торговли как собственному шведскому купечеству⁶, так и прибалтийско-немецким городам, подвластным Швеции. Особенно заинтересованными в торговле с Россией были Нарва, Выборг, Дерпт и Ревель. Российские товары, закупленные в Новгороде и Пскове купцами Нарвы, доставлялись в Ревель, который, в свою очередь, перепродавал их за рубеж, в Западную Европу; по данным 1580-х гг., эти товары составляли 98% нарвского экспорта и 35—40% — ревельского⁷. Добиваясь прерогатив ведущего staple-города на Балтийском море, Ревель использовал бо-

stjerna. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Sotavuodet 1590—1595 ja Täysinän rauha. — «Historiallisia tutkimusia». Julkaissut «Suomen historiallinen seura», XI, Helsinki, 1929; *P. Nyström. Mercatura Ruthenica.* — «Scandia», 1937, December, bd. X, h. 2; *S. U. Palme. Sverige och Danmark. Uppsala, 1942; A. Attman. Den ryska marknaden i 1500 — talets baltiska politik (1558—1595)* Lund, 1944; *его же: Freden i Stolbova 1617.* — «Scandia», bd. XIX, h. 1, Lund, 1948—1949, s. 41; *его же. The Russian and Polish Markets in international trade 1500—1650.* Göteborg, 1973.

⁴ Первая редакция Тявзинского договора (далее — ТД-1) — краткая (ЦГАДА, ф. 96. — Сношения России со Швецией, оп. 1, кн. 7, лл. 166—174), остальные редакции — пространные (далее — ТД-2 и ТД-3): ТД-2 издана только на русском языке. — «Журнал Министерства внутренних дел» (далее — ЖМВД), 1840, № 9, стр. 326—341; ТД-3 — на русском — там же, стр. 342—361, на шведском — ST, d. V, h. 1. «Scandia», bd. XIX, h. 1, Вторично на русском ТД-3 издал А. А. Чумиков; в отличие от публикаций П. Г. Буткова в ЖМВД, этот текст не был разбит на статьи и не был прокомментирован («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 2, раздел V, М., 1868, стр. 1—12). В дальнейшем ссылки даются только на ЖМВД.

⁵ Термин «прибалтийский барьер», разумеется, в описываемое время в употреблении не был — он возник в советской историографии.

⁶ И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. ..., стр. 89.

⁷ И. П. Шаскольский. Указ. соч., стр. 27. О российском экспорте хлеба через Нарву и другие города, находившиеся под шведским владычеством, см.: И. И. Смирнов. Новые материалы о вывозе хлеба из России (конец XVI в.). «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 212—214. Но не все экспортировавшиеся из Ревеля российские товары привозились из Нарвы: часть их доставлялась туда сухопутным путем из Дерпта (*A. Attman. Den ryska marknaden* ..., s. 321).

гатый арсенал средств борьбы с конкурентами, в особенности с конца XVI столетия, когда он добился почти полной монополии в посреднической торговле между Россией и Западной Европой.

Обрушивая на своих конкурентов всевозможные запреты⁸, немецкое купечество Ревеля игнорировало то обстоятельство, что подобная практика могла осложнить отношения Швеции с другими государствами, в том числе и с ее временным партнером по унии — Речью Посполитой. Не ограничиваясь постоянной конкуренцией с Нарвой, Выборгом и Дерптом, Ревель соперничал и с могущественной Ригой⁹, находившейся в конце XVI в. в составе Польско-Литовского государства. Тем не менее подобная политика Ревеля не вызывала возражений со стороны шведских королей, ибо в стремлении монополизировать перепродажу российских товаров на Запад Ревель всемерно оберегал «прибалтийский барьер»¹⁰, что было выгодно и Швеции, и Речи Посполитой¹¹. Вот почему в ходе тязвинских переговоров 1594—1595 гг. шведский государственный совет (риксрод) добивался при помощи своих дипломатов наиболее полного удовлетворения требований верхушки ревельского немецкого купечества о предоставлении ей максимальных прав и привилегий на посредническую торговлю между Россией и Западом. Стремление к отстаиванию интересов собственно

⁸ В ход были пущены и запреты Ревелем сначала розничной торговли «чужих» купцов (около 1280 г.), затем — «гостевой», т. е. прямой (без посредничества местных купцов) торговли между русскими и западноевропейскими купцами (1516 г.), и дискриминация Выборга, в особенности Нарвы, разорявшая последнюю («История Эстонской ССР», т. I. Таллин, 1961, стр. 210, 311; И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. ..., стр. 17—18). Между тем ежегодный экспорт Нарвы в 1580-х годах был, по данным А. Атмана, не меньшим, чем Ревеля (А. Attman. Den ryska marknaden..., s. 321).

⁹ А. Attman. Den ryska marknaden..., s. 329.

¹⁰ Роль стража «прибалтийского барьера» была уготована Ревелю еще Эриком XIV, включившим город в 1561 г. в состав Швеции и закрывавшим глаза на ущерб, причиненный Нарве от конкуренции Ревеля ради осуществления своего «великого торгово-политического плана». Вступив во владение обоими берегами Финского залива, Эрик XIV пытался направить российскую торговлю с Западной Европой через шведские стапельные пункты, с целью поставить ее под собственный контроль. (А. Attman. Freden i Stolbova..., s. 38). Ту же политику особого благоволения к Ревелю проводил и Юхан III, который в 1570 и 1577 гг. потратил немало усилий для того, чтобы не допустить взятия российскими войсками этого важнейшего стратегического пункта Ливонии («Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. III. Рига, 1880, стр. 335, 336).

¹¹ В противном случае вряд ли удалось бы Ревелю вырвать из рук нарвского купечества право стапеля, что было зафиксировано сначала в Тязвинском договоре (ЖМВД, 1840, № 9, стр. 345—346; ST, d. V, h. 1, s. 81—83), спустя три месяца — в августе 1595 г. — в декларации о торговле между Швецией и Речью Посполитой, а еще через четыре дня — в специальной привилегии герцога Карла Ревелю (А. Attman. Den ryska marknaden..., s. 372—374).

шведского купечества, а из прибалтийско-немецких городов — прежде всего Ревеля и Выборга — отчетливо отразилось в тексте Тявзинского договора.

На тявзинских переговорах 1594—1595 гг. шведы пытались навязать русским послам¹² свои проекты договора, при помощи которых правящие круги Швеции стремились увековечить фактическую блокаду транзитной торговли России на Балтийском море. Понимая, что русские не пойдут на односторонние уступки, стокгольмские дипломаты предложили компромиссное решение: возратить России крепость Корелу с обширным уездом за согласие русской стороны на сохранение «прибалтийского барьера». Русские дипломаты были вынуждены принять это тягостное предложение, но в рамках компромисса сделали все возможное для того, чтобы в процессе обсуждения и доработки проектов договора вставить в них как можно больше оговорок, позволявших в случае необходимости обходить запреты, уготованные русским гостям в статьях о торговле. Коренным образом переделать статьи договора в свою пользу русская сторона была не в состоянии, ибо большинство их несло на себе печать неудачи России в Ливонской войне. Так, ст. 2 ТД-3 запрещала всем купцам, кроме шведских, торговать в Нарве; для иностранных купцов были открыты только два порта — Ревель и Выборг; торговля в Ивангороде не разрешалась¹³. Данное требование являлось выражением желаний немецкого купечества Нарвы, видевшего в Ивангороде своего конкурента¹⁴. Иностранным кораблям воспрещалось приставать к русскому берегу р. Наровы, в то время как шведским

¹² В состав русского посольства входили князь Иван Самсонович Туренин (1-й посол), Евстафий («Остафий») Михайлович Пушкин, дьяки — Григорий Иванович Клобуков и Постник Дмитриев. Шведское посольство состояло из сенатора Стена Банера (1-й посол), Кристера Классона (Горна), Йёрана Бойе, секретарей — Никласа Раска и Ханса Кранка. Заметим, что Кристер Классон (Горн) не участвовал в подписании шведского подлинника Тявзинского договора (ЦГАДА, ф. 96, оп. 3, № 13).

¹³ ЖМВД, № 9, стр. 345—346; ST, d. V, h. 1, s. 81—83.

¹⁴ Об истории возникновения Ивангорода, его значении для внешней торговли России и о борьбе за эту крепость в 1581—1590 гг. см.: *И. П. Шаскольский*. Столбовский мир 1617 г. . . . , стр. 19—20, прим. II; *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 7, М., 1963, стр. 233; *К. Ордин*. Покорение Финляндии, т. 1, СПб., 1889, стр. 44—45; *B. C. Barkman*. Kungliga svea livgardes historia, bd. II (1560—1611). Stockholm, 1938—1939, s. 319—322. Желая подорвать конкурентоспособность Ивангорода, стокгольмские дипломаты в ходе тявзинских переговоров 1594—1595 гг. потребовали разорения этой крепости или перенесения города на пять верст от шведской границы (ЦГАДА, ф. 96, оп. 1, кн. 7, лл. 128 об. — 130 об.). Если российская сторона уступила бы в данном вопросе, то перенесение Ивангородского посада вверх по течению р. Наровы, выше Нарвского водопада, привело бы к тому, что туда не могли бы подходить морские суда; в этом случае прямая торговля Ивангородского посада с заморскими купцами, а, следовательно, и конкуренция с г. Нарвой стала бы невозможной (*И. П. Шаскольский*. Указ. соч., стр. 40—41, прим. 41).

купцам разрешалась свободная торговля на всей территории России¹⁵. Ставя балтийскую торговлю России под жесткий шведский контроль, ст. 2 договора делала практически невозможными для России прямые торговые связи с другими странами, кроме Швеции, и фактически продолжала политику блокады российской торговли, выражавшейся, прежде всего, в запрете внешнеторговых операций в Ивангороде.

Большие возможности для прямой торговли между Россией и Швецией предоставляла ст. 3 договора. Купцам обоих государств разрешалось иметь торговые дворы на территории другой договаривающейся стороны. При выработке этой статьи шведские представители попали в затруднительное положение. Дело в том, что правящие круги Швеции стремились распространить ожидаемый эффект договора на более широкий контингент своих подданных. Реализация такого рода пожеланий заставляла шведских послов идти на ограничение прежних привилегий наибольшей части прибалтийско-немецкого купечества. Разрешив российским подданным иметь торговые дворы не только в Выборге, Ревеле и Або (ст. 2 ТД-2), но «и в других местах» (ст. 3 ТД-3)¹⁶, стокгольмские дипломаты тем самым ущемляли главную привилегию Ревеля — его монопольное право торговли с Россией¹⁷. Перед нами — не только уступка шведской стороны, согласившейся на уравнивание прав купцов обеих стран. Этот пункт был также результатом конку-

¹⁵ ЖМВД, 1840, № 9, стр. 345—347; ST, d. V, h. 1, s. 81—82.

¹⁶ ЖМВД, 1840, № 9. Ср.: стр. 383 (ст. 2 ТД-2) и стр. 347—348; ST, d. V, h. 1, s. 82—83 (ст. 3 ТД-3).

¹⁷ Одним из выражений борьбы Ревеля за монополию в посреднической торговле России с Западом была борьба за право владения частными торговыми дворами немецких купцов, существовавшими в Москве, Пскове и Новгороде еще задолго до заключения Тязинского договора (*Н. И. Костомаров*. Очерк торговли Московского государства. М., 1889, стр. 43; *И. П. Шаскольский*. Столбовский мир 1617 г. . . . , стр. 98, прим. 57). Можно предположить, что эти частные торговые дворы держали на Руси прежде всего наиболее зажиточные представители купеческой верхушки Ревеля, ибо остальные города Прибалтики, не говоря уже о собственно шведских, экономически были гораздо слабее, и их купечество не могло себе позволить дальние торговые путешествия в глубь России. Косвенно это подтверждает тот факт, что только в Ревеле имелся гостинный двор для русских купцов (*И. П. Шаскольский*. Столбовский мир 1617 г. . . . , стр. 98), а подобные дворы обычно создавались на основе взаимности. Отсюда вытекает, что требование открыть в России торговые дворы для всех шведских подданных должно было исходить не от ревельцев, а от верхушки шведского, в особенности стокгольмского, купечества, которое находилось в привилегированном положении по сравнению с другими собственно шведскими городами (*И. П. Шаскольский*. Столбовский мир 1617 г. . . . , стр. 94, прим. 46); средние же слои прибалтийско-немецкого и собственно шведского купечества вряд ли были заинтересованы в открытии торговых дворов на территории России — эти поездки были им не по карману. Ревельцы, напротив, хотели возвратить свои частные дворы и не допустить организации на российской территории шведских гостинных дворов, с тем чтобы не иметь конкурентов в торговых операциях с русскими.

ренции между мощным прибалтийско-немецким купечеством Ревеля и Выборга, добивавшегося сохранения своей монополии на торговлю с Россией через Прибалтику, и менее сильным собственно шведским купечеством. Шведские послы, по-видимому, избрали компромиссный путь: хотя предполагавшаяся постройка российских торговых дворов в ряде городов Швеции и угрожала подрывом монополии Ревеля и Выборга, однако, этот пункт договора в то же время открывал дорогу в глубь России для всех шведских подданных и допускал их непосредственный контакт с русскими товаропроизводителями, что в тот момент было выгодно и прибалтийско-немецкому купечеству, ибо в конце XVI в. собственно шведы еще не предпринимали таких далеких торговых поездок.

Таким образом, улучшение русско-шведских отношений в XVI — начале XVII вв. приводило к увеличению числа стапельных пунктов на торговых маршрутах в Россию и к участию в экспортно-импортных операциях с нею более широких слоев шведского купечества. И наоборот: ухудшение отношений между Россией и Швецией способствовало сокращению числа таких стапельных пунктов и отдалению их от России, что порождало монополизацию балтийской торговли с Россией в руках нескольких прибалтийско-немецких городов, особенно Ревеля. В основе этого явления лежал целый комплекс социально-экономических факторов. Между купцами собственно Швеции и прибалтийско-немецких городов, перешедших под ее власть, и между самими этими городами велась борьба за более крупную долю прибыли в посреднической торговле между Россией и Западом. Эти противоречия ловко использовало правительство Швеции: как только оно собиралось осуществлять более «жесткий» вариант политики «прибалтийского барьера», ставка делалась на богатую купеческую верхушку Ревеля; если же наступало потепление в отношениях с Россией, то взоры шведских властей обращались к Нарве, Выборгу, а в XVII в. — и к собственно шведским городам, расположенным ближе к русским границам. Такая тактика объясняется тем, что крупное купечество Ревеля было гораздо больше заинтересовано в сохранении «прибалтийского барьера», чем купцы других прибалтийско-немецких городов, находившихся под властью Швеции, в то время как собственно шведское купечество, будучи еще экономически и политически маломощным, не имело тесных и постоянных связей с российским рынком¹⁸. Ставка на Ревель была в этом отношении надежнее, чем, скажем, на Нарву¹⁹, хотя туда и переселилось немало шведских купцов.

---

¹⁸ И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. . . . , стр. 98.

¹⁹ См.: Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения. . . , стр. 70—76, 90—93.

В 1594—1595 гг. возникла сложная ситуация: с одной стороны, взаимное стремление России и Швеции к заключению Тязинского мира означало потепление в русско-шведских отношениях, что выразилось в создании условий для привлечения более широких слоев шведского купечества к торговле с Россией; с другой стороны, наличие неразрешенных русско-шведских противоречий и предстоявший распад польско-шведской унии побуждали риксрод быть настороже. Очевидно, это обстоятельство и обусловило «нейтральную» позицию шведской дипломатии, которая в Тязвине отстаивала интересы и собственно шведского купечества, и купцов прибалтийско-немецких городов. Лишь спустя три месяца после подписания Тязинского договора герцог Сёдерманланда Карл решил открыто встать на сторону прибалтийско-немецкого купечества Выборга и Ревеля, передав последнему привилегию стапеля, принадлежавшую ранее Нарве²⁰. Позднее, став королем Швеции, Карл IX продолжал проводить покровительственную политику в отношении Ревеля и Выборга, в то время как русская торговля в Нарве всячески ограничивалась таможенными барьерами²¹. Несмотря на частые перемены в международной обстановке на Балтике, Ревель на протяжении добрых полсотни лет неизменно пользовался покровительством правящих кругов Швеции, сохраняя свое привилегированное положение вплоть до начала польско-шведской интервенции в Россию в начале XVII в. Во второй половине XVI в. торговый путь через Архангельск еще только осваивался, а основным внешнеторговым маршрутом между Западной Европой и Россией все же оставалась Балтика. Крупнейшим же портовым городом на балтийском побережье, связанным с русскими территориями, являлся Ревель, что и обусловило его особое положение в XVI—начале XVII вв. как самого крупного порта в транзитной торговле с Россией. Главной причиной благосклонности правительства Швеции к Ревелю следует считать исключительную роль ревельского порта в пополнении шведской казны за счет таможенных сборов, а также в активном проведении в жизнь политики «прибалтийского барьера».

---

²⁰ A. Attman. Den ryska marknaden..., s. 373—374.

²¹ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос..., т. II, стр. 71, 74—75.

KAUBANDUSKUSIMUSED 1595. AASTA TÄYSSINA LEPINGUS SEOSSE ROOTSI VALITSEVATE RINGKONDADE SISEPOLIITIKAGA

J. RJABOSAPKO

Resümee

Artikli kirjutamisel on kasutatud 1595. aasta «igavese rahu» kõigi tuntud redaktsioonide tekstoloogilise analüüsi tulemusi, aga samuti Vanade Aktide Riiklikus Keskarhiivis Moskvas säilitatava saadikute prikaasi arhiivi avaldamata materjale. Autor tuleb järeldusele, et XVI—XVII sajandi piiril olid Rootsi valitsevate ringkondade sotsiaalse poliitika aluseks suhtumises rootsi kaupmeeskonda välispoliitilised kaalutlused Venemaaga suhtes. Viies ellu «balti barjääri» poliitika «karmimat» varianti, tegi Rootsi valitsus panuse Tallinna saksa kaupmeeskonna rikkale ladvikule. Kuna suhted Venemaaga paranesid, püüdsid Rootsi võimud rahuldada ka Narva ja Viiburi, aga XVII sajandil ka Venemaaga piirnevate Rootsi linnade huve. See taktika oli seletatav sellega, et Tallinna kaupmeeskond oli huvitatud «balti barjääri» säilitamisest rohkem kui teiste Rootsi võimu all olevate balti-saksa linnade kaupmehed, samal ajal kui Rootsi majanduslikult ja poliitiliselt nõrgal oma kaupmeeskonnal ei olnud pidevaid sidemeid Vene turuga. Vene-Rootsi suhtele soodsate välispoliitiliste tegurite mõjul asus Rootsi diplomaatia Täyssina läbirääkimistel 1594.—1595. aastal sotsiaalses mõttes neutraliteedi teele, kaitstes nii Rootsi kui ka oma valduste baltisaksa kaupmeeskonna huve. Kuid varsti pärast Täyssina lepingu sõlmimist hakkas Rootsi valitsus uuesti orienteeruma Tallinnale ning tegi seda kuni XVII sajandi Poola-Rootsi interventsiooni alguseni.

HANDELSFRÅGOR I TEUSINAFREDSAVTALET 1595 I ANSLUTNING TILL DE STYRANDE SVENSKA KRETSARNAS INRIKESPOLITIK

J. RJABOSHAPKO

Resumé

Till grund för artikeln ligger resultaten av textanalyser av samtliga kända utgåvor om den «eviga freden» 1595, samt en rad opublicerat material från ambassadörsavdelningens arkiv, som bevaras i Centrala Statsarkivets forntidsarkivsamling i Moskva. Författaren drar slutsatsen, att till grund för de svenska styrande kretsarnas samhällspolitik under 15—1600-talet i förhållande till den svenska statens olika köpmansskikt låg en Rysslandsorienterad utrikespolitik. Den svenska regeringen, som drev en «hårdare» linje i politiken med att skapa en Östersjöbarriär, satsade på den rika tyska köpmansöverklassen i Reval. När relationerna till Ryssland förbättrades, försökte de svenska myndigheterna att tillgodose även Narvas och Viborgs handelsintressen och på 1600-talet även tillgodose de svenska städer, som låg närmast de ryska gränserna. En dylik taktik förklarades av att köpmanskåren i Reval i betydligt större grad var intresserad av att bevara «Östersjöbarriären» än köpmännen i andra östersjötyska städer, som lydde under Sverige, samtidigt som den egna svenska köpmanskåren, som var ekonomiskt och politiskt svag, inte hade så intima och ständiga förbindelser med den ryska marknaden. Under inverkan av en rad utrikespolitiska faktorer, som ledde till en förbättring av de rysk-svenska relationerna, intog den svenska diplomatien under förhandlingarna i Teusina 1594—95 på det sociala planet en neutral hållning och försvarade såväl den egna svenska köpmanskårens intressen som den svenskstyrdas östersjötyska köpmanskårens. Men kort efter fredsfördraget i Teusina satsade den svenska regeringen ånyo på Reval och höll denna orientering ända till den polsk-svenska interventionen i början av 1600-talet.

Е. А. КАЛЬЮНДИ
(Таллин)
А. Н. КИРПИЧНИКОВ
канд. ист. наук
(Ленинград)

КРЕПОСТИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ И КАРЕЛИИ В 1681 ГОДУ

По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции

В течение всего XVII в. вопрос об освобождении русских земель, захваченных Швецией в начале столетия, приобретал все большую остроту. После русско-шведской войны 1656—1658 гг. стало ясно, что решить этот вопрос мирным путем нельзя. Новое военное столкновение стало все более неизбежным. В связи с этим шведские военные круги выдвигали многочисленные проекты переоборудования оккупированных ими восточно-прибалтийских крепостей. Как правило, дальше отдельных ремонтов эти проекты не шли. Положение несколько изменилось в последней четверти XVII в. в связи с назначением в 1674 г. энергичного фортификатора и градостроителя Э. Дальберга «начальником над фортификациями» и генерал-квартирмейстером¹. Будучи разносторонним военным специалистом и широко образованным инженером, Э. Дальберг разработал реалистически приемлемую программу усиления крепостей на шведско-русской границе. Проведению таких оборонительных мер способствовали страх шведского командования перед растущей силой восточного соседа и желание удержать завоеванные «восточные» земли. Плохая укрепленность восточной границы тревожила шведских руководителей и порождала мрачные предчувствия, что в полной мере нашло выражение в красноречивой реляции о состоянии крепостей в Карелии и Ингерманландии, написанной Э. Дальбергом после инспекционной поездки осенью 1681 г.²

¹ Эрик Дальберг (1625—1703) — видный шведский военный и государственный деятель. Принимал участие в укреплении и перестройке не менее 50 крепостей шведской державы. Усовершенствовал в инженерном отношении новоголландскую и французскую системы бастионной фортификации. С 1696 г. генерал-губернатор Лифляндии. В конце жизни генерал-фельдмаршал.

² «Подробная реляция о современном состоянии крепостей Карелии и Ингерманландии, в каком они состоянии находятся после тщательного осмотра в ноябре 1681 года, а также покорнейшее и верноподданнейшее мнение, как и каким образом они могут быть приведены в такое состояние обороны, чтобы во всех случаях они давали отпор врагам и служили безопас-

Э. Дальберг выехал из Стокгольма 26 сентября, 11 октября он прибыл в Выборг, 14 — в Кексгольм, 17 — в Нюен, 20 — в Нотебург, 21 — снова в Нюен, 25 — в Копорье, 27 — в Яму. С 27 октября по 9 ноября он находился в Нарве и Ивангороде и через Яму, Копорье, Нюен и Выборг возвратился в Швецию³. Как видим, поездка протекала поспешно, в каждом из упомянутых городов фортификатор задерживался от одного до трех дней и лишь в Нарве провел две недели. 10 декабря отчет о поездке был закончен и 18 декабря вместе с пояснительными планами⁴ передан Карлу XI.

Рассматриваемая «реляция», к сожалению, никогда полностью не публиковалась и известна лишь по отдельным выдержкам, приведенным главным образом в ныне труднодоступных шведских, финских и эстонских трудах по истории прибалтийских городов-крепостей⁵. Все писавшие отмечали «оборонительные» мотивы программы Дальберга, а также и то, как осуществлялись некоторые предложенные им фортификационные мероприятия. При этом, например, подсчитано, что на оборону остзейских и ингерманландских крепостей в 1686—1703 гг. были отпущены суммы, составляющие примерно треть всех средств, затраченных на строительство и укрепление крепостей шведской державы⁶. Целостному анализу упомянутый источник, однако, подвергнут не был.

Отчет Дальберга богат свидетельскими характеристиками и уникален по своему многообразию. Описание рисует неутешительную картину и полно острых, порой беспощадных наблюдений о низкой боевой готовности всех обследованных крепостей. Состояние большинства из них было просто плачевным и заставляет прийти к заключению, что шведское правительство эксплуатировало их в течение большей части XVII в. фактически на износ.

Добиваясь практического использования своего послания,

ности королевства» («Krigsarkivet. Stockholm. Försvars — och lefästningsplaner 7:1, лл. 1—23»). Авторы благодарят администрацию военного архива в Стокгольме за любезную присылку фотокопии этого документа и соответствующих планов. Перевод со старошведского текста выполнен кандидатом филологических наук С. Г. Халиповым с коррективами авторов настоящей статьи.

³ Erik Dahlbergs Dagbok (1625—1699). Upsala-Stockholm, 1912, s. 236—238.

⁴ Нами публикуются планы Нарвы, Ямы и Орешка, сохранившиеся в Королевском военном архиве, в фонде Sverige, stads- och fästningsplaner: Narva 14, Jama 2, Nöteborg 3a.

⁵ C. v. Bonsdorf. Nyen och Nyenskans Acta societatis scientiarum Fennicae, XVIII, Helsingfors, 1891; L. W. Munthe. Kongl. Fortifikationens historia. D. III A, III B. Stockholm, 1907 и 1909; S. Karling. Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung. Tartu, 1936; A. Soom. Narva kindlustused fortifikatsioonilisest seisukohast vaadatuna. — «Sõdur», 1934, N 29—34.

⁶ H. Sepp. Andmeid Narva kindlustamise üle 17. sajandi lõppaastakümnetel. «Sõdur», N 35—36, 1933, lk. 986—991.

Дальберг, возможно, несколько сгустил краски и преувеличил небоеспособное состояние виденных им укреплений. Однако цели своей он достиг — шведское правительство после обсуждения реляции более активно отнеслось к укреплению ингерманландских и карельских крепостей. В 1682 г. документ был утвержден, а с 1684 г. изложенные в нем рекомендации приняты к осуществлению с целью укрепления всей пограничной линии от Нарвы до Кексгольма. Правда, к началу Северной войны многое из задуманного так и не успели осуществить.

Автор реляции ярко описал все виденное, не забыв отметить заполненные навозом рвы, кучи мусора перед воротными башнями, беспечность военачальников. Наблюдательный инженер заметил такие особенности сооружений, которые позволяют заключить, что доставшиеся шведам в начале XVII в. крепости к 1681 г. почти не претерпели никаких крупных изменений. Тем самым сообщение Дальберга приобретает особое источниковедческое значение для познания средневековых укреплений, выяснения их облика, использования, уязвимости и обороноспособности.

Из всех обследованных крепостей Дальберг наиболее высоко оценивает Ивангород и Орешек. Видимо, мощь этих укреплений не утратила своего значения и по истечении 150—200 лет после их сооружения. Дальберг рассматривал старые укрепления глазами военного инженера, мыслящего бастионными нормами фортификации. И вот на человека, внесшего в оборонное зодчество северных стран немало нового, некоторые старые русские крепости произвели, видимо, большее впечатление, чем произведения ливонской и шведской бастионной военной архитектуры в Нарве, Нюене, Кексгольме и Выборге (о последних двух Дальберг вообще отзывался с нескрываемым пренебрежением, как о местах, не имеющих должной обороноспособности). Видимо, каменные стены крепостей казались инженеру XVII в. более пригодными для реконструкции, чем некоторые земляные укрепления, выполненные в сравнительно недавнюю для него пору.

Как трезвый практик, Дальберг много раз указывал на тесноту застройки, предлагал сломать огнеопасные деревянные строения, уничтожить выгодные для противника подступы и островки. Его проекты перестройки экономны, потому что касались (за исключением Нарвы) главным образом усовершенствования и модернизации существующих укреплений, а не их полной реконструкции. Тактические оценки в его описании при отрицании вековой оборонительной системы в целом все время исходят из лучшего, что она дала. Касаясь методов осады и обороны, Дальберг остается трезвым строителем, предпочитающим вместо радикального отрицания старого путь частичного обновления и усовершенствования.

Э. Дальберг — сын своего века: он не скрывает своего враждебного отношения и подозрительности к восточному соседу. Его отчет заполнен предостережениями и призывами к созданию более прочной линии обороны против России. Поражает дальновидность, с какой Дальберг предсказал пути возможного вторжения и план действий русских войск. По иронии судьбы эти предсказания частью сбылись в период Северной войны. Многие из того, что с такой заботой об обороноспособности было возведено самим Дальбергом или по его проектам в упомянутых крепостях, не спасло их от взятия армией Петра I. Победы русского оружия оказались для шведского великодержавия полной катастрофой.

Военно-политические цели, которые ставил автор реляции, канули в прошлое, но его строительно-инженерные размышления и оценки представляют высокий научно-технический и историко-военный интерес и ныне. Перед нами, в сущности, подробное описание средневековых русских крепостей и ливонской Нарвы, составленное с глубоким знанием дела и поэтому источниковедчески важное для изучения всей балтийской фортификации и осадной тактики XVII в.⁷

Строки Дальберга буквально ожили в наши дни во время развернувшихся в упомянутых крепостях архитектурно-археологических и реставрационных работ, так как подсказали важные архитектурные открытия. С помощью автора реляции 1681 года мы получили ряд бесценных подробностей устройства описанных им укреплений.

В системе обороны остзейских провинций Швеции Нарве или, как ее называли, «жемчужине Балтийского моря», придавалось особое значение. В середине XVII в. в государственном собрании Швеции обсуждался даже вопрос о превращении этого города во вторую столицу государства. К моменту приезда Дальберга Нарва состояла из замка и города, обнесенных бастионами и куртинами, построенными по новоитальянской системе в 80 гг. XVI в. и усовершенствованными в первой четверти XVII в. На своем чертеже (рис. 1) Дальберг воспроизводит проекты укрепления города, предложенные инженером И. Роденбургом (линия его начертаний⁸ обозначена на чертеже буквой А) и генерал-майором И. Шталем фон Хольштейном (его проект — линия В). Автор реляции предложил свой проект (буква С), наиболее экономичный и предусматривавший некоторое расширение города в северном и западном направлении и строительство пяти бастионов. Этот проект был

---

⁷ Мы сохраняем терминологию Дальберга, называвшего крепость *зймком*, а посад — *городом*.

⁸ Этот проект 1650 года (по чертежу Г. Зойленберга) предусматривал укрепление нового нарвского пригорода восьмью бастионами и признал Дальбергом «непрактичным и более вредным, чем полезным».

1. План города и замка Нарвы и Ивангорода. 1681 год. Из фондов Королевского военного архива Швеции.

в дальнейшем осуществлен, в результате чего большая часть старых городских укреплений утратила военное значение.

Обосновывая свой проект, Дальберг не пожалел мрачных красок для описания существовавших во время его приезда укреплений, видимо, действительно «сверх меры» обветшавших и частью разрушенных. Автор реяции заметил непрочность наружной облицовки бастионов и куртин, топкость бруствера («если ядро попадает в этот бруствер, то он развалится»), тесноту бастионов и укороченность их флангов («нельзя использовать больше трех батарейных орудий»), ненадежность городских ворот и замковых укреплений, опасность удобных для наступающих подступов к городу. «Если же, не дай бог, — резюмирует Дальберг, — столь грозный враг, как русские, со своей тяжелой артиллерией расположатся там, где они в пер-

вую ночь без труда смогут разместить батарею в 30—40 крупных орудий и более, то нетрудно рассчитать, как долго продержатся небольшие бастионы, сухой ров и слабая куртина, прежде чем они обрушатся в ров и откроют врагу дорогу в город».

По поводу городской застройки Дальберг отмечал ее тесноту, добавляя, что посады на эстонской и русской стороне, насчитывающие 300—400 жилищ, в четыре раза больше, чем укрепленная часть, и открыты противнику. В случае войны жители этих посадов сбегутся под защиту укреплений и тем могут вызвать хаос в городе. Это и побудило Дальберга отказаться от восстановления старых укреплений и предложить новые расширенные границы города.

Далее Дальберг переходит к Ивангороду, отмечая, что последний «снабжен очень крепкими и хорошими сводчатыми башнями и стенами». Однако в связи с тем, что некоторые башни не были покрыты, они обветшали и получили трещины. При этом автор реляции высказывает тревогу по поводу уязвимости Ивангорода с русской стороны, так как «стена и башни в сторону сельской местности гораздо слабее, чем стена башни в сторону Нарвы». В связи с этим Дальберг предлагает окружить Ивангород с напольной стороны валунными бастионами (рис. 1 линия А), и тогда крепость «можно было бы считать одной из лучших в государстве». Кроме того, он рекомендует деревянные пожароопасные постройки заменить каменными, а вдоль стен построить присыпанные сверху землей склады и бараки для солдат. В результате верхнюю часть этих вдоль-стенных построек можно было бы использовать для установки орудий, а вместо «слабых и негодных» зубцов основой для бруствера могла бы служить сама стена.

Приведенные пожелания Дальберга осуществились лишь в очень небольшой степени. В 1680—1690 гг. северо-восточная часть Большого Бояршего города была укреплена сводчатым «арсеналом» (от Водяной до Верхней башни) и присыпанной к стене насыпью (от Верхней до Набатной башни). Кроме того, в первоначальном ядре крепости (1492 года) в 1690-х гг. был воздвигнут «пороховой амбар». Бастионы же возведены не были. Сведения реляции, таким образом, помогают узнать то, что сделали шведы на исходе своего владычества в Ивангороде.

Далее Дальберг пишет о Ньюене, или Ниеншанце, созданном в 1610 г. в устье Невы на мысу, образованном реками Невой и Охтой, на месте шанца 1580-х годов. В первой половине XVII в. Ниеншанц (по-русски Канцы) вырос в портовый городок, через который за сезон проходили десятки кораблей и велась активная русско-шведская торговля. Во второй половине XVII в. развитие этого населенного пункта замедлилось.

Трудно найти на Балтике другое место, вызвавшее в тот период такое множество неосуществленных проектов, связанных с его укреплением⁹.

К моменту приезда Дальберга на мысу высился пятиугольный звездчатый в плане шанец — замок, заново отстроенный в 1650-х гг. инженером Г. Зойленбургом. На другой стороне реки Охты раскинулся город с укреплениями, воздвигнутыми в 1661—1666 гг. Эти сооружения к 1681 г., однако, не были полностью готовы. Что касалось бастионов замка, то, по мнению Дальберга, они были малы и имели короткие оборонительные линии и тонкий бруствер — 6 футов¹⁰ (т. е. 1,8 м). Кроме того, выходявшие на берега рек два противоположных бастиона постоянно подмывались водой. Знакомясь с расположением города, Дальберг пришел к убеждению, что как городские, так и находящиеся впереди замка предмостные укрепления были «более вредны, чем полезны», так как могли быть использованы противником при атаке главной замковой цитадели.

Отмечая полную непригодность оборонительных сооружений города и одновременно его выгодное стратегическое местоположение, Дальберг подчеркнул, что «если не удержать Нюен, то ни Кексгольм, ни Нотебург не помогут защитить Карелию и Кексгольмский лен и даже сам Выборг». «А русские, — предостерегал далее автор отчета, — благодаря большой численности своего войска легко могут навсегда осесть в этом месте между этими важными реками (т. е. Охтой и Невой) и таким образом, не дай бог, получают выход к Балтийскому морю, о котором они мечтали с незапамятных времен».

Дальнейшее описание 1681 года посвящено драматической возможности потери Нюена, что перерезало бы военные коммуникации, ведущие к Кексгольму и Нотебургу. Выходом из создавшегося положения Дальберг считал переоборудование укреплений замка и перенос города на мыс с целью укрытия его наружной, достаточно прочной линией обороны. Эти предложения не были осуществлены, и их автор в 1695 г., уходя с поста генерал-квартирмейстера, снова предупреждал короля, что нельзя терять ни одной минуты, когда речь идет об усилении Ниеншанца. Однако и спустя три года Дальберг снова писал о «маленькой никчемной крепости» в устье Невы¹¹. Шведский Ниеншанц был взят войсками Петра I в 1703 г. Идею города и порта в устье Невы унаследовал заложенный им на Заячьем острове Петербург.

Развивая стратегическую оценку невского пути, Дальберг

---

⁹ J. Blees. Fästningen Nyenskans och Neen. Norrlands Försvar, 1938. s. 73 е. а. На стр. 83 помещен план города, приложенный к отчету Дальберга.

¹⁰ Один шведский фут равен 29,69 см.

¹¹ J. Blees. Op. cit., s. 86.

переходит к Нотебургу — древнему Орешку. «Это отличное место и ключ к Ладожскому озеру, — пишет он, — запущено и заброшено, так как в течение 30, 40 или более лет здесь не производилось совершенно никаких ремонтных работ». А так как плитняковые стены стоят без кровли, они «на всей протяженности потрескались внутри и отделились одна от другой так, что стоят под наклоном, а красивые, великолепные, сводчатые, мощные башни также сверху до самой земли дали трещины¹², теперь все это привело к большому ущербу».

Далее автор реляции сообщает также о рве внутри крепости и втором рве вокруг цитадели, «из которого сквозь арку на ладьях при русских можно было при желании попасть в реку и озеро (Ладожское) как с целью перевозки корреспонденции, так для вылазок» (рис. 2, рвы помечены буквами С и Е).

Проведенные в 1968—1970 гг. в крепости Орешек археологические раскопки привели к открытию описанных Дальбергом рвов, что позволило констатировать редчайший в русской средневековой практике случай существования крепости с внутренней гаванью для судов. При этом были обнаружены и ворота с опускной решеткой, сделанные в крепостной стене у цитадели (рис. 2, обозначены буквой D) для прохождения этих судов.

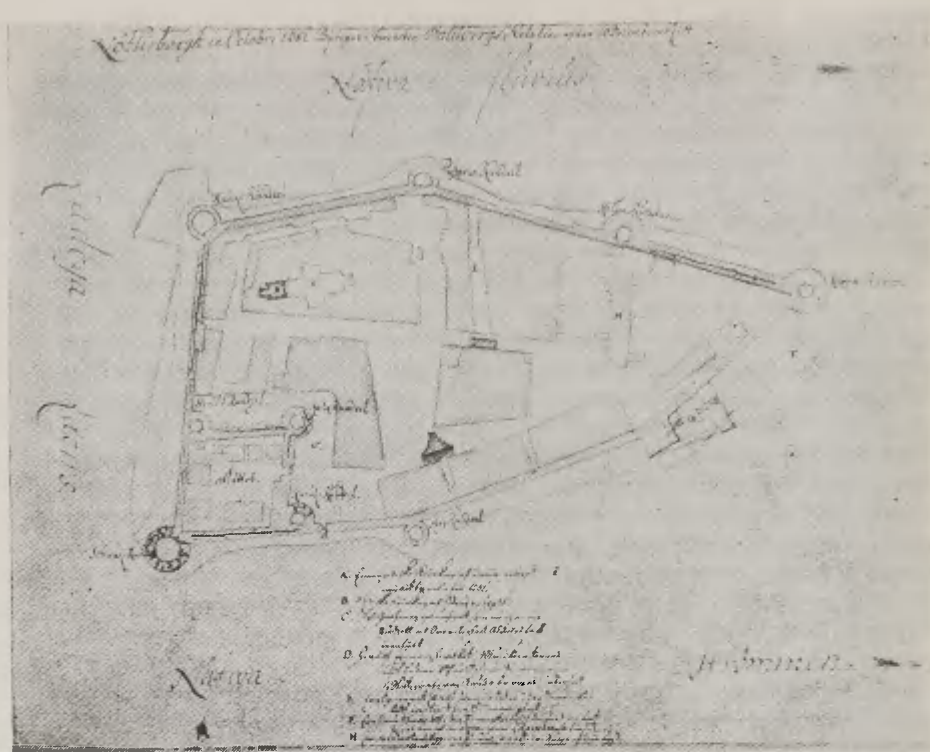
Насколько внимательно осматривал Дальберг островную крепость, показывает то, что от его внимания не ускользнула куча нечистот, возникшая перед воротами крепости, «где у врага может быть плацдарм и где он может разместиться поблизости от ворот и входа с какой-нибудь сотней людей». Восхищенный мощью древней крепости (речь идет о постройке московских военных инженеров начала XVI в.) и одновременно раздосадованный ее низким санитарным состоянием, Дальберг рекомендовал снести злополучную кучу, а также «как ради свежей воды, так и на случай пожара, особенно при осаде», возможно скорее очистить от грязи внутрикрепостные рвы. Прямо не упоминая о необходимости, видимо, само собой разумеющихся починок стен и башен, Дальберг советует дополнительно укрепить ворота «добротным равелином» и рвом и снести ближайший к крепости и удобный для штурмующих батарей Церковный остров.

Описание Нотебурга явилось для науки сюрпризом, так как открыло исследователям такие детали, о которых они не имели столь отчетливых сведений¹³.

Переходя к Кексгольму (в прошлом — русской Кореле),

¹² Одна из башен Черная (ныне Королевская) находилась в совершенно аварийном состоянии и в 1686—1697 гг. была полностью перестроена.

¹³ Более подробно см.: А. Н. Қирпичников, В. М. Савков. Крепость Орешек. Л., 1972.

2. Нотебург в октябре 1681 года. Из фондов Королевского военного архива Швеции. Публикуются впервые.

Дальберг отмечает его «довольно хорошее» местоположение на двух островах на реке Вуоксе. К моменту его приезда оборонительные укрепления как замка, так и города были основательно перестроены шведами, что, однако, показалось Дальбергу совершенно недостаточным. Он считал, что замок настолько мал и тесен, что может погибнуть от одной лишь попавшей в него бомбы. Вал же замка необорноспособен, так как не имел надлежащих флангов и мог быть прострелен из тяжелого орудия. Не понравились Дальбергу и городские укрепления, которые оказались слишком слабыми, тонкими и с такими брустверами, которые не выдержали бы и нескольких орудийных выстрелов. «Таким образом, — резюмирует шведский военный, — городские укрепления не смогут защитить от натиска и атак, присущих войнам настоящего времени, тем более они не смогут противостоять такому могущественному врагу, как русские».

По мнению Дальберга, опасными для Кексгольма были господствующие над ним высоты, находящиеся на Скалистом острове и на северном материковом берегу Вуоксы, на территории пригорода. В связи с этим Дальберг предлагает взорвать эти возвышенности, заново укрепить город и замок и построить вместо деревянных каменные бараки и склады¹⁴. Вплоть до 1710 года, т. е. до момента освобождения города русскими войсками, приведенные выше пожелания шведского фортификатора остались на бумаге. Дальше отдельных починок, утолщения бруствера, укрепления фундаментов стен фортификационные работы не продвинулись¹⁵.

Лишь бегло, к сожалению, касается Дальберг крепостей Ямы и Копорья, которые, по его мнению, не ремонтировались после того, как попали во владение шведской короны, «хотя некоторые башни и стены очень хороши, все же большая часть их в ближайшем будущем развалится сама собой». Даже если разместить к Копорье гарнизон в 500—600 человек, а в Яме — 200—300, их не удастся удержать в случае войны. Обе крепости, чтобы лишить противника «надежной позиции и зимних квартир», предлагается взорвать. Далее, однако, Копорье как убежище для окрестных жителей рекомендуется сохранить. Действительно, Копорье избежало разрушения, но Яма, а вернее ее внешний город с пятью башнями, был взорван шведами в 1682 г. Четырехбашенный детинец крепости этим взрывом затронут не был и уцелел до его разборки в 1781 г. Судя по плану Ямы 1680 г. (рис. 3), уничтожение каменных укреплений внешнего города, показанных на чертеже светлым контуром, вынашивалось еще до приезда Дальберга. Взорванная в 1682 г. часть Ямгородской крепости была впервые обнаружена раскопками 1971 года, что в сопоставлении с четырьмя планами второй половины XVII в., сохранившимися в шведском королевском военном архиве, помогло представить истинные размеры крепости и реконструировать ее облик. Таким путем была раскрыта загадка этого сооружения, до последней поры представлявшегося в виде маленькой трапециевидной цитадели, в действительности являвшейся только частью всей крепости.

О Выборге Э. Дальберг сообщает кратко, что он «в прежнее время старыми королями был хорошо укреплен как пограничный пункт». Далее, однако, отмечается, что замок мал и тесен и из-за глубины окружающей воды не может быть дополнительно укреплен. Что касалось городских укреплений, по-

---

¹⁴ Полное описание Дальбергом Кексгольма и Выборга опубликовано: *C. v. Bonsdorff. Kexholms och Wiborgs slott cir. 1681. Historiallinen arkisto X. Helsingissä, 1889, s. 291 e. a.*

¹⁵ *Th. Schwindt. Käkisalmen pesälinnan entisen linnoitetun kaupungin. Helsingissä, 1898, s. 88 e. a.*

3. План Ямы 1680 года. Из фондов Королевского военного архива Швеции. Публикуется впервые.

строенных в XV в., то они описываются как плохо устроенные и не имеющие необходимых оборонных качеств. Наружное укрепление города — вал, названный новым и воздвигнутый с большими усилиями, необходимо, по мнению Дальберга, сохранить и улучшить. Далее отстаивается идея переселения из форштадта на территорию вала зажиточных бюргеров, «тогда внутри стен и валов было бы доброе общество, которое в случае необходимости могло бы предоставлять квартиры и содержать солдат». Ссылаясь на то, что Выборг защищен другими пограничными крепостями, Дальберг в сущности не предлагал в нем никаких серьезных работ.

Дальберг завершил свой отчет следующими назидательными словами: «Если бы крепости находились в надлежащем состоянии, то они отбили бы охоту к нападению у врага, поэтому его королевскому величеству незамедлительно нужно предпринять необходимые меры к тому, чтобы крепости не пребывали далее в таком плачевном состоянии». Таково краткое содержание документа, открывшего особый период реальных ремонтов и перестроек карельских и ингерманландских крепостей в последнюю пору их принадлежности шведской короне.

INGERIMAA JA KARJALA KINDLUSED 1681. AASTAL (ERIK DAHLBERGI ETTEKANNE ROOTSI VALITSUSELE)

E. KALJUNDI JA A. KIRPITSNIKOV

Resümee

Artiklis refereeritakse Rootsi Kuninglikust Sõjaarhiivist saadud koopiate põhjal linnaehitaja ja fortifikaatori E. Dahlbergi aruannet 1681. aasta inspeksioonireisilt Karjala ja Ingerimaa linnkindlustesse (Narva, Ivangorod, Noteborg, Jam, Koporje, Viiburi jne.). Dahlberg mitte ainult et kirjeldab nimetatud kindlusi, vaid hindab neid ka tehnilisest ja strateegilisest seisukohast ning näitab nende edasise tugevdamise võimalusi. Sõjalise arhitektuuri ning kindluste uurimise seisukohalt annavad toodud andmed palju uut ning võimaldavad dešifreerida mitmeid tänapäevani mittesäilinud ehitusi.

Dahlbergi ettekandes on välja toodud kaitsemotiivid, milledest Rootsi valitsus juhindus Venemaaga piirnevate kindluste tugevdamisel oma võimutsemise viimasel perioodil Karjalas ja Ingerimaal. Vaadeldav dokument kriipsutab alla kõigi sõjaliste kindluste haletsusväärset olukorda, mis innustas juhtkonda kindlustustööde organiseerimisel ja intensiivistamisel erakorralisi abinõusid vastu võtma. Kuid Dahlbergi ehitusprogramm viidi ainult osaliselt ellu. Esitatud publikatsioon näitab ajaloolastele kätte uusi uurimisvõimalusi Rootsi arhiivides olevate Venemaa ja Ida-Baltikumi keskaegsete linnade materjalide alusel.

INGERMANNLANDS OCH KARELENS FÄSTNINGAR ÅR 1681 (ERIK DAHLBERGS RAPPORT TILL DEN SVENSKA REGERINGEN)

E. KALJUNDI OCH A. KIRPITSNIKOV

Resumé

I artikeln presenteras, efter en kopia, som vänligen tillsänts från Sveriges Kungliga krigsarkiv, stads- och fortifikationsbyggaren E. Dahlbergs redogörelse från sin inspektionsresa hösten 1681 till Karelen och Ingermanlands befästningsstäder Narva, Ivangorod, Nyen, Noteburg, Kexholm, Jama, Kuopio och Viborg. Dahlberg inte bara beskriver de nämnda fästningarna utan bedömer dem också ur taktisk och strategisk synvinkel och framlägger en plan för deras fortsatta förstärkande. Med utgångspunkt från förändringar i den militära arkitekturen och utforskningar av själva fästningarna kan man påstå, att de anförda uppgifterna innehåller mycket nytt och gör det möjligt att uttyda en rad byggnadsanläggningar, som inte bevarats fram till våra dagar.

I Dahlbergs rapport avslöjas de försvarsmotiv, som den svenska regeringen lät sig vägledas av och som gick ut på att befästa gränsfästningarna till Ryssland under den sista perioden av det svenska herraväldet i Karelen och Ingermanland. Det granskade dokumentet konstaterar det beklagansvärda tillstånd, i vilket samtliga militäringenjörsbefästningar befann sig, vilket nödgade den svenska ledningen att vidtaga extraordinära åtgärder för att organisera och påskynda fortifikationsarbetena. Men det byggnadsprogram, som Dahlberg föreslog, förverkligades endast till en del. Förhandenvarande publikation visar vilka nya möjligheter de material, som befinner sig de svenska arkiven och som behandlar Rysslands och östra Baltikums medeltida städer, kan erbjuda historikerna.

ТРАВЕНТАЛЬСКИЙ ДОГОВОР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В истории Северной войны, одного из крупнейших событий XVIII века, весьма важным явлением можно назвать заключение 18 августа 1700 года в Травентале мирного договора между королем Дании и Норвегии Фредериком IV и герцогом Фредериком IV Гольштейн-Готторпским. Этот договор не только определил официальную политику Дании на всю первую половину войны, но оказал значительное влияние и на выбор путей и средств дипломатии и стратегии Петра I в дополтавский период. Имеющиеся же в распоряжении читателя сведения об истории заключения и результатах Травентальского мира не только чрезвычайно скудны (в сущности, это несколько кратких упоминаний в различных, более общих работах), но зачастую и прямо ошибочны.

Необходимо хотя бы вкратце упомянуть о таких ошибках, допущенных дореволюционными и советскими авторами в их описаниях Травентальского мира. Некоторые из историков утверждают, что это был мир между Данией и Швецией, а не Гольштейн-Готторпом (*Г. Форстен. Датские дипломаты при русском дворе. ЖМНП, 1904, декабрь, стр. 371; Б. Кафенгауз. Северная война и Ништадтский мир. М.-Л., 1944, стр. 19; В. Панов. Петр I как полководец. М., 1940, стр. 22; В. Шутой. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М., 1958, стр. 107; и др.*). Второе типичное заблуждение состоит в утверждении, будто Англия и Голландия проявляли перманентную враждебность к Дании и дружелюбно относились к Швеции (*Е. В. Тарле. Северная война. М., 1958, стр. 107; Т. Крылова. Полтавская победа и русская дипломатия. Сб. «Петр Великий». М.-Л., 1947, стр. 148*), тогда как эти морские державы выступали против единоличного захвата Зундского пролива как Данией, так и Швецией. Заблуждаются и те историки, которые считают Травентальский мир делом рук Карла XII (*М. Богословский. Петр I, кн. IV. М., 1949, стр. 419; Л. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, стр. 24*). На самом деле морские державы управляли переговорами с первого до последнего дня. Они не только не

допустили Карла к участию в переговорах в качестве одной из сторон, но и не предоставили ему возможности стать хотя бы гарантом Травентальского мира. Сам Карл при известии о прекращении конфликта в герцогствах пришел в ярость, требованиям прекратить военные действия на Зеландии не подчинился. Потребовалось вмешательство англичан, чтобы через несколько дней он отдал приказ о прекращении огня¹. Не вполне прав и Л. Никифоров, который говорит, что по мирному договору «Дания возвращала Швеции сделанные ею завоевания», тогда как Дания в этот период ни в Швеции, ни в шведских провинциях военных действий не вела.

Располагая неточными данными об этом важном событии начала войны, невозможно верно оценить политическую линию не только двух стран — участниц договора, или государств — союзников той или иной стороны (России, Польши — Саксонии и Швеции), но и таких держав, как Англия, Голландия, Франция и др., прямо ни к одной из группировок не примыкавших, однако принимавших активное участие в заключении мира и по различным соображениям пристально следивших за его выполнением. Таковы причины, вызвавшие появление предлагаемых замечок.

Исторически сложилось так, что датские короли разделяли господство над землями Шлезвигом и Гольштейном с представителями младшей ветви королевского рода — домом Гольштейн-Готторпским. Готторпские герцоги, настроенные традиционно сепаратистски по отношению к датской короне и добившиеся в этом к концу XVII в. некоторых успехов², постоянно находили в своей антидатской внешней политике мощную поддержку Швеции³. Шведы весьма охотно оказывали эту помощь, поскольку надеялись при поддержке полуассального герцогства

---

¹ G. Jonasson. *Kriget mot Danmark* (Karolinska Förbundets Årsbok. Stockholm, 1962, s. 151—152).

² В 1689 году, после очередного вооруженного конфликта между Данией и герцогствами, в Альтоне был заключен мирный договор, согласно которому датскому королю пришлось уступить герцогу в ряде спорных вопросов, касавшихся прав и обязанностей последнего по отношению к короне. Однако кое в чем должен был уступить и герцог: в частности, ему запрещалось возводить военные укрепления в непосредственной близости от границы с Данией. В отступлении датчан от своих позиций решающую роль сыграла угроза нападения англо-голландского флота. Эти страны, а также Швеция стали гарантами Альтонского договора (Danmark-Norges Traktat. Bd. XI. København, 1949, s. 297—298, 330. Далее: DNT). К рассматриваемому периоду отношения Дании с герцогствами основывались на Альтонском договоре.

³ За предшествовавшие полвека Швеция в результате экспансии весьма значительно расширила свои владения за счет соседей на Балтике, в том числе и Дании, у которой шведы захватили пять плодороднейших провинций в Южной Швеции. Поэтому шведские короли не без оснований опасались попытки реванша со стороны Дании.

отрезать Данию от материковой Европы и тем самым окончательно ее ослабить. Герцогство становилось форпостом шведской великодержавной политики на территории Северной Германии, расположенным вдоль рубежей наследственных владений датских королей.

Очередное обострение датско-готторпских отношений наступило в последнем мирном году перед началом Северной войны. Незадолго до этого датский король Кристиан V разрушил военные укрепления, которые герцог воздвиг на границе с коронными землями, нарушив таким образом Альтонский договор. Шведское правительство, как обычно, выступило на стороне герцога, сделав заявление при дворах европейских держав о том, что Дания заключила союз с Францией (!) с целью нападения на герцогства, и призвало эти державы к вмешательству⁴. Неизвестно, почему в качестве союзницы Дании была указана именно Франция; скорее всего, чтобы пробудить ревность сильных соперников последней — Англии и Голландии. Однако сущность этого пропагандистского демарша была слишком прозрачной, во всяком случае, ни одна из держав не сочла это «обвинение» достаточно весомым, чтобы заявить хотя бы формальный протест Дании. Тогда Карл XII ввел на территорию герцогства пятитысячное войско, которое приняло участие в демонстративном восстановлении военно-фортификационных сооружений. В ответ на это формальное вторжение на территорию Датского королевства Кристиан перебросил к границам между коронными и герцогскими землями почти все сухопутное войско страны. Видя, что новый датско-готторпский инцидент неизбежен, в конфликт вмешались гаранты Альтонского договора, прежде всего — Англия и Голландия.

Причины такого вмешательства состояли в следующем. Исходя прежде всего из интересов собственного торгового мореплавания, страны-гаранты вполне удовлетворились сложившимся к концу XVII в. «равновесием сил»: берега Зунда были поделены между Данией и Швецией; усиление одной из указанных стран, в данном случае Дании, могло привести к захвату ею обоих берегов и, значит, к установлению полного и единоличного контроля над входом в Балтику. Поэтому морские державы, заинтересованные, помимо прочего, в мире на Севере, приняли сторону герцога как слабейшего; стремясь отвратить Данию от войны, они пустили в ход дипломатические меры (организация мирных переговоров в Пиннеборге и участие в них), а также пригрозили Дании военным вмешательством⁵.

⁴ DNT, bd. XI, s. 328.

⁵ Выступая за *status quo* (согласно Альтонскому трактату), Англия была вынуждена протестовать и против восстановления укреплений. Герцог принял протест *ad referendum*, но работ не прекратил. В дальнейшем Англия попыток протеста не повторяла. (DNT, bd. XI, s. 330.)

Нужно сказать, что Кристиан V, весьма хорошо осведомленный о позиции столь мощных и близких соседей, как морские державы, всегда относился к их демаршам с достаточным почтением. Но когда после смерти Кристиана (август 1699 г.) к власти приходит его сын Фредерик IV, положение меняется. Старый король, посвятивший всю жизнь борьбе со Швецией и ее союзником — герцогом, стремившимися лишить Данию остатков ее бывшего могущества, был человеком опытным и, несмотря на всю свою воинственность, осторожным. Понимая, что Дании справиться с непомерно разросшейся Швецией в одиночку не удастся, он выступил инициатором переговоров по созданию антишведской лиги, в которую, кроме Дании, вошли бы Россия и Саксония—Польша. Увидеть Северный союз в действии ему не пришлось — Россия заключила мир с Портой лишь через год после его смерти (до этого мира она не могла войти в союз с Данией). Наступательным союзным договором, заключенным в сентябре 1699 г., Фредерик IV и Август II Саксонский впервые установили срок начала большой войны со Швецией (январь — февраль 1700 г.); Август должен был вторгнуться в ливонскую провинцию Швеции, а Фредерик сразу же после этого оттянуть на себя часть шведских войск, напав на Гольштейн-Готторп, которому Карл несомненно придет на помощь⁶. То, что Фредерик не собирался откладывать разрыв со Швецией до русско-турецкого мира, показало, что он решительно порвал с осторожной политикой своего отца. Теперь, считая присутствие шведского корпуса в герцогстве вторжением неприятеля на территорию Дании, король вступил в сентябре 1699 г. на новый курс внешней политики, открыто враждебный Швеции и характеризовавший его скорее как вспыльчивого человека, чем опытного государственного деятеля. В новых планах двух королей слишком многое зависело от военного счастья в первые месяцы 1700 года. Удача должна была сопутствовать Августу в Ливонии, иначе Карлу ничего не стоило сконцентрировать всю мощь своей армии против Дании и раздавить ее⁷; успешными должны были быть и военные операции датчан, чтобы выдержать первый натиск шведско-голландских войск и дать время и возможность Петру глубоко вторгнуться в Ингерманландию, а главное, сохранить дееспособность датского военного флота, необходи-

⁶ N. Herlitz. *Det stora nordiska krigets förhistoria och första år. (1697—1700)*. («Karl XII», Uppsala, 1918, s. 107—109).

⁷ Об этой опасности еще до выступления саксонских войск Фредерика предупреждал датский посол в России П. Гейнс: «...si ce coup manque, ce serait un grand malheur pour les mesures à l'avenir» — Heins til kongen 28. nov. 1699; RATKUA, *Rusland*, «В», N 43. (В настоящей статье использованы хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР микрофильмы — копии с документов Немецкой канцелярии Государственного архива Дании: Rigsarkiv, Tyske Kansellis Udenlandske Afdeling. Далее — RATKUA, раздел «Rusland»).

мого для поддержки сухопутных операций союзников⁸. Удачными должны были быть и русско-турецкие мирные переговоры, иначе новоиспеченный союз вполне мог лишиться самого мощного своего члена — в этом случае лишенная запланированной поддержки России (войсками и снабжением), Дания очутилась бы в очень сложном положении⁹. Наконец, против нарушителя спокойствия на Балтике не должны были выступать морские державы, крайне заинтересованные в мире, нужном для бесперебойных поставок военно-стратегических материалов из России и Швеции (Англия и Голландия энергично готовились к войне за испанское наследство). О том, как были выполнены перечисленные условия, необходимые для успешных начальных действий союза, мы увидим ниже.

Несмотря на глубокую тайну, которой было окружено создание союза, европейские державы жили в предчувствии новой войны на Севере. Понимал это и Карл XII, который отнюдь не стремился избежать такой войны. Более того, он был в ней заинтересован и искал лишь предлога, чтобы захватить Зундский пролив¹⁰. Поэтому шведские представители на Пиннеборгских конференциях всячески саботировали переговоры, рекомендовали своим готторпским коллегам действовать не дипломатическим, а военным путем, заверяя их, что шведский корпус в помощь Готторпу уже погружен на суда и т. д.¹¹ Если до начала подготовки датской армии к вторжению в Гольштейн герцог остерегался следовать советам шведов, то в сентябре-октябре 1699 г., после протестов, выдвинутых гарантами Альтоны против Дании, поведение его послов в Пиннеборге становится вызывающим, — они неоднократно покидают переговоры и т. д.

В октябре 1699 г. датские войска перешли границу, в результате чего положение Дании сразу ухудшилось. То, что сходило с рук Карлу XII, не могло быть прощено Фредерику, которого морские державы теперь рассматривали как нарушителя мира на Севере. Военных действий на территории герцогств почти не происходило, войска Готторпа, не поддерживаемые пока шведами, оказывали чисто символическое сопротивление (потери датчан до конца весны 1700 г. составили всего 30—40 человек). К весне у герцога осталась лишь одна значительная крепость — Теннинг, осада которой затянулась. На помощь осажденному гарнизону спешили войска гарантов Альтоны — шведские, люнебургские, голландские¹². Голландия демонстративно гото-

⁸ Россия и Саксония—Польша флота не имели.

⁹ Heins til Kongen, 28 mart 1710 (RATKUA, Rusland, «В», N 43).

¹⁰ Обычно в буржуазной историографии Карл XII изображается как «жертва агрессии» северных союзников (см., напр., N. Herlitz. Op. cit., s. 106—107).

¹¹ DNT, bd. XI, s. 332.

¹² C. Wahrenberg. Bidrag till historien om Sveriges yttra politiska förhållanden. Stockholm, 1855, s. 71. Кроме того, английские и голландские

вила к вмешательству на стороне Швеции и военный флот. Об этом писали даже в газетах, имеются сведения о планах прямой интервенции против Дании силами Англии, Голландии, Брауншвейг-Люнебурга¹³. Между тем, надежды датчан на помощь Саксонии и других немецких княжеств провалились, Петр также в тот момент помочь не мог, хотя он и передвинул от Новгорода к западной границе 20-тысячное войско, но дать указ перейти ее обещал Гейнсу лишь после заключения мира с Портой¹⁴. Вскоре датчане были вынуждены снять осаду крепости и обратиться против соединенных сил противника. Оба войска заняли боевые позиции, но когда все было готово для битвы, выяснилось, что люнебургцы, а потом и голландцы открывать военные действия отказываются. Причиной этому послужили снятие осады Теннинга и декларация датчан, в которой они соглашались подчиниться условиям Альтонского трактата. После неофициальных переговоров прекратилась и перестрелка. Армии неподвижно стояли друг перед другом.

В такой обстановке в апреле 1700 г. возобновились мирные переговоры. Хочется еще раз подчеркнуть, что с самого начала и до конца это были формальные переговоры между Данией и Гольштейн-Готторпом, ибо Фредерик упорно отвергал предложения Швеции и Люнебурга (желавших войти в число договаривавшихся сторон) включить в комплекс рассматривавшихся вопросов и их проблемы. Датский король, не привлекавший к переговорам своих союзников — Петра и Августа, не позволял сделать этого и герцогу, зная, что лишь сепаратный договор может дать Дании максимально благоприятные результаты. Король считал, что переговоры со Швецией он мог бы вести лишь с участием своих союзников. С его доводами охотно согласились и морские державы. Несколько позднее, когда Франция предложила принять участие в переговорах (в основном с целью смешать карты своих потенциальных противников — морских держав в их северной политике), Фредерик, имея основания получить помощь против англо-голландского нажима, немедленно акцептировал эту державу в качестве посредника¹⁵.

Известный эпизод Северной войны — десант шведов при поддержке англо-голландского флота в начале августа 1700 г. — не нуждается в подробном изложении. Попытаемся лишь уточ-

---

послы в Константинополе, очевидно, располагая какими-то сведениями о союзнничестве России с Данией, подстрекали турок к противодействию предложениям России, чтобы отвлечь Петра от планов войны на Балтике (Heins til Kongen 6 mart 1700. RATKUA, Rusland, «В», N 43).

¹³ O. Haintz. König Karl XII von Sweden. Bd. I. Berlin, 1959, s. 12.

¹⁴ Heins til Kongen 28 mart; 13 april; 3,22 maj 1700 (RATKUA, Ibidem)

¹⁵ Такого же мнения о значении Франции на переговорах был и Петр, как и Гейнс, надеявшийся, что эта страна в случае нужды сможет выступить на стороне Северного союза (Heins til Kongen 22 maj 1700. RATKUA, Ibidem).

нить позицию морских держав по отношению к этому событию. Обычно дело изображается таким образом, что, отчаявшись решить датско-готторпский конфликт дипломатическим путем, морские державы поддержали поход Карла и тем принудили Данию к миру¹⁶. Такое утверждение верно лишь отчасти. Действительно, когда адмиралы перед походом получали инструкции, Дания еще не была склонна к миру. Но в течение лета 1700 г. ситуация меняется, король заявляет о своем признании Альтонского трактата, переговоры успешно близятся к завершению, что вполне устраивает морские державы, но не Карла, войска которого не возобновляют военных действий в герцогствах лишь из-за упорного отказа Голландии и Люнебурга под-держать его¹⁷.

Карла XII не мог удовлетворить сепаратный датско-готторпский мир — ему необходимо было обезопасить себя с тыла в грядущей войне; для этого нужен датско-шведский мирный договор, гарантировавший шведский контроль нейтральности Дании¹⁸. Отсюда следовала необходимость датско-шведских сражений, так как до сих пор в конфликте принимали участие лишь вспомогательные войска. Швеция выступала не как воюющая сторона, но как гарант Альтоны, борющийся за восстановление status quo, что не вызывало необходимости заключения такого договора. Мало того, существовала реальная опасность, что Швецию вообще отстранят от стола переговоров, поскольку теперь между сторонами не существовало никаких серьезных разногласий. Военная миссия гарантов Альтоны превратилась в миссию посредничества, но здесь морские державы в «помощниках» ужу-далились менее всего...

---

¹⁶ См., напр., *Л. Никифоров*. Указ. соч., стр. 24.

¹⁷ Среди прочих причин, обусловивших решение Голландии дальше не поддерживать Карла, нам кажется, немаловажную роль сыграло отношение Петра к ее антидатскому выступлению. Летом 1700 г. Фредерик впервые начинает ощущать пока только дипломатическую, но, тем не менее, действительную поддержку союзника. В июне король узнал, что Петром посланы новые инструкции русскому послу в Голландии, которому предлагалось подвергнуть резкой критике выступление Голландии на стороне герцога безо всякой на то «справедливой причины» (*ohne einige rechtmässige uhrsache*) и предложить им немедленно прекратить военные действия. Кроме того, понимая всю критичность положения, Петр идет на последнее средство.

Известно, что с началом военных действий голландская торговля на Балтике почти прекратилась; единственной отдушиной, откуда еще поступало необходимое стране сырье, являлся Архангельск. К 1700 г. Голландия была как никогда заинтересована в дружбе с Россией. И вот Петр, жертвуя государственной тайной первостепенной важности, приказал русскому послу неофициально известить Гаагское правительство о существовании русско-датского союза и заявить, что не потерпит враждебных его союзнику действий (*Heins til kongen, 6 apr. 1700; RATKUA. Ibidem*).

¹⁸ *R. Nilsson. Vid Humlebaek (Landstormsmannen XXVIII, 1945, s. 133—137).*

И Карл принимает решение немедленно, не дожидаясь завершения переговоров, напасть на Данию в непосредственной близости от столицы. Важная роль в этом плане отводилась англо-голландской эскадре, которая должна была блокировать сильный датский флот. Английский и голландский адмиралы по причине постоянного нахождения в море были плохо осведомлены о часто менявшейся ситуации на переговорах, о том, что основным противником мира стал Карл, а не Фредерик; информации же, которую старались своевременно доставить им датчане, адмиралы не доверяли. Поэтому, в соответствии с буквой старых инструкций, предлагавших им поддерживать действия шведов, они приняли предложение Карла. И лишь после высадки десанта к ним дошла весть о том, что герцог, прекративший военные действия, призывает к тому же и Карла, т. е., по существу, отказывается от военной помощи последнего. Адмиралы немедленно прекратили поддержку шведов¹⁹. Тем не менее, дело было сделано. Войска Карла маршировали по Зеландии; Петр, со жгучим нетерпением ожидавший гонца из Порты, чтобы вторгнуться в шведские владения²⁰, помочь Дании уже не успел бы. Фредерик был вынужден содействовать скорейшему завершению переговоров, даже жертвуя собственными интересами.

В начале августа переговоры переносятся в Травенталь, небольшой городок в северогерманском герцогстве Пленском; они велись ускоренными темпами, и вскоре проект трактата был готов²¹. Составленный на довольно благоприятных для Дании условиях, учитывавшая общую ситуацию (вспомним, что на «нарушителя спокойствия» ополчилось полдюжины стран), Травентальский трактат почти ни в чем не ущемлял датские интересы. Главной целью договора являлся всеобщий мир на Севере, поэтому основное значение имела 13-я статья, запрещавшая датскому королю открывать военные действия против стран-гарантов Альтоны (вынужденных во время недавнего конфликта обнажить против Дании оружие), в том числе — и Швеции. Не согласиться на это требование Фредерик не мог, иначе дер-

¹⁹ C. Jonasson. Op. cit., s. 152.

²⁰ «... Les larmes aux yeux avec combien de chagrin on est obligé de remettre un aussi beau dessein d'un jour à l'autre...» (Heins til Kongen 22 juni 1700. RATKUA, Rusland. «В», N 43).

²¹ Фредерик еще не получил письма Гейнса, передававшего настойчивую рекомендацию Петра всячески тянуть время («... le Czaar estoit d'avis qu'en gagnant le temps gaignoit le tout...»), сохранить главное — свободу действий в отношении Швеции («pour avoir tousjours les mains libres à l'égard de la Suede»), ибо не сегодня-завтра из Порты придет весть о мире, а русская артиллерия уже перебрасывается в Лифляндию, а также в действующую армию Августа и т. д. (Heins til Kongen 5 aug. 1700. RATKUA, Rusland. «В», N 43). Впрочем, вряд ли Фредерик смог бы действовать по советам Петра, зная, что его беззащитная столица подвергается опасности быть разрушенной солдатами Карла и не имея никакой надежды на помощь союзников.

жавы — будущие гаранты нового договора (Англия, Голландия, Австрия и Брауншвейг) поступили бы с ним как с неисправимым агрессором или просто предоставили свободу рук Карлу. Остальные статьи трактата во многом повторяют Альтонский договор; мы встречаем здесь и запрет герцогу возводить укрепления у датских границ, а также вводить на свою территорию свыше 6 тысяч вспомогательного войска другой державы (5 ст.), и распоряжение разрушить некоторые из недавно возведенных крепостей (12 ст.). Собственно, 2-я статья прямо говорит, что этот договор составляется в подтверждение старых договоров, в том числе и Альтонского, поэтому мы также можем говорить о полной его приемлемости (во всяком случае, временной) для Дании²². Сам же факт исключения Швеции из числа гарантов (по сравнению с Альтоной) выводил Карла из числа монархов, имевших право на законных основаниях начать военные действия против Дании в случае ее конфликта с Готторпом (который мог быть легко спровоцирован в будущем). Это было для Дании исключительно полезным результатом переговоров.

Мы позволили себе оценить действия датского короля до голытинского конфликта как несколько преждевременные и легкомысленные. Однако, очутившись в тяжелом положении, король и руководимое им правительство проявили завидную выдержку и изрядную дипломатическую ловкость. Декларацией о признании Альтоны датский король устранил причины, побудившие гарантов (кроме Швеции) вмешаться в конфликт, отчего герцог и Карл очутились в некоторой изоляции. Благодаря этому датчанам удалось отклонить экспансионистские притязания Карла на территориальные уступки, а также его требования внести пункт о прекращении Данией дипломатических сношений со всеми возможными в будущем врагами Швеции и т. п.

В советской, да и в зарубежной историографии принято характеризовать Травентальский мир как безусловно и однозначно вредный делу Северного союза и, соответственно, полезный его врагам, в первую очередь Швеции. Собственно, такое утверждение совершенно естественно — для авторов, многие из которых убеждены в том, что этот трактат был заключен между Данией и Швецией. Карл XII диктовал свои условия при его составлении и во все годы его действия сковывал свободу Дании, опять-таки опираясь на договор как лицо, навязавшее этот мир Дании и пользовавшееся всеми его выгодами.

Очевидно, именно так дело и обстояло бы, если бы Швеция вошла в этот трактат в качестве договаривающейся стороны или хотя бы его гаранта. Однако, как мы видели, этого не допустили морские державы, вторгшиеся в сферу датско-швед-

---

²² Единственным неприятным «новшеством» для Дании было предложение немедленно уплатить герцогу 260 тыс. ригсдалеров в качестве «сатисфакции» за военные издержки и разрушения (12 ст.).

ского конфликта в пору его зарождения и далее посредством дипломатического и военного нажима обусловившие разрешение его в собственную пользу. «Равновесие сил» на Балтике было в 1700 г. восстановлено, но, чтобы в дальнейшем легко его поддерживать, морские державы и создали Травентальский трактат — весьма совершенное и гибкое орудие, отлично исполнившее запланированную для него функцию.

Необходимым условием его успешного использования являлась, конечно, свобода действий — поэтому к участию в договоре не были допущены ни Карл (так исправили «несовершенство» Альтонского договора, едва не нарушившее «равновесие сил»), ни северные союзники.

Как же это орудие использовалось? Не было ли оно, в самом деле, предназначено исключительно для нанесения всяческого ущерба Северному союзу? Первый опыт его применения, действительно, говорит в пользу такого предположения: один из союзников — Дания — выведен из строя, и Карлу XII остается «всего лишь» разбить Россию и Польшу—Саксонию. Мы позволим все же сделать предположение, что вряд ли морские державы желали таким образом содействовать поражению Северного союза. Конечно же, более всего им подошло бы равное ослабление воюющих сторон, раз уж дело шло к войне в районе Балтики, а, может быть, и за господство над Балтикой. Считая, что Швеция не выдержит одновременного удара трех сильных государств, морские державы внесли свои коррективы, чтобы уравнивать силы сторон, рассчитывая, что какой бы затяжной характер война ни приняла, все же этот шаг увеличит шансы по окончании ее увидеть на Балтике положение, близкое к довоенному.

Однако успехи Карла в первые несколько лет войны показали, что оценка «высокими союзниками» воинского таланта юного короля была заниженной; шведы явно теснили союзников. Тогда гаранты Травенталя, используя свое монопольное право контроля за исполнением договора, об этом контроле с 1708 г. «забывают» и даже сообщают Дании, что не возражают против вступления ее в войну²³, и если Дания еще колеблется, то этому виной отнюдь не Травентальский договор, а страх перед шведами, от которого ее избавила только Полтава.

Заметим, кстати, что современники Травенталя не только понимали, кому на самом деле служит трактат, но и умели задолго предугадывать действия сил, стоявших за спиной главных действующих лиц договора — маленькой Дании и совсем уж крошечного герцогства. Так, Дания через год после того, как морские державы фактически силой оружия принудили ее к миру, спокойно отдала почти всю армию в пользование мор-

---

²³ См. статью автора в «Исторических записках», т. 93. М., 1974, стр. 311.

ским державам на 10 лет, очевидно, имея абсолютную уверенность в том, что гаранты Травенталя не позволят напасть на нее ни Карлу, ни герцогу, пока она будет придерживаться трактата, этой программы морских держав, бороться с которыми — дело заведомо безнадежное, дружба же, наоборот, может стать плодотворной. Время показало, что в своих расчетах датчане не ошиблись ни на йоту. С другой стороны, Карл в расцвете своей славы и успехов настолько боялся «скованной» Травенталем и буквально разоруженной Дании, что постоянно держал на границе с ней войско, превосходящее ушедшую датскую армию²⁴. Прав был и он — пришло время (1709 г.), и датский десант с молчаливого согласия гарантов Травенталя захватил южное побережье Швеции.

Конец истории договора был достоин ее начала. Когда после Полтавы Карл бежал в Турцию и эта держава, располагавшая армией, значительно превосходившей русскую, объявила России войну, когда одновременно в Померании планировался удар на Россию с запада шведской армии под командованием генерала Крассау, а в Польше подняли голову сторонники шведского ставленника Лещинского, гаранты Травенталя создают к марту 1710 г. известный Акт о северном нейтралитете. Этот документ, подписанный Петром и Августом (но не Карлом!) и гарантировавший невхождение Крассау на территорию союзников (как и союзнических войск — в империю), не только упразднил Травентальский договор, но и перечеркнул планы Карла XII о нападении на Россию с юга — с турецкой стороны. Появление Акта о нейтралитете было обусловлено изменившимися планами морских держав (главным из которых теперь стало сохранение мира в империи, где грозил вспыхнуть новый очаг войны) — силы, вызвавшей Травентальский трактат к бытию, активно использовавшей его с разнообразными целями и уничтожившей его, как только в нем отпала необходимость.

---

²⁴ O. Haintz. Op. cit., Bd. I, s. 36.

TRAVENTALI LEPING NING SELLE TÄHTSUS PÕHJASÖJAS

V. VOZGRIN

Resümee

Traventali lepinguga (1700) määrati kindlaks Taani, Venemaa liitlase poliitika Põhjasõja I perioodiks. Peale selle avaldas ta suurt mõju Venemaa diplomaatiale ja strateegiale Poltaava-eelsel perioodil.

Andmed Traventali rahu sõlmimise ning tähtsuse kohta on Nõukogude ja välismaa ajaloolaste senistes töödes küllaltki napid, kohati aga ka ühekülgised ning vigased olnud.

Autor püüab tõestada, et peaosa Traventali läbirääkimistes etendasid Inglismaa ja Holland, mitte Karl XII; need riigid said üllatavalt väheste ohvrite hinnaga maksimaalset kasu taani-holsteini konfliktist ning ka uuest lepingust. Baltimere maadele oli see palju vähem kasulik: Venemaa jäi 9 aastaks ilma oma liitlasest Taani näol, Rootsile jäi püsima Taani armee ning eriti laevastiku kallaletungioht. Põhjaliidule tervikuna olid lepingul positiivsed tagajärjed, milledest tähtsam oli see, et Rootsi pidi tegema suuri kulutusi oma armee ja laevastiku lahinguvalmis hoidmiseks Taani piiril, aga samuti Taani täieliku sõjalise võimsuse säilitamine sõja teise perioodi alguseni, mis lõppes Rootsi kaotusega.

FREDEN I TRAVENTHAL OCH DESS BETYDELSE I DET STORA NORDISKA KRIGETS HISTORIA

V. VOZGRIN

Resumé

Freden i Traventhal (1700) bestämde Danmarks officiella politik, en av Rysslands bundsförvanter, under hela första hälften av det Stora Nordiska kriget. Dessutom fick den en betydande inverkan på Peter I:s diplomati och strategis val av vägar och medel under perioden före slaget vid Poltava. De uppgifter om slutandet av och betydelsen av freden i Traventhal, som står till buds i sovjetiska och utländska historikers verk, är inte bara knapphanta utan ofta också ensidiga och till och med felaktiga.

Författaren försöker bevisa, att det ingalunda var Karl XII, som spelade huvudrollen under förhandlingarna i Traventhal, utan England och Holland. Det var just dessa stater, som till priset av förvånansvärt litet antal offer, drog den maximala nyttan av såväl den dansk-holsteinska konflikten som av det nya avtalet. För Östersjöstaterna var avtalet betydligt mindre fördelaktigt. Sverige hade inte bykats frigöra sig från hotet av ett danskt angrepp, speciellt från havs. På det hela taget hade fördraget också en rad positiva sidor för den nordiska unionen, av vilka de viktigaste var Sveriges nödvändighet att anslå stora resurser för att hålla flottan och armén på den danska gränsen i stridsberedskap samt möjligheten att fullständigt bevara Danmarks militära potential fram till början av krigets andra period, som slutade med Sveriges nederlag.

О ДОЛГЕ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ ДАНИИ В 1919 г.

К числу долгов буржуазной Эстонии периода гражданской войны в продолжение первой половины 1920-х гг. относили и ее долг Дании¹. Случилось так, что в журнале «Ээсти маяндус» его называли долгом, возникшим при расчете за военное снаряжение и продукты². Подобное утверждение, перенесенное в эстонскую историческую литературу, исказило действительный характер долга.

Этот долг не был долгом за военное снаряжение. Он возник как результат совместных торговых операций «АРА» (Американской администрации помощи) и правительств Эстонии и Дании³. Зимой 1919 г. Министерство сельского хозяйства Эстонии было заинтересовано в получении к весеннему севу семян ячменя и овса. Представитель буржуазной Эстонии в Копенгагене добивался получения семенного зерна, уже начиная с января. Однако дело сдвинулось с мертвой точки лишь в апреле. Позднее представитель отмечал, что задержка произошла не по его вине — «тянули с этим делом «инстанции»⁴. Очевидно, задержка была связана с тем, что Антанта разрешила Эстонии вести торговлю с нейтральными государствами лишь только в начале апреля 1919 г.⁵

Тогда же в ответ на просьбу члена заграничной миссии эстонского буржуазного правительства — А. Пийпа — представитель «АРА» Э. Д. Дюран заявил, что США, со своей

¹ См.: «Eesti Statistika», 1922, nr. 1—2, lk. 206; «Eesti Majandus», 1925, nr. 11, lk. 168; «Päevaleht», nr. 13, 14. I. 1926.

² «Eesti Majandus», 1925, nr. 11, lk. 168.

³ Долг этот ни в какой мере не был связан с вербовкой для Эстонии наемников в Дании. Этим делом занимались некоторые правые буржуазные деятели за свой счет. Дания являлась в 1919 г. нейтральной страной и не участвовала в военной интервенции 14 государств против Советской России (См.: Ленинский сборник. XXIV. М., 1933, стр. 197; «Борьба за советскую власть в Прибалтике». М., 1967, стр. 225; История Эстонской ССР, III, — на эст. яз., стр. 138; А. С. Кан. В. И. Ленин, Советская Россия и нейтральные государства Европы. — «Ленинская внешняя политика Советской страны. 1917—1924», М., 1969, стр. 175).

⁴ См.: ЦГАОР ЭССР, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 18, л. 208.

⁵ См.: материалы ЦГАОР ЭССР.

стороны, готовы продать Дании и Швеции пшеницу в таком же количестве, какое продадут указанные страны Эстонии в виде семенного зерна⁶. А. Пийп попросил поставить об этом в известность также правительства Дании и Швеции⁷. Тогда «АРА» сообщила своему представителю в Копенгагене, чтобы он ознакомил правительства Дании и Швеции «с мнением Соединенных Штатов» — что скандинавским странам следовало бы предоставить семенное зерно Эстонии⁸. 30 апреля правительство Дании заявило представителю «АРА», что оно может предоставить зерно, если США возьмут на себя ответственность за его оплату. Позицию правительства Эстонии считали в Копенгагене настолько шаткой, что Эстония не имела никакой возможности даже и при страховке товара получить от Дании что-либо в долг. Так заявил собственный представитель правительства буржуазной Эстонии в Копенгагене⁹. Это и положило начало всей торговой операции при посредничестве «АРА».

К 19 мая состав и количество поставляемого Данией зерна были в общих чертах выяснены. Поскольку зерна предоставлялось недостаточно, представитель Эстонии телеграфировал в Стокгольм консулу А. Посту, чтобы тот на таких же условиях добился поставки семян ячменя и овса также из Швеции¹⁰. Но консул ответил, что на получение шведского зерна никакой надежды нет¹¹.

Семенное зерно было закуплено в Дании в конце мая, а в июне оно прибыло в Эстонию. Всего было получено 1267,5 тонн ячменя и 716 тонн овса. Цена тонны составляла 320 датских крон, что давало в сумме долг в 634 720 крон, или в 151 571 доллар 14 центов (по тогдашнему курсу)¹².

За покупкой последовал сложный процесс выплаты долга. В начале июля того же года¹³ по договору, заключенному с «АРА», правительство Эстонии должно было уплатить Дании четвертую часть долга в датских кронах немедленно (158 680 кр.), оставшуюся же сумму — не позднее, чем к 1 октября. Выплату начали производить, и в августе Дании выплатили первую сумму — 158 680 крон¹⁴. Но тут выплата прервалась. В сентябре правительство Эстонии добилось продления срока оплаты долга на три месяца — до 1 января 1920 г.¹⁵ В первые

⁶ Э. Д. Дюран А. Пийпу от 5. IV. 1919 (материалы ЦГАОР ЭССР).

⁷ А. Пийп Э. Д. Дюрану от 11. IV. 1919 (материалы ЦГАОР ЭССР).

⁸ См.: материалы ЦГАОР ЭССР.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Газ. «Maaliit» nr. 103, 27. V 1919.

¹² ENSV ORKA, f. 20, nim. 1, s.-ü. 72, l. 54.

¹³ Vt. Vabariigi Valitsuse koosolekute protokollid 1919. a., 2. VII. 1919. prot. 29, VI; ENSV ORKA, f. 20, nim. 1, s.-ü. 71, l. 57.

¹⁴ По материалам ЦГАОР ЭССР.

¹⁵ Там же.

месяцы 1920 года было уплачено еще 150 000 крон. Далее расчеты с Данией проводила «АРА»; 1 мая 1920 г. она выплатила Дании оставшуюся часть долга вместе с процентами в долларах (что составило 57 512 долларов 8 центов). Этим долг Дании был погашен и находился теперь на счету «АРА» по Эстонии¹⁶.

Однако правительство Эстонии об этом не осведомили, и для него долг Дании продолжал существовать — в размере 463 930 крон 24 эре. Отчасти это объясняет необоснованные похвалы в адрес правительства Дании. В марте 1925 г. журнал «Ээсти маяндус» писал: «Мы не можем не подчеркнуть лояльность, которую проявила к нам Дания в отношении этого долга, считаясь с нашими возможностями и никогда не употребляя подобного тона, как некоторые великие державы, желающие чуть не обложения или конфискации нашего таможенного дохода»¹⁷.

Дания никогда не напоминала Эстонии о долге и о процентах. В конце концов такое положение показалось Министерству иностранных дел Эстонии странным. В Таллине возникли «некоторые сомнения», причисляет ли Дания вообще Эстонию к своим должникам. В феврале 1926 г. эстонский посланник в скандинавских странах получил задание «... частным путем собрать соответствующие данные о внешних долгах Дании и ее должниках»¹⁸. Выяснение действительного положения дел заняло у посланника время. Сам он говорил: «Приходилось действовать с некоторой осторожностью и по возможности воздерживаться от прямых вопросов». Поначалу выяснилось, что Дания действительно не причисляет Эстонию к своим должникам. Конкретные сведения о том, как происходило дело, затерянное в архивах Эстонии, посланник получил «при любезном содействии» посла Дании в Стокгольме Эрика Скавениуса, «который написал о деле в Политический отдел Министерства иностранных дел Дании (разумеется, в весьма туманной форме)»¹⁹. Э. Скавениус передал полученные им сведения в виде «памятки» без подписи посланнику Эстонии 20 марта 1926 г.

Ясность в вопросе о «долге Дании», видимо, послужила причиной того, что 26 марта 1926 г. в Государственной думе Эстонии обсуждалось подписание договора с Соединенными Штатами, который был заключен еще в октябре 1925 г. и имел в виду новый порядок урегулирования долга Эстонии. В связи с этим М. Мартна утверждал: «... следует помнить, что при окончательном заключении договора — о чем сегодня нам уже говорил господин министр иностранных дел — удалось часть упоминаемого долга Дании, который поначалу исчислялся в 634 720 крон, включить в долг Америке. Таким образом Эстония

---

¹⁶ См. материалы ЦГАОР ЭССР.

¹⁷ «Eesti Majandus» 1925, nr. 11, lk. 168.

¹⁸ По материалам ЦГАОР ЭССР.

¹⁹ Там же.

уже не должна выплачивать Дании этот долг, погашенный Соединенными Штатами Америки»²⁰.

В общих чертах об истории с этим долгом говорили в Эстонии более или менее правильно в 1930-е годы, но и тогда не доходили до хронологических уточнений²¹.

В итоге следует отметить, что в общей сумме долгов Эстонии времен гражданской войны пресловутый «долг Дании» занял весьма незначительную часть: она не составляла и одного процента всей суммы, причитавшейся Соединенным Штатам от Эстонии. Однако эта история показала небрежность государственных деятелей буржуазной Эстонии в отношении долгов времен гражданской войны.

---

²⁰ II Riigikogu protokollid, 10 istungjärg, l. 2289; vt. ka l. 2218. Министр иностранных дел А. Пийп и отчитывавшийся за финансовую комиссию М. Мартна скрывали действительную историю долга Дании и пытались изобразить исчезновение долга как победу своего правительства.

²¹ Vasitsusasutuste tegevus 1918—1934. Tallinn, 1934, lk. 119.

KODANLIKU EESTI VÖLAD TAANILE 1919. AASTAL

K. JAANSON

Resümee

Kodanliku Eesti klassisõjaaegsete võlgade hulgas on nii 1920-ndate aastate alul kui ka hiljem sageli märgitud ka võlga Taanile. Tegelikult seda võlga aga enam ei eksisteerinud, sest Eestile 1919. aastal müüdnud teravilja-seemne olid Taanile tasunud Ameerika Ühendriigid juba 1920. aastal, kandes selle enda arvele. Eesti võimudele selgus tõeline olukord alles 1926. aastal.

OM DET BORGERLIGA ESTLANDS SKULD TILL DANMARK 1919

K. JAANSON

Resumé

Till det borgerliga Estlands skulder under inbördeskriget på 1920-talet och vid senare tillfällen räknade man ofta dess skuld till Danmark. I själva verket existerade det då inte längre någon skuld, eftersom Förenta Staterna redan 1920 betalt Danmark för den spannmål, som sålts 1919 till Estland och tagit skulden på sin räkning. Det faktiska läget stod klart för de estniska myndigheterna först 1926.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЧАСТИЧНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

В 1969—1971 годах вошли в силу изменения в конституционных актах Швеции¹, которые известны под названием частичной конституционной реформы. Основные положения реформы состоят в следующем:

переход от двухпалатного риксдага (шведского парламента) к однопалатному;

координация выборов в риксдаг, ландстинги (провинциальные органы) и коммуны (местные органы самоуправления) таким образом, чтобы они приходились на один день;

изменение сроков полномочий во всех органах власти: три года вместо прежних четырех лет в местных органах и второй палате риксдага и восемь лет в первой палате риксдага;

введение новой избирательной системы;

официальное узаконение системы образования парламентарного правительства в конституционных актах.

В советской научной литературе пока нет специальных исследований по конституционной реформе в Швеции.

Королевство Швеция является конституционной монархией с парламентарным государственным устройством. Политическая власть сконцентрирована в руках правительства (Государственный совет — *statsråd*) и парламента (риксдаг). Король же играет в основном символическую роль. Структуру и порядок работы риксдага определяли в общих чертах при-

---

¹ Шведскую конституцию составляют четыре основных законодательных акта: 1) Основы государственного устройства (*regeringsformen* = RF), 2) Парламентский закон (*riksdagsordningen* = RO); 3) Закон об унаследовании трона (*successionsordningen*) и 4) Закон свободы печати (*tryckfrihetsförordningen*). Эти четыре основных акта дополняются многочисленными законами, уложениями и постановлениями, принимаемыми королем и риксдагом. См. R. Malmgren, H. G. F. Sundberg, G. Petren. *Sveriges grundlagar och tillhörande författningar med förklaringar*. Elfte upplagan. Stockholm, 1971. Частичная конституционная реформа охватывает только два первых акта основных законов.

нятые в 1809 г. «Основы государственного устройства» и детальнее — принятый в 1866 г. «Парламентский закон».

В соответствии с основными законами риксдаг делился на две палаты с одинаковыми правами и компетенцией по всем вопросам (RF § 49 : 1 и RO § 1 : 1).

После второй мировой войны во многих капиталистических странах развернулась дискуссия по конституционным проблемам. Более интенсивными стали дискуссии по этому вопросу и в Швеции.

В 1954 г. по инициативе риксдага была создана государственная конституционная комиссия (författningsutredningen), которой руководил бывший премьер-министр и министр иностранных дел социал-демократ Рикард Сандлер. Комиссия за период своей деятельности представила шесть предложений, из которых важнейшее и окончательное появилось в четырех частях весной и летом 1963 г. под общим названием «Государственное устройство Швеции»². Это произошло через девять лет после начала работы комиссии.

Предложение конституционной комиссии от 1963 г. содержало совершенно новый проект основного закона государственного устройства. Проект конституции был принят общественностью весьма критически, и в середине 60-х годов в стране развернулись интенсивные политические дискуссии³. В центре внимания оказались однопалатная система риксдага и вопросы избирательной системы (большинство конституционной комиссии высказывалось за однопалатный риксдаг, два члена поддерживали сохранение двухпалатной системы). Буржуазные партии требовали однопалатного риксдага и прямых пропорциональных выборов. Социал-демократы поддерживали такую избирательную систему, которая препятствовала бы выдвижению кандидатов от малочисленных партий. Этот пункт требований социал-демократов был одновременно направлен и против коммунистической партии.

Длившееся три года обсуждение позволило представителям четырех политических партий в марте 1966 г. прийти к соглашению о требованиях, предъявляемых к новому проекту конституции⁴. Они сводились в основном к следующему: провести

² Statens offentliga utredningar (= SOU) 1963 : 16. Sveriges statsskick. Del 1. Lagförslag. Stockholm, 1963; SOU 1963 : 17. Del. 2. Motiv. Förslag till regeringsform. Stockholm, 1963; SOU 1963 : 18. Sveriges statsskick. Del 3. Motiv. Förslag till riksdagsordning. Stockholm, 1963; SOU 1963 : 19. Sveriges statsskick. Del 4. Bilagor. Stockholm, 1963.

³ См. Modern demokrati. Problem och debattfrågor. Lund, 1963; S. Hadenius o. a. Sverige efter 1900. Stockholm, 1971, s. 257—259; H. A. Olsson. Några synpunkter på författningsutredningens förslag till ny RO. — «Statsvetenskaplig tidskrift», 1964, N 1, s. 43—50; A. Gustafsson. Författningsfrågans handläggning. — «Statsvetenskaplig tidskrift», 1964, N 5, s. 389—393.

⁴ B. E. Grimlund, L. Ricknell. Den nya riksdagen. En presentation av den partiella författningsreformen. Stockholm, 1970, s. 16—17.

общую конституционную реформу; пересмотреть предложения конституционной комиссии; включить принцип парламентаризма в основное законодательство; риксдаг должен состоять из одной палаты, образуемой путем прямого голосования; сделать избирательную систему последовательно пропорциональной, но в то же время препятствующей выдвижению кандидатов от малых партий. В сущности, соглашение четырех партий оказалось направленным против предложений комиссии Сандлера.

В апреле 1966 г. была создана новая правительственная комиссия, которая получила название комиссии по подготовке основного закона (*grundlagberedningen*)⁵. Она имела два задания: на основе материала, собранного предыдущей конституционной комиссией и другими рабочими группами, а также учитывая предложения, выдвинутые в ходе дискуссии, разработать общую реформу основного закона в соответствии с пунктами межпартийного соглашения. Во-вторых, следовало подготовить частичную реформу основного закона. При этом считалось, что подготовка общей конституционной реформы требует длительного времени, частичная же реформа должна как можно скорее ввести в основной закон прежде всего пункты об однопалатном риксдаге и принципе парламентаризма.

Новая комиссия, которой руководил губернатор Вальтер Оман (социал-демократ), представила уже в апреле 1967 г. проект частичной реформы конституции⁶. Проект был признан приемлемым и окончательно принят риксдагом большинством голосов в 1969 г. (из 384 членов парламента в первом туре голосовало против около 30 депутатов, а во втором — и того меньше)⁷. Конечно, это не означает, что все партии были полностью удовлетворены новым проектом. Его утверждение в риксдаге явилось лишь компромиссом по некоторым вопросам между совершенно различными точками зрения.

Таким образом, Швеция провела частичную конституционную реформу, хотя сделала это гораздо позже, чем другие скандинавские страны⁸.

---

⁵ Коммунистическая партия Швеции не принимала участия в конституционных комиссиях, так как имела в риксдаге мало представителей. В принятой в 1967 г. программе шведской компартии (с 1967 г. — Левая партия коммунистов) были выдвинуты требования принятия новой конституции. Они признавали однопалатную систему риксдага, но требовали распределения мандатов по числу полученных голосов с тем, чтобы все голоса имели одинаковую ценность. См.: *De politiska partiernas program*. Lund, 1970, s. 254.

⁶ *SOU 1967:26. Partiell författningsreform*. Stockholm, 1967; см. также: *N. Elder. Government in Sweden. The Executive at Work*. Oxford, 1970, p. 22—30.

⁷ *The Constitutional Reform in Sweden. Fact Sheets on Sweden*. Stockholm, 1969.

⁸ В Финляндии последние большие изменения в конституции проводились в 1947 г., в Норвегии — в 1952 г., в Исландии — в 1959 г., в Дании

Основные вопросы частичной конституционной реформы, как и во время реформы 1866 года, касались риксдага.

Выборы в риксдаг по-прежнему проводятся в 28 избирательных округах, которые в общих чертах остались такими же, как и прежде. 310 мандатов из 350 распределяются через избирательные округа. Остальные 40 используются для выравнивания отклонений от пропорциональности в масштабе всей страны. Чтобы воспрепятствовать выдвижению кандидатов от малых партий, в избирательную систему введено положение, согласно которому принимать участие в распределении постоянных 310 мандатов может только та партия, которая наберет не менее 4 процентов всех голосов, поданных во время выборов в стране. Одно исключение из этого правила все же сделано, а именно: партия, которая в каком-нибудь округе имеет большое влияние и получит не менее 12 процентов голосов, поданных в округе, также принимает участие в распределении постоянных мандатов в этом округе, несмотря на 4-процентный барьер. В то же время, эти партии не могут принимать участия в распределении 40 уравнивательных мандатов.

4-процентный барьер направлен прежде всего против коммунистической партии, которая в 1968 г. на выборах второй палаты риксдага получила три процента голосов. Представители коммунистической партии и других демократических сил неоднократно протестовали против введения такого несправедливого порядка. Демократические силы обращали внимание и на такую нелепость: собрав 4 процента голосов, партия получает 14 мест в риксдаге, но если не хватает хотя бы одной десятой процента, то ни одного места. После введения нового избирательного закона, в результате большой пропагандистской работы, коммунистическая партия сумела преодолеть 4-процентный барьер и в первом составе нового однопалатного риксдага коммунисты Швеции имели 17 мест (в 1974 г. — уже 19 мест, а в 1970 г. в обеих палатах — всего 4 места), что равно наибольшему количеству мест, полученному коммунистами в риксдаге в 1944 г.⁹ Таким образом, надежды реакционных кругов на уменьшение влияния коммунистов в новом составе риксдага не сбылись.

Изменения в работе риксдага в связи с переходом к однопалатной системе касаются постоянных комиссий, руководства и планирования работы риксдага, а также проведения прений.

проект новой конституции был утвержден и вошел в силу в 1953 г. См. также: А. С. Кан. История скандинавских стран. Москва, 1971, стр. 293—294 и 314. Во всех указанных странах парламент теперь практически однопалатный.

⁹ См. Statistisk årsbok för Sverige 1973. Stockholm, 1973, s. 405; «Ny Dag», 1970, N 77, 2—6 okt.

Система постоянных комиссий двухпалатного риксдага¹⁰ имела некоторые черты, которые при международном сопоставлении кажутся особенно характерными. В соответствии с основным законом государства, обе палаты имели одинаковую власть и права, поэтому из обеих палат в состав комиссий избиралось одинаковое количество представителей. Поскольку практически все вопросы предварительно обсуждались в комиссиях и они обязаны были высказывать по ним свое мнение, то тем самым исключалась возможность «похоронить» вопрос в комиссии.

Конституционная комиссия констатировала, что существующая система постоянных комиссий функционирует правильно, и предложила ограничиться лишь небольшими изменениями¹¹.

Частичная конституционная реформа в 1967 г. предусматривала, что соотношение между количеством мест в новом риксдаге и в его постоянных комиссиях должно быть примерно таким же, как и в первой палате до реформы. Но по окончательному решению в комиссиях стало несколько больше мест — 235. Если из этого количества исключить председателя риксдага и министров, то получается, что 110 депутатов должны удовлетвориться лишь должностями заместителей членов комиссий.

Одним из важнейших новшеств является распределение вопросов между постоянными комиссиями. Раньше они распределялись по государственно-правовому характеру, а теперь — по существу (*efter sakinhåll*). До реформы близкие по содержанию дела зачастую обсуждались различными комиссиями, а бюджетные — даже в подкомиссиях.

Принятый в 1809 г. основной закон государства базировался на принципе уравнивания законодательной и исполнительной власти. Члены правительства считались советниками короля. Развитие парламентаризма, вышедшего за рамки основного закона, постепенно подрывало дуалистический государственный порядок. В 1918 г. принципы парламентаризма стали ведущими в Швеции¹², и роль короля в государственных делах стала в основном лишь формальной.

Парламентарное государственное устройство означает, что депутатам и риксдагу по конституции отводится ведущая роль

---

¹⁰ О порядке работы двухпалатного риксдага и его постоянных комиссий см. подробнее: *N. Andrén. Modern Swedish Government. Stockholm, 1968, s. 77—112; H. Strömberg. Sveriges författning. Lund, 1965, s. 25—30. o. 45—48.*

¹¹ О работе постоянных комиссий однопалатного риксдага см.: *B. Broomé. Aktuella grundlagsfrågor. — «Statsvetenskaplig tidskrift», 1970, N 4, s. 328—332.*

¹² См. также: *А. С. Кан. Швеция 1809—1810 гг. Государственный переворот или буржуазная революция? — «Новая и новейшая история», 1973, № 1, стр. 68—81.*

в принятии важнейших политических решений. В то же время парламентарное устройство требует, чтобы правительство находилось в зависимости от риксдага. От риксдага зависит формирование правительства. Министры должны пользоваться доверием риксдага, а проводимая ими политика согласовываться с требованиями риксдага.

Итак, решающее влияние на жизнь страны должно принадлежать прежде всего риксдагу. Однако в действительности за последние десятилетия роль правительства в Швеции возросла, а роль риксдага уменьшилась (как и во многих других буржуазных государствах). Правительство по существу стало гораздо более самостоятельным. Некоторые шведские исследователи считают это само собой разумеющимся следствием применения основных принципов парламентаризма, поскольку правительство образуется из представителей партий, обладающих наибольшим количеством мест в парламенте, и оно может рассчитывать на поддержку соратников по партии¹³.

Хотя принципы парламентаризма давно вошли в шведскую жизнь, но полное отсутствие концепции парламентарного управления в основных законах страны вызывало на протяжении десятилетий серьезную критику в адрес конституции. Введение в конституцию принципов, укоренившихся в практике, считалось основным требованием к работе обеих конституционных комиссий, созданных правительством.

Конституционная комиссия 1966 года ограничилась введением в основные законы самого необходимого. Предложения о реформе взаимоотношений короля, правительства и риксдага оказались весьма ограниченными. Новые законы касались в основном отношений правительства и короля, права правительства на роспуск риксдага и проведение новых выборов, а также на выражение недоверия правительству. Однако реформы в незначительной степени касаются вопросов формирования правительства. Приспособливание принципов парламентаризма к основным законам, принятым в начале XIX в. и базирующимся на совершенно иных основах, привело к противоречиям и непоследовательности, особенно во взаимоотношениях короля и правительства. Часть противоречий между прежним содержанием основных законов и новыми принципами парламентаризма удалось, правда, несколько смягчить путем редактирования, но полностью исключить противоречия оказалось невозможным.

Последовательное проведение принципа зависимости правительства от доверия парламента означало, что парламент как представительство избирателей должен и образовывать правительство. При этом идеальным с точки зрения сторонников

¹³ *Å. Örtmark. Maktspelet i Sverige — ett samhällsreportage. Stockholm, 1968, s. 20.*

чистого парламентаризма было бы, если парламент образовывал правительство путем пропорциональных выборов; фактически же в формировании правительства существенная роль принадлежит премьер-министру. Поэтому влияние парламента на создание правительства сводится к тому, каким образом назначается премьер-министр. Лицо, формирующее правительство, может избираться парламентом (как, например, в ФРГ). В соответствии же со шведским основным законом и согласно частичной реформе, премьер-министра назначал король. В соответствии со сложившейся практикой, король должен до назначения главы правительства посоветоваться с председателем риксдага и лидерами партий. На самом деле король не пользуется никакой свободой назначения премьер-министра, и эту функцию давно взяли на себя фракции политических партий в риксдаге. Назначение или выборы лица, формирующего правительство, настолько тесно связаны с вопросом о положении короля, что в ходе частичной реформы и впредь до полной конституционной реформы в Швеции отказались от уточнения положений, касающихся образования правительства, и вопрос по-прежнему решался в соответствии со сложившейся практикой. Правда, были объявлены недействительными или исправлены все положения, утверждающие, что члены кабинета — лишь советники короля. Король назначал также и всех министров только на основании рекомендации премьер-министра¹⁴.

До сих пор в шведских конституционных актах отсутствовали положения, которые позволяли бы риксдагу постоянно контролировать, пользуется ли правительство доверием парламента, и заставлять правительство или министров уходить в отставку. Формулировка утвержденного новым основным законом требования политической ответственности правительства — негативная. Риксдаг может в любое время поставить вопрос о доверии. Он имеет право без обоснования своей позиции выражать недоверие правительству или министрам. Вопрос о доверии можно ставить тогда, когда этого требует не менее десятой части парламента (35 человек). Для вступления в силу решения о недоверии требуется, чтобы более половины (т. е. не меньше 176) депутатов риксдага проголосовало против доверия правительству.

Решение об объявлении новых выборов формально принимает глава государства, однако только после соответствующего

---

¹⁴ Неоднократно в политических дискуссиях возникал вопрос о введении республики в Швеции. Аргументы сторонников республики и монархии см., напр.: *B. Fiskesjö. Monarki eller republik? Modern demokrati. Problem och debattfrågor.* Red. av P.-E. Back. Lund, 1963, s. 30—55. Левая партия коммунистов оставалась всегда на стороне республиканцев. О конституционных требованиях шведских коммунистов см.: *De politiska partiernas program*, s. 254; *P.-E. Back. Det svenska partiväsendet.* Stockholm, 1972, s. 60—61.

заявления премьер-министра. Таким образом, реально решает этот вопрос премьер-министр. В соответствии с формулировкой текста прежнего основного закона, объявление новых выборов во время заседания риксдага автоматически влекло за собой роспуск риксдага. Это требование не действовало в перерывах между сессиями. Новый риксдаг следовало созвать в течение трех месяцев со дня роспуска прежнего. Таким образом, функционирующий в государстве риксдаг мог в течение трех месяцев полностью отсутствовать. Такой порядок был сочтен неправильным. По новому положению правительство решает — продолжит ли риксдаг деятельность после принятия решения о проведении новых выборов. Правительство имело право, если сочтет необходимым, прервать заседание риксдага, но могло этого и не делать. Теперь выражение «ропуск риксдага» заменено выражением «прерывание заседания риксдага».

В заключение следует подчеркнуть, что реформы при переходе к однопалатному риксдагу были весьма ограниченными. Окончательные изменения в системе комиссий прежнего двухпалатного риксдага еще не произведены, принципы парламентаризма не нашли окончательного отражения в законах, организация работы риксдага не стабилизирована. В значительной степени однопалатный риксдаг образовался путем простого устранения первой палаты. Выборы нового риксдага происходят в основном аналогично прежним выборам второй палаты. Методы работы и проверка действительности мандатов избранных депутатов риксдага также близки тем, которые использовались раньше второй палатой. Поэтому и процесс перехода к однопалатному риксдагу рассматривается в Швеции зачастую как естественный и безболезненный¹⁵. На самом деле реформа стала одной из форм проявления длительной классовой борьбы и, учитывая особенности Швеции, представляла собой не столько безболезненный, сколько скрытый процесс. Дальнейшие второстепенные реформы не изменили сущности частичной конституционной реформы. Поэтому нельзя переоценивать ее значение, как это отметили некоторые советские ученые¹⁶.

Представление проекта частичной конституционной реформы явилось лишь первым этапом в работе конституционной комиссии. Комиссия продолжала свою деятельность с целью выработать проект новой конституционной реформы. В последующие годы она представила ряд дополнительных предложений, которые обсуждались в риксдаге¹⁷.

¹⁵ B. Grimlund, L. Ricknell. Den nya riksdagen, s. 11.

¹⁶ В. В. Похлебкин. Швеция вступает в 70-е годы. — «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 1, стр. 109.

¹⁷ SOU 1969: 62. Ny utskottsorganisation. Stockholm, 1969; SOU 1970: 17. Ersättare för riksdagsledamöterna. Stockholm, 1970; SOU 1970: 27. Allmänna val på våren. Stockholm, 1970; 1972 års Riksdag. Översikt på uppdrag av

Проект новой конституции комиссия представила в марте 1972 г.¹⁸ Впервые проект обсуждался в риксдаге весной 1973 г. и был окончательно принят весной 1974 г. Новая конституция вступила в силу с 1 января 1975 г.¹⁹

В соответствии с новой конституцией, король не имеет права даже формально участвовать в создании правительства. После проведения частичной конституционной реформы ответственность за создание правительства, правда только формально, нес по-прежнему король. По новой же конституции ведущая роль в этом вопросе принадлежит председателю риксдага (*talmannen*). После консультации с представителями партийных групп в риксдаге он выдвигает кандидата на пост премьер-министра. Но выдвигаемый может стать премьер-министром только в том случае, если против него проголосует не больше половины депутатов риксдага.

Работа по подготовке новой конституции имела в основном технический характер, так как основные изменения в конституционные акты были внесены в ходе частичной реформы²⁰. Но и новую конституцию можно считать завершенным актом только условно — она не затрагивает некоторых важных вопросов, например, взаимоотношений между государством и церковью, в ней не сформулированы даже права и свободы граждан.

Riksdagens förvaltningsstyrelse utarbetad av Torsten Bjerlöv. Vårsessionen. Stockholm, 1972, s. 543—546.

¹⁸ SOU 1972:15. Ny regeringsform. Ny riksdagsordning. Stockholm, 1972; SOU 1972:16. Ny regeringsform. Ny riksdagsordning. Följdförfattningar. Stockholm, 1972.

¹⁹ Подробнее о проекте новой конституции см.: *E. Holmberg*. Grundlagberedningens förslag till ny RF och ny RO. — «Statsvetenskaplig tidskrift», 1972, N 2, s. 189—208; 1973 års Riksdag. Översikt på uppdrag av Riksdagens förvaltningsstyrelse utarbetad av Torsten Bjerlöv. Vårsessionen. Stockholm, 1973, s. 341—369.

²⁰ Это заметил и главный секретарь комиссии по подготовке основного закона Э. Хольмберг (См.: *E. Holmberg*. Grundlagberedningens förslag till ny RF och ny RO. — «Statsvetenskaplig tidskrift», 1972, N 2, s. 192).

TÄNAPÄEVA ROOTSI OSALISE KONSTITUTSIOONIREFORMI MÕNINGAID ASPEKTE

H. KALLUS

Resümee

1969.—1971. aastal jõustusiid Rootsi konstitutsioonilistes aktides muudatused, mida tuntakse osalise konstitutsioonireformi nime all. 1954. aastal Riksdagi nõudmisel moodustatud konstitutsioonikomisjon (författningsutredningen) koostas 1963. aastaks uue konstitutsiooni projekti, mis võeti poliitiliste parteide esindajate ja üldsuse poolt terava kriitikaga vastu. 1966. aastal loodud uus valitsuskomisjon (grundlagberedningen) esitas juba 1967. aasta aprillis osalise konstitutsioonireformi projekti, mis tunnistati vastuvõetavaks. Kuid reform oli vaid kompromissiks mõnes küsimuses vägagi erinevate seisukohtade vahel.

Konstitutsioonireformi põhiküsimused koondusid Riksdagi ümber. Kahekojaliselt parlamendilt mindi 1971. aastal üle ühekojalisele, 350 saadikust koosnevale Riksdagile kolmeaastase ametisoleku ajaga. Kehtestati uus valimissüsteem, mis soosib suuri parteisid. Muudeti mõnevõrra Riksdagi töökorda ning mindi üle uuele töökorraldusele Riksdagi alalistes komisjonides. Üheks oluliseks osalise konstitutsioonireformi eesmärgiks pidi olema parlamentarismi põhimõtete sisseviimine konstitutsioonilistesse aktidesse. Reguleeriti küll kuninga ja valitsuse suhteid, valitsuse õigust laiuli saata parlamenti jms., kuid valitsuse moodustamise küsimus jäi endiselt lahendamata. Teisejärgulised reformid ei suutnud muuta vana konstitutsiooni olemust. Seepärast ei saa reformi tähtsust üle hinnata.

Uue täieliku konstitutsioonireformi projekt, mis näeb ette parlamendi ja valitsuse võimu laiendamist, esitati 1972. aasta märtsis. Ka see projekt kutsus esile elava mõttevahetuse.

NÅGRA ASPEKTER PÅ DEN PARTIELLA FÖRFATTNINGSREFORMEN I SVERIGE DET NUTIDA

H. KALLUS

Resumé

År 1969—1971 genomfördes en rad förändringar i den svenska grundlagen, vilka är bekanta som den partiella författningsreformen. 1954 tillsattes på riksdagens initiativ en författningsutredning, som 1963 framlade sitt sista betänkande. Det igångsatte en intensiv politisk debatt vid 1960-talets mitt. I april 1966 tillsatte regeringen en ny utredning som kallades för grundlagberedningen och som redan i april 1967 kunde presentera ett betänkande om partiell författningsreform. Men denna reform blev endast en kompromisslösning i vissa frågor mellan olika ställningstaganden.

Författningsreformens viktigaste frågor gällde riksdagen. 1971 ombildades tvåkammerssystemet till enkammerssystem med 350 ledamöter med 3-årig mandattid. Ett nytt valsysteem infördes, som ger förmåner till större partier. Riksdagens ständiga utskotts arbete förändrades. Ett av de viktigaste syftena med den partiella författningsreformen var att införa parlamentariska principer i de konstitutionella akterna. Man reglerade förhållandena mellan kungen och regeringen, regeringens rätt att upplösa riksdagen osv., men frågan om bildandet av regering blev fortvarande olöst. De sekundära reformerna kunde inte förändra den gamla författnings karaktär och därför får man inte övervärdera reformens betydelse.

Ett nytt förslag till en total grundlagsrevision, som innebär en utvigning av riksdagens och regeringens makt, presenterades i mars 1972. Också detta förslag har väckt en livling debatt bland svenska politiker och svensk allmänhet.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ДАНИИ И «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»

Несмотря на благоприятные условия экономического развития Дании в 1960-х годах, именно в это десятилетие, вопреки ожиданиям правящих кругов, значительно расширились ряды борцов против капитализма и участников самых разнообразных движений протеста. Новые отряды трудящихся, служащие и интеллигенция, долгое время стоявшие в стороне от политики, студенчество, разочаровавшееся в ценностях буржуазного общества, по-своему реагировали на антигуманную сущность капитализма. Изменение социального положения этих слоев, наряду со значительными политическими сдвигами в мире, постепенно способствовало вовлечению их в активную политическую борьбу.

Вместе с тем преимущественно мелкобуржуазное происхождение этих социальных групп накладывает порой отпечаток утопизма и индивидуализма на их восприятие мира, на образ мысли и на формы их политических выступлений. Вовлечение таких слоев в классовую борьбу «неизбежно должно, — как писал В. И. Ленин, — сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и устарелым приемам и т. д.»¹

К политическим последствиям социально-экономических и духовных сдвигов в Дании на рубеже 1950—60-х гг. следует отнести два явления, известных и в других странах Западной Европы и наложивших определенный отпечаток также и на датскую политическую жизнь 1960-х гг. С одной стороны, речь идет о Социалистической народной партии (СНП). Эта партия была основана в 1959 г. праворевизионистскими элементами, исключенными из рядов Компартии Дании за антипартийную деятельность, и разрекламирована ими как некая «срединная» партия — по отношению к Коммунистической партии Дании и социал-демократической партии Дании (СДПД). С другой стороны, именно на рубеже 1950—60-х гг. в ходе отдельных кам-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 65.

паний протеста возник ряд группировок, которые условно можно объединить под названием «новых левых»².

Поскольку оба эти явления возникли почти одновременно, а их социальная база и отдельные аспекты их идейно-политических концепций близки друг другу, то некоторые исследователи сделали вывод об их тождественности. Или, если сказать иначе — переоценив элемент «новизны» СИП, характеризовали ее как партию «новых левых»³. Представляется, однако, что такое суждение дает искаженную основу для анализа политической линии СМП на протяжении 1960-х гг. и, вместе с тем, может привести к ошибочной оценке перспектив движений протеста.

Более глубокое сопоставление СМП и «новых левых» не только опровергает указанные выше суждения, но дает также представление о перспективах намечившегося перехода интеллигенции и студенчества на позиции рабочего класса и о том, к какому течению внутри рабочего движения эти силы примкнут: к революционному или оппортунистическому. При этом необходимо учесть, что «по историческим причинам в развитии датского рабочего движения преобладал реформизм, особенно в виде идеологии и политики социал-демократизма... Измышления реформизма о том, что общественные условия могут изменяться сами собою, т. е. без борьбы, по-прежнему являются важнейшим средством для того, чтобы заставить значительную часть рабочего класса удовлетворяться существующими условиями. Однако в наше время для возрастающего числа людей становится очевидным, что реформы, лишь способствующие сохранению нынешнего общества, не имеют перспектив»⁴.

Практическое решение для левых политических сил Дании ключевой проблемы — укрепления единства действий — во многом зависит от итогов сложного процесса приобщения не-

---

² Среди определений «новых левых», имеющих в советской литературе, наиболее полное дано, по нашему мнению, в книге Э. Я. Баталова «Философия бунта» (М., 1973). Автор указывает, что этот термин сперва использовался для обозначения «небольшой группы интеллектуалов, заявивших моральный протест против буржуазного общества», а в дальнейшем его стали распространять на «все слои участников непротестарских движений протеста... выступающих под леворадикальными лозунгами» (Указ. соч., стр. 6, 18, 39). Соотнеся с этим определением целый ряд левых датских группировок 1960-х гг. («Кампания против атомного оружия», «Группа 61», «КРИМ», «Нью самфун», «КОКОО» и др.), которые по составу неоднородны и часто лишены организационной целостности, мы считаем их разновидностью «новых левых», несмотря на то, что не все они соответствуют критериям, сформулированным Э. Я. Баталовым.

³ А. Alsterdal. Den nya vänstern. Stockholm, 1963; G. Therborn. Den nya vänstern. Stockholm, 1967; U. Schmiederer. Die Sozialistische Volkspartei Dänemarks. Eine Partei der Neuen Linken. Frankfurt a. M., 1969; А. С. Кан. История скандинавских стран. М., 1971 и др.

⁴ Danmarks kommunistiske partis 24. kongres. København, 1973, s. 95.

пролетарской массы к революционному движению, возглавляемому сознательным авангардом рабочего класса Дании.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы уже были освещены в марксистской литературе⁵, а также в работах других авторов⁶. Привлекая документы СНП⁷, публикации ряда деятелей СНП и партии «Левые социалисты»⁸, а также публикации представителей различных группировок и течений датских «новых левых»⁹, представляется возможным дать более целостное освещение данной темы.

При сопоставлении СНП и «новых левых» целесообразно обратить внимание на следующие четыре аспекта: 1) социальная база, 2) организационная структура, 3) идейно-теоретическая основа, 4) политическая линия.

*   *

*

Анализ социальной базы СНП даже по немногочисленным опубликованным статистическим данным свидетельствует о значительной социальной диспропорции между членами партии и ее избирательской массой. В то время как среди руководства и активистов СНП, чьи воззрения и определяют идейную основу и политический курс партии, а также среди рядовых членов партии постоянно увеличивался удельный вес представителей интеллигенции¹⁰, среди избирателей СНП рабочие и низшие слои служащих неизменно составляли не только относительное, но и абсолютное большинство¹¹.

Напротив, движение «новых левых» по своему социальному составу — непролетарское и опирается в основном на студенчество и интеллигенцию, что подтверждается, например, опубликованными сведениями об участниках «Кампании против атомного оружия»¹². Отсюда очевидно, что массовая база двух рассматриваемых феноменов не совсем тождественна.

⁵ И. Нёрлунд. Точка зрения коммунистов. (Перевод с датского). М., 1972; А. С. Кан. Указ. соч.

⁶ U. Schmiederer. Die Sozialistische Volkspartei Dänemarks. Frankfurt a. M., 1969; A. Alsterdal. Den nye vänstern. Stockholm, 1963; «Arbejderfæltet», København, 1969.

⁷ Principprogram for SF. København, 1963; «Hvad vi vil», København, 1963; «Mellemos», 1964, N 2.

⁸ A. Larsen. Valget. København, 1964; «Aksel Larsen ser tilbage», København, 1970; G. Petersen. Veje til socialisme i vor tid. København, 1966; «Venstre-socialisme». Analyse og debat. København, 1968.

⁹ G. Scharnberg. Det Kan nytte. København, 1965; M. N. Styrk. Aktiv ungdom. København, 1963.

¹⁰ См., напр.: «SF» I. VI. 1959; «Kontrast», Oslo, 1968, N. 10/1, s. 44; «SF-orientering», 1971, N. 1.

¹¹ Berlingske Tidende, 30. X. 1967.

¹² В специальном исследовании об этой кампании приведены данные, указывающие, что в 1962 г. непролетарские слои составляли около 90% всех ее участников. (См.: K. Jørgensen. Atomåbnettes rolle i dansk politik. Odense, 1973, s. 95—96).

Говоря об организационной структуре СНП, следует вспомнить, что до официального создания СНП 15 февраля 1959 г. среди ее основателей были сторонники создания не партии с разветвленной организационной структурой, а «массового народного движения, способного добиться проведения социалистической политики», опираясь на сеть локальных организаций и «рабочих групп»¹³. В этом часть ревизионистов видела возможность создать некую альтернативу как СДПД, так и Компартии Дании. Однако два обстоятельства — наличие у лидера СНП А. Ларсена¹⁴ парламентского мандата и неожиданный успех партии на парламентских выборах 1960 г., где СНП добавила к мандату Ларсена еще 10 мандатов, — дали перевес сторонникам четкой организационной структуры. В соответствии с уставом партии, ее высшим органом считался съезд, а в период между съездами — главное правление. В то же время устав не определял обязанностей членов партии и не подчеркивал, например, что парламентская фракция подчиняется решениям руководства партии. Согласно § 11 устава, депутатов СНП «нельзя обязать поддерживать взгляды, не соответствующие их собственному убеждению»¹⁵.

Подобные условия способствовали тому, что парламентская фракция СНП во главе с А. Ларсеном на практике встала над партией и заняла ведущее положение в определении ее политического курса. В соответствии со своей реформистской концепцией и честолюбивыми устремлениями А. Ларсен на протяжении ряда лет оправдывал такую практику необходимостью определять политический курс партии, исходя в первую очередь из воли избирателей, а не членов партии. Понятно, что такая практика вызвала критику внутри партии, ибо она фактически приводила к обособлению лидеров партии и в конечном счете могла привести СНП к общему застою, как это произошло во вторую половину 1960-х гг. с крупнейшей рабочей партией Дании — СДПД.

В середине 1960-х гг. организационно не оформленное левое крыло СНП вновь и вновь пыталось добиться рассредоточения власти в партии; делалось это под влиянием примера «Кампании против атомного оружия», откуда многие ее участники пришли в СНП. В свое время эта кампания была задумана в качестве организационной альтернативы традиционным организациям и партиям, ибо первоосновой ее деятельности являлась инициатива ее рядовых участников. Руководящего органа кампания не имела, существовал лишь координационный центр

¹³ «Orietering for Socialistisk Samling» N. 3, 21. XI. 1958.

¹⁴ Председатель КПД с 1932 г. по 1958 г. Исключен в 1958 г. за антипартийную деятельность. С 1959 по 1968 г. — председатель СНП. Умер в 1972 г.

¹⁵ «Mellem os», N. 2, Februar 1964.

в Копенгагене, откуда осуществлялась связь с местными группами, число которых с 1963 по 1966 г. колебалось от 30 до 70¹⁶.

Попытки левого крыла СНП переустроить партийную организацию в конечном счете свелись к требованию ограничить «единоначалие» А. Ларсена в партии. Однако вплоть до 1968 г., когда престарелый председатель партии сам подал в отставку, никаких изменений не произошло. В то же время один из лидеров левого крыла, а с 1968 г. — один из лидеров партии «Левые социалисты» Э. Сигсгор составил целостный проект коренного организационного переустройства СНП. Этот проект, отвергнутый во время его обсуждения в руководстве СНП, носил очевидный отпечаток анархистского нетерпения. По Сигсгору, средство должно быть тождественно цели — т. е. форма политического движения должна предвещать и предвосхищать форму послереволюционного общественного устройства, в основе которого лежала бы неограниченная свобода личности.

Эти идеи были близки и многим «новым левым», в частности, тем прогрессивным представителям творческой интеллигенции, которые возглавили течение «культур-радикализма». Один из его видных деятелей — писатель Йохан Фьор Енсен в книге «Хомо Манипулатус» выступил против «тесных организационных рамок всех существующих политических партий» и указывал, что «старые партии» (имеются в виду в том числе и СНП и КПД) «не способны самообновляться из-за глубокой пропасти между элитой и бесправной массой рядовых членов»¹⁷.

Аналогичные организационные идеи лежали и в основе так называемого «молодежного бунта» конца 1960-х гг. в Дании. Разнородные течения его участников имели между собой то общее, что выражали свое предубеждение против «истэблишмента», в том числе против всех организованных политических партий. Понятно, что возрастные особенности молодежи также наложили специфический отпечаток на форму поведения участников этого «бунта».

Подобный организационный анархизм был совершенно неприемлем для подавляющей части народных социалистов и тем более — для лидеров этой партии. Однако левое крыло СНП постепенно сближалось с группировками «новых левых» и создало в декабре 1967 г. новую партию «Левые социалисты» (ЛС). В ее расплывчатых рамках на некоторое время слились в одну децентрализованную организацию самые разнообразные оттенки ультралевых и «новых левых» течений. Между тем прошло не более двух-трех лет, как стала очевидной обреченность

---

¹⁶ К. Jørgensen. *Op. cit.*, s. 97—98.

¹⁷ Цит. по: N. M. Plum. *Ekstraparlamentarisme?* København, 1971, s. 165.

так называемого «нового стиля» организации левых социалистов. Так и не став партий «молодежного бунта», они распались на множество мелких группировок и сект¹⁸. Знаменательно, что в дальнейшем некоторая часть этих группировок, занявшись изучением классиков марксизма-ленинизма, стала выступать в пользу организационных принципов демократического централизма. Тем самым остатки движения «новых левых» фактически вернулись к тому принципу, который в конце 1950-х гг. являлся одним из объектов нападок на компартию со стороны праворевизионистских сил и прежде всего — сторонников А. Ларсена.

Очевидно, что установка «новых левых» 1960-х гг. на децентрализацию и стихийность имела ряд незначительных точек соприкосновения с концепцией СНП о стихийном, постепенном переходе к социализму, с отрицанием ведущей роли революционной партии. В обоих случаях в основе лежал мелкобуржуазный индивидуализм. Однако из этого не следует, что именно в организационных принципах СНП кроется причина кризиса этой партии в 1967 г., на что делает основной упор западногерманский историк У. Шмидерер в исследовании о СНП¹⁹.

При всей косности организационной структуры СНП неудачи партии вытекали в конечном счете из ее идейно-политической основы — так называемого «ларсенизма», представляющего собой типичную праворевизионистскую, оппортунистическую концепцию.

В основе **идейно-теоретической концепции** СНП лежали праворевизионистские взгляды, выраженные как журналом «Диалог», так и в публичных выступлениях видного и популярного общественного деятеля профессора М. Фога²⁰. В 1956—1958 гг. М. Фог под влиянием ложно истолкованных им последствий научно-технической революции, кажущейся стабилизации капитализма и предвзятой оценки разоблачения XX съездом КПСС последствий культа личности выдвинул ряд эклектических концепций. Они сочетали в себе экономизм и мелкобуржуазное истолкование исторического процесса. В критике пороков капитализма классовый подход стал заменяться у М. Фога абстрактным гуманизмом и так называемым «эти-

---

¹⁸ В результате продолжительной фракционной борьбы партийный аппарат перешел в руки фракции «Sumrep». Она и представляла партию на парламентских выборах 1971 г.

¹⁹ U. Schmiederer. Op. cit., S. 7, 173—174.

²⁰ Доктор медицинских наук. В годы оккупации — один из руководителей датского Совета свободы, в послевоенные годы временно примкнул к КПД. В начале 1960-х гг. входил в состав руководства СНП. С 1966 по 1972 г. — ректор Копенгагенского университета.

ческим социализмом». Значительное место заняли в то время и идеи антикоммунизма и антисоветизма.

Пока А. Ларсен еще был председателем КПД, он открыто не поддерживал М. Фога и даже робко возражал ему на страницах теоретического органа КПД — «Тиден»²¹. В своих последующих выступлениях против марксистско-ленинских сил в КПД, в ходе которых Ларсен призывал укрепить парламентские позиции партии принятием неоревизионистской концепции «национального коммунизма», он фактически сомкнулся с идеями М. Фога о «преобразованном неокapитализме», где государственно-монополистическое регулирование экономического процесса истолковывалось как доказательство возможности автоматического зарождения социализма. От претензий на единое «истинное» толкование К. Маркса Ларсен с годами эволюционировал в сторону очевидного искажения сущности марксизма-ленинизма. Например, социалистическое общество, по его мнению, не есть историческая необходимость, а попросту «лучшая организация общества»²².

В основу идейно-теоретической концепции СНП А. Ларсена были также положены и некоторые пацифистские традиции датского рабочего движения, которые использовались для абсолютизации борьбы СНП за одностороннее разоружение Дании и отделение этой задачи от международной кампании за мир и всеобщее разоружение²³. Отказавшись от принципов пролетарского интернационализма, Ларсен также добился включения в политическую концепцию СНП известных «идей» о сговоре двух сверхдержав.

Внутри СНП идеи М. Фога и А. Ларсена встретили некоторую критику, как справа — со стороны сил, впоследствии перешедших в ряды социал-демократии, из-за наличия якобы в СНП «балласта коммунизма», — так и со стороны левых в партии, которые, хотя и непоследовательно, но критиковали лидеров СНП за оппортунистическую линию. Открытые критические выступления удалось в партии, однако, временно приглушить принятием в 1963 г. обтекаемой, хотя и внутренне противоречивой компромиссной «Принципиальной программы», действующей поныне. В программе содержится весьма поверхностный и эклектический анализ современного мира с позиций надклассового гуманизма, прикрытого марксистской фразеологией. Имеется также абстрактно-схематический план постепенного вращивания капиталистической Дании в социализм.

---

²¹ О борьбе КПД против правых ревизионистов см.: «XX съезд КПД», М., 1959; В. Фуглсанг. Из истории рабочего и коммунистического движения в Дании. «Сканд. сб.» VI, Таллин, 1963, стр. 150—152.

²² А. Larsen. Valget..., s. 15, 60, 83.

²³ См.: I. Nørlund. Det Knager i samfundets fuger og bånd. København, 1966, s. 322.

Многие из этих элементов присутствовали в той или иной мере и в ряде заявлений датских «новых левых» начала и середины 1960-х гг. Однако «новые левые» тех времен сознательно отвергали марксистскую терминологию (за исключением, разумеется, программных заявлений группы маоистов, появившейся в 1964 г.). Это считалось, по их мнению, занятием классовой позиции, что, в свою очередь, не соответствовало установкам этих кругов. Как писал один из инициаторов кампании против атомного оружия К. Шарнберг, их борьба — это «нейтральное просветительство», «вопрос этики, а не классовой борьбы»²⁴.

Значительная часть участников этого движения начисто отвергала «любую идеологию», превратно ассоциируя ее с идеологией правящих кругов и считая, что она сковывает их самопроизвольную деятельность. Таким образом, эта наиболее расплывчатая часть «новых левых» в начале 1960-х гг. с позиций нигилизма противопоставляла себя всему обществу и не выработала сколько-нибудь целостной идейной концепции. Между тем в их аргументации были представлены мысли, получившие более последовательное выражение в выступлениях деятелей течения «культур-радикализма». Будучи разновидностью «новых левых», его приверженцы резко выступали на страницах печати против общественного конформизма и апатии. Подсознательно настроенные против капитализма «культур-радикалы», однако, сторонились активной политической борьбы и в основном пытались оживить в кругах творческой интеллигенции традиции прогрессивных деятелей датской культуры 1930-х гг., некогда выступавших против моральных ценностей буржуазного общества, против мещанства и викторианства в культурной жизни. Внутренняя противоречивость их концепции нашла выражение в тех двух пунктах, которые И. Фьор Енсен сформулировал в качестве кредо этого течения. С одной стороны, — это требование неограниченной свободы личности во имя гуманистического индивидуализма, но, с другой, — это и попытка утверждения в культуре и искусстве взгляда на человека как на социальное явление, как на частицу чего-то более общего, а отсюда — необходимость «солидарности» и «борьбы за улучшения социальных условий жизни»²⁵.

В датском парламенте СНП, между тем, оставалась единственной новой партией левого толка и до 1966 г. не была политически скомпрометирована открытыми соглашениями с «традиционными» партиями. Это обстоятельство, а также ее программная неоревизионистская концепция, содержащая идеи мелкобуржуазного гуманизма, пацифизма и морально-этические элементы, естественно, привлекли к себе ту часть «новых

---

²⁴ C. Scharnberg. Op. cit., s. 37.

²⁵ Ny-radikalisme. En antologi. København, 1965, s. 17.

левых», которая примерно со второй половины 1960-х гг. занялась поисками собственной политической платформы. Однако для многих из них пребывание в рядах СНП продлилось не долго. С превращением СНП в активную парламентскую опору социал-демократического правительства Е. О. Крага в 1966—1967 гг., а в дальнейшем в лояльного и прагматического участника парламентских сделок, все меньшее внимание в партии уделялось вопросам идеологии и культуры. Для «новых левых», среди которых к концу 1960-х гг. наметился значительный рост интереса к идеям научного социализма и к попыткам глубокого анализа капитализма, СНП уже не представляла собой притягательной силы.

Политический курс СНП и значительной части группировок «новых левых» как в начале, так и в конце 1960-х гг. сочетал в себе антикапиталистическую направленность с либерально-буржуазной критикой политической системы стран социализма. Неоднократно эта особенность оказывалась значительным препятствием на пути установления единства действий как с датскими коммунистами, так и с наиболее политически активными низовыми организациями профсоюзов. Однако эта общая для СНП и «новых левых» черта еще недостаточна для их политического отождествления.

В тактике и стратегии СНП с первых же лет существования партии неизменно абсолютизировалась борьба в парламенте и муниципальных советах, где предполагалось путем усиления «влияния на социал-демократию» добиться постепенного завоевания «реального соучастия в политике компромиссов» и принятия реформ, представляющих, по мнению СНП, путь к социализму. Эта концепция, выработанная М. Фогом и А. Ларсеном в первые годы существования партии, по сути своей не претерпела особых изменений и после притока в СНП значительной части «новых левых» в середине 1960-х годов. Влияние последних на содержание «Принципиальной программы» в основном касалось ее аналитической части, а вопросы тактики были выдержаны в соответствии с установками праворевионистских основоположников СНП. Таким образом, «новые левые» занимали в СНП как бы подчиненное, второстепенное положение (даже когда они на протяжении нескольких месяцев 1967 г. завоевали большинство мест в руководстве партии, их влияние на парламентскую фракцию во главе с А. Ларсеном осталось ограниченным). По словам одного из основателей партии ЛС К. Смита, характерной особенностью этих левых сил в СНП того периода было то, что «в их сознании доминировали внешнеполитические события, а проблемы революционного преобразования в Дании их не волновали»²⁶. Поэтому «новые левые» в СНП и вне ее главное внимание уделяли различным

²⁶ «Arbejderflertallet», København, 1969, s. 53.

антиимпериалистическим кампаниям. Например, в движении солидарности с Вьетнамом до 1969 г. именно «новые левые» составляли массовую базу. Однако лишь после того, как представители КПД и ряда профсоюзов возглавили это движение, оно приобрело подлинно массовый демократический характер. В это же время другая часть «новых левых» в меньшей мере участвовала в активной политической борьбе и продолжала линию, заложенную деятелями «культур-радикализма», занимаясь лишь отвлеченными идеологическими и этическими дискуссиями.

СНП сильно дискредитировала себя в глазах «новых левых», да и широких масс трудящихся из-за своей уступчивости правым лидером социал-демократии в период правительства «рабочего большинства» 1966—1967 гг. Ее бывшие критические выступления в этот период фактически были сведены на нет во имя лояльности правительству. В результате рассеялся миф о СНП как «обновителе датской политической жизни», на что претендовала партия²⁷. Если значительная часть трудящихся в конце 1960-х гг. отошла от СНП из-за ее неспособности выполнить свои обещания умеренных социальных и налоговых преобразований, то молодежь разочаровалась в партии прежде всего из-за того, что лидеры партии в этот период совсем не выдвигали своих прежних радикальных требований в области внешней политики. Показательно, что «Кампания против атомного оружия» «самораспустилась» в самом начале существования правительства «рабочего большинства», в частности, из-за убеждения в том, что СНП выдвинет в парламенте пацифистские требования²⁸. Однако лидеры СНП не только в парламенте нарушали свои принципы, но и вне парламента воздерживались от всякой инициативы по активизации левого движения. Не удивительно поэтому, что когда ларсеновцы осенью 1967 г. в условиях обострения экономического положения Дании так и не попытались изменить политику социал-демократического кабинета, дальнейшее пребывание в СНП стало неприемлемым для «новых левых». После раскола партии в декабре 1967 г. она лишилась свыше одной трети общего числа членов. Вышедшие из СНП люди (главным образом представители творческой интеллигенции, студенчества и пр.) создали партию ЛС, которую, в отличие от СНП, мы вправе характеризовать как первую серьезную попытку общенационального объединения леворадикальных течений в условиях Дании.

Противоречия между политическим курсом СНП и движением «новых левых» еще более усугубились в период «бунта молодежи», начало которому положили выступления студентов

²⁷ Подробнее о деятельности правительства «рабочего большинства» см.: «Проблемы мира и социализма». 1968, № 4, стр. 79—86.

²⁸ См.: K. Jørgensen. Op. cit., s. 122.

гуманитарных факультетов Копенгагенского университета в марте 1968 г. и которые совпали с подготовкой партии ЛС к своему первому съезду.

Таким образом, своей высшей точки деятельность «новых левых» достигла в 1968—1970-х гг., в условиях, когда Компартии Дании не удалось еще окончательно прорвать ту изоляцию, в которой она оказалась после раскола в 1958 г., и когда коммунисты еще не имели тесных связей со студенчеством и творческой интеллигенцией.

В то время как лидеры СНП все чаще, говоря о борьбе за социализм, вслед за идеологами правой социал-демократии заявляли, что необходима «борьба за избирателя» и что «воля народа лучше всего выражается не в ходе внепарламентских выступлений, а во время парламентских выборов»²⁹, «новые левые» подняли на щит идеи анархизма, неотроцкизма и маоизма. Участники студенческих выступлений энергично действовали на политической арене страны, некритически усваивая опыт майских событий в Париже 1968 г. Как и участники кампании против атомного оружия, они были озлоблены лишь отдельными сторонами государственно-монополистического капитализма и стихийно, с позиций индивидуализма, выступали прежде всего против дегуманизации и бюрократизации общества, против устаревшей системы образования.

Не имея опыта политической борьбы, эти силы использовали и враждебные марксизму-ленинизму идеи и со свойственной им нетерпимостью считали своей миссией «научить рабочих», как вести классовую борьбу. Однако в условиях активизации классовых боев на рубеже 1960—70-х гг., в ходе волны «диких» забастовок и борьбы против вовлечения Дании в «Общий рынок», обнаружились бессилие фразерства и самоизоляция разрозненных группировок «новых левых», в том числе и партии ЛС³⁰.

К началу 1960-х гг. движение «новых левых» после непродолжительного преклонения перед насильственными методами борьбы рассыпалось на мелкие, взаимно враждующие группы — от неотроцкистов-маоистов до религиозных сект — и настолько переродилось, что ныне, очевидно, к нему уже не подходит прежнее определение «новых левых». Нынешний спад активности этих сил совпадает со значительным укреплением позиций КПД как в профсоюзном движении, так и в молодежных и других демократических организациях. Одновременно некоторая часть «новых левых» делает серьезный вывод из развигия классовой борьбы в Дании и изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, которые ныне издаются в стране небывалыми тиражами. Если эти левые радикалы сразу не вступают в ком-

²⁹ См.: «Her og Nu», 1969, N. 6, s. 15; «Minavisen», 13. III. 1972.

³⁰ См. стр. 124—125.

партию, то либо входят в организации, поддерживающие политику КПД и Коммунистического союза молодежи Дании («Клартэ», «Коммунистискэ студентэр», «Коммунистискэ педагогэр» и др.), либо отказываются от прежнего антикоммунизма. Вместе с тем до сих пор актуальной задачей в Дании остается борьба против левого доктринерства, сохранившегося в названных выше мелких группировках.

Повторяем также, что абсолютизация народными социалистами парламентской деятельности не принесла обещанного «обновления» политической жизни Дании, а наоборот, на годы затянула процесс сближения левых сил. В то же время в самой СНП усиливаются признаки кризиса. С одной стороны, очевиден разрыв между чаяниями рядовых членов СНП и устремлениями ее лидеров, а с другой, — наличие внутренних противоречий в неоднородной массе самих рядовых членов СНП. Значительная часть профсоюзных активистов СНП открыто выступает в поддержку единства левых сил, но в партии еще сильны реформистские и антикоммунистические предрассудки.

Лишь серьезное поражение как СДПД, на которую СНП все время равнялась, так и самой СНП на парламентских выборах в декабре 1973 г.³¹ в значительной степени раскрыло несостоятельность всей прежней концепции СНП и поставило лидеров СНП перед необходимостью пересмотреть свое прежнее пассивное отношение к единству действий. Так, ведущий теоретик партии Г. Петерсен был вынужден признать ошибочность «отдельных положений теории ларсенизма», а ряд других деятелей СНП высказался в пользу установления контактов с коммунистами в профсоюзах. На коммунальных выборах 5 марта 1974 г. СНП и КПД совместно с партией ЛС в ряде городов страны впервые осуществили успешное сотрудничество³². Будущее, однако, покажет, являются ли нынешние колебания руководства СНП тактическим маневром или результатом серьезного осознания задач, стоящих перед левыми силами Дании.

³¹ Процент голосов, полученный на парламентских выборах:

	1971 г.	1973 г.
СДПД	37,3	25,7
СНП	9,1	6,0
ЛС	1,6	1,5
КПД	1,4	3,6

По: «Land og Folk», 6. XII. 1973.

³² Процент голосов, полученный на коммунальных (муниципальных) выборах:

	1970 г.	1974 г.
СДПД	42,9	33,2
СНП	3,5	4,4
ЛС	0,6	1,1
КПД	1,1	3,7

По: «Minavisen», 7. III. 1974.

TAANI SOTSIALISTLIK RAHVAPARTEI JA «UUED PAHEMPOOLSED»

A. CARLSEN

Resümee

Artiklis «Taani Sotsialistlik Rahvapartei ja «uued pahempoolsed»» antakse kahe poliitilise partei võrdlev analüüs. Nende tegevus avaldas mõju Taani 1960. aasta ja 1970. aasta alguse poliitikale. Kuigi Taani Sotsialistlik Rahvapartei ja «uued pahempoolsed» kerkisid esile ühel ja samal ajal ning nende ideelis-poliitilistes kontseptsioonides oli palju ühist, ei saa neid samastada. Kui «uued pahempoolsed» on mittepoletaarsete kihtide protestiliikumine, siis Taani Sotsialistliku Rahvapartei sotsiaalseks baasiks, s. o. elektoraadiks on põhiliselt töölised ja teenistujate alamkihid, parteid juhib aga intelligents.

Taani Sotsialistlikule Rahvaparteile ning «uutele pahempoolsetele» on iseloomulik, et nad püüdsid luua mingisugust alternatiivset organisatsioonilist mudelit kõigile olemasolevatele poliitilistele parteidele. Taani Sotsialistliku Rahvapartei poliitiline tegevus aitas aga kaasa faktilise võimu üleminekule parteis kongresside poolt valitud parteiorganeilt parlamendifraktsiooni kätte. Sellega piirati reaalkihte mõju partei poliitikale. Pärast pikaajalist deksentralismi printsiibi idealiseerimist on käesoleval ajal «uute pahempoolsete» heterogeenses liikumises marksismi tsentralismi printsiibi omaksvõtmise tunnustamist.

Taani Sotsialistliku Rahvapartei ja suurema osa «uute pahempoolsete» rühmituse ideoloogiliste aluste kõrvutamisel leiab kinnitamist marksismi-leninismi tuntud seisukoht pahempoolse ja parempoolse oportunismi sugulusest. Mõlemale on omane patsifism, «eetiline sotsialism» ning klassidest kõrgemal seisev humanism. Taani Sotsialistlik Rahvapartei püüdis kaua aastaid neid ideid pseudomarksistlike fraaside taha varjata, «uued pahempoolsed» loobusid aga täielikult marksismi tähtsuse tunnustamisest. Alles viimastel aastatel on osal neist märgata mõningast huvi kasvu teadusliku sotsialismi vastu.

Taani Sotsialistliku Rahvapartei parlamentarismi absolutiseerimise poliitika oli 1960. aastate algul meelt mööda ainult sellele osale «uutest pahempoolsetest», kes astusid välja Taani välispoliitika realistikuma kursi poolt.

Kuid Taani Sotsialistliku Rahvapartei lähenemisega sotsiaaldemokraatiale «uued pahempoolsed» eemaldusid neist. Neil aastail kerkis esile uus partei — «pahempoolsed sotsialistid».

Klassivastuolude teravnemise tingimustes 1970. aastate algul oli märgatav Taani Kommunistliku Partei tõus.

Sellises olukorras oli suur osa Taani Sotsialistliku Rahvapartei pooldajaid ning «uusi pahempoolseid» sunnitud muutma seniseid antikommunistlikke eelarvamusi ning tegema uuest olukorrast praktilised järeldused.

Kahe vaadeldud partei areng näitab, et Taanis on märgata varem väikekodanlike eelarvamuste mõjul poliitikast eemale jäänud linnaelanike keskkihtide ja osa töölisklassi üleminekut revolutsioonilise tööliikumise poolele. Nende edasiseist orientatsioonist onoleb Taani pahempoolsete jõudude põhiprobleemi — tegevusühtsuse tugevdamise lahendamine.

SF OG «DET NYE VENSTRE» I DANMARK

A. CARLSEN

Resümé

I artiklen «SF og «det nye venstre» i Danmark» gives en komparativ analyse af to politiske fænomener, som i 60-erne og 70-erne spillede en vis rolle i dansk politik. Til trods for at tidspunktet for SF's og «det nye

venstre»s opståen er nogenlunde ens, samt at der findes enkelte fælles træk i deres ide-politiske grundlag, ville det være forkert at fremstille dem som værende identiske.

«Det nye venstre»-bevægelsen består af repræsentanter for de ikke-proletariske lag. SF's massebasis, vælgerne, er derimod hovedsagelig arbejdere og lavere tjenestemænd. Partiets ledelse har dog altid været domineret af intellektuelle. For såvel SF som «det nye venstre» er det karakteristisk, at de begge startede med forsøg på at opbygge en alternativ organisatorisk struktur til alle eksisterende politiske partier. SF's politiske praksis medførte dog, at det ikke blev partiets, på kongresser valgte, ledende organer, men dets folketingsgruppe, der kom til at bestemme partiets politik. De menige SF-er fik derfor ringe politisk indflydelse i partiet. Efter at den brogede «nye venstre»-bevægelse i længere tid idealiserede de-centralistiske principper, går de fleste af dens resterende grupper nu ind for demokratisk centralisme.

Marxismen-leninismen påpeger, at højre- og «venstre»-opportunistens ideologi i sit væsen er beslægtet. I SF og i en væsentlig del af «nye-venstre»-gruppernes ide-teoretiske grundlag findes virkelig sådanne fælles ideer som pacifisme, «etisk socialisme» og abstrakt humanisme. Men hvor SF har forsøgt at tildække disse ideer med pseudo-marxistiske fraser, fornægtede «de nye venstre» i længere tid fuldstændigt marxismens rigtighed. Først i de seneste år er en betydelig del af «det nye venstre» begyndt at interessere sig for marxismen.

SF's politik, som hovedsagelig var lagt an på parlamentarisme, tiltrak sig kun i begyndelsen af 60-erne de «nye venstre»s sympati. Det drejede sig først og fremmest om de grupper, som krævede en mere realistisk dansk udenrigspolitik. Men efter at SF politisk mere og mere tilnærmede sig socialdemokratiet, opstod der en kløft mellem SF og «det nye venstre», som bl. a. førte til dannelsen af partiet Venstresocialisterne.

Styrkelsen af DKP's stilling i en situation, da klassemodsætningerne i begyndelsen af 70-erne skærpedes, har stillet SF og «det nye venstre» over for nødvendigheden af at revidere deres antikommunistiske fordomme og drage alvorlige praktiske konklusioner af den nye situation.

De to nævnte fænomeners evolution viser, at der i Danmark spores en vis tendens til, at dele af mellemlagene samt dele af arbejderklassen, der tidligere ikke har deltaget i politisk arbejde, mere og mere nærmer sig de revolutionære kræfter i Danmark. Løsningen af nøgleproblemet for danske venstrekræfter: styrkelsen af enhedsbestræbelserne, står i snæver forbindelse med de nævnte sociale lags videre udvikling.

III. АРХЕОЛОГИЯ

ОСЕБЕРГСКАЯ ОБУВЬ

(Опыт исторического исследования)

Осебергский курган, расположенный на территории городского парка столицы Норвегии Осло, был раскопан еще в 1904 г. Под насыпью кургана обнаружили остов деревянного корабля, кости лошадей и собак, а также богатейший комплекс находок. Однако главная, «священная», погребальная камера оказалась разрушенной и разграбленной¹.

Первую попытку определить историческую личность погребенной в кургане сделал А. Брегер, который высказал предположение, что в корабле могла быть похоронена королева Оса — мать норвежского конунга Хальвдана Черного, бабка Харальда Прекрасноволосого. Но исследователь признал, что неопровержимыми доказательствами он не располагает².

Г. Гьессинг же отверг связь Осеберга с именем Осы. Основанием для своих выводов он считает отсутствие тесной связи Осы с родом ее мужа, в то время как бытовые предметы из кургана выполнены в вестфолдской родовой художественной традиции³.

Археологические находки (повозка, сани, кровати, бытовая утварь, ткацкие станки, богато украшенные резьбой по дереву и росписью) всесторонне характеризуют эпоху, ее быт, искусство и, кроме того, свидетельствуют о высоком социальном положении и богатстве погребенных.

Документальную информацию об Осеберге мог бы дать анализ вещей из погребальной камеры, но после разграбления сохранились лишь два человеческих черепа и несколько костей, да еще фрагменты кожаных изделий. Медицинская экспертиза установила, что в камере были похоронены две женщины: пожилая (40—50 лет), страдавшая артритом, и молодая (18—20

¹ Osebergfundet, Bd I, Kristiania, 1917; Bd. II. Oslo, 1928.

² A. W. Brøgger. Borrefundet og Vestfoldkongernes graver. Kristiania, 1916, s. 50.

³ G. Gjessing. Hesten i førhistorisk kunst og kultur. Viking, VII, Oslo, 1943, s. 105.

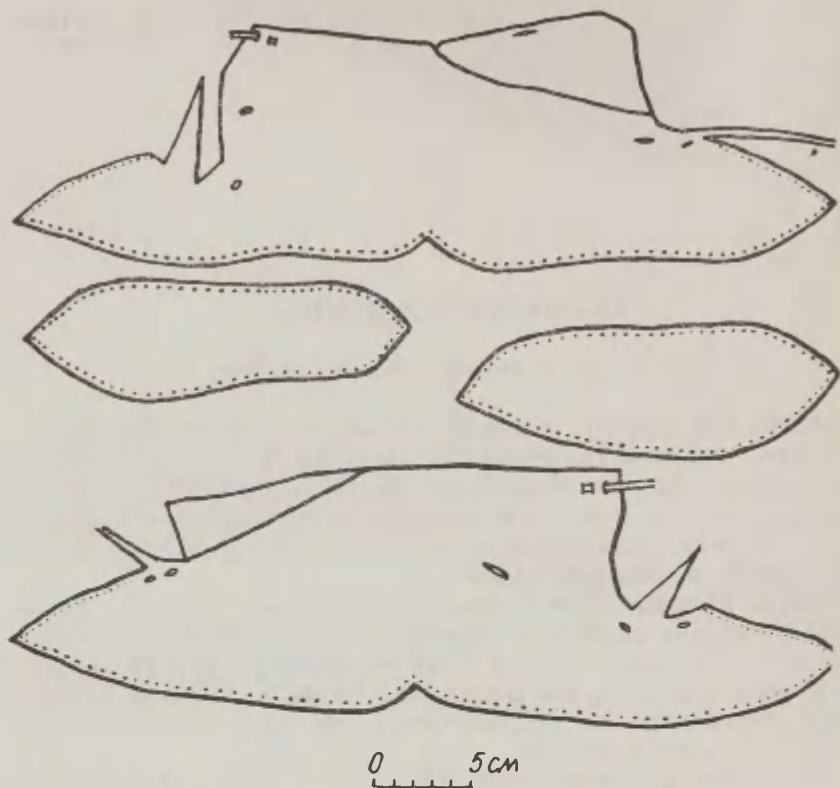

Рис. 1. Комплекс № 304 (тип 1-а).

лет). По наблюдению дантиста, молодая женщина при жизни пользовалась зубочисткой. Среди фрагментов кожаных изделий выделены три пары башмаков. Одна пара сохранилась полностью, так как лежала в берестяной коробке, две другие сохранились частично. Это дает нам право сделать первый вывод: из вещевых находок обувь имеет прямое отношение к определению личностей женщин, погребенных в Осеберге.

Осебергские башмаки неоднократно привлекали внимание исследователей, но самая полная и всесторонняя публикация принадлежит Шарлотте Блиндхейм. Благодаря чертежам деталей, реконструкциям и фотографиям обуви, помещенным в ее статье, появилась возможность провести глубокий анализ этого важного источника ⁴.

⁴ Ch. Blindheim. Osebergskoene på ny. Viking, XXIII, Oslo, 1959, S. 71—86.

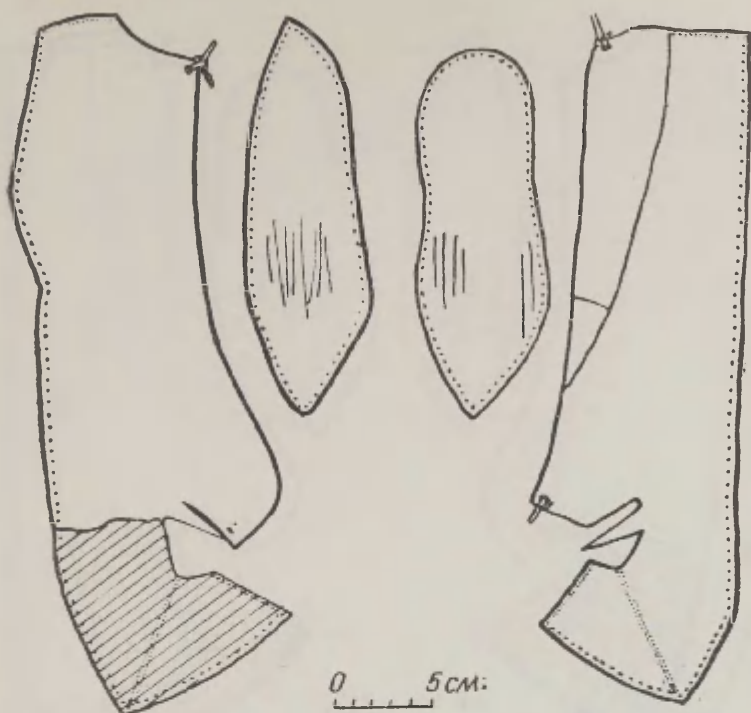

Рис. 2. Комплекс № 172 (правый — типа I-с, левый — типа II-с).

Типологический метод исследования массовых археологических коллекций кожаной обуви базируется на сравнительном технологическом анализе, выявляя закономерности развития конструкций форм обуви, их общность и многообразие. Выработанная на базе этого метода схема служит основой для использования археологического источника в качестве источника исторического. Главные положения типологического метода исследования опубликованы нами ранее⁵.

По общим технологическим показателям все три пары осебергских башмаков относятся к мягкой, двухчастной, подошвенной кожаной обуви, но каждая пара в то же время имеет свои конструктивные особенности.

Пара башмаков (комплекс № 304), найденных в берестяной коробке, имеет подошву с удлиненной пяточной частью и верх с соответственным конструктивным вырезом на заднике. Заготовка верха сшивалась спереди, вдоль носка. По нашей типо-

⁵ Е. И. Оятева. К методике изучения древней кожаной обуви. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, Л., 1973, вып. 15, стр. 105—111.

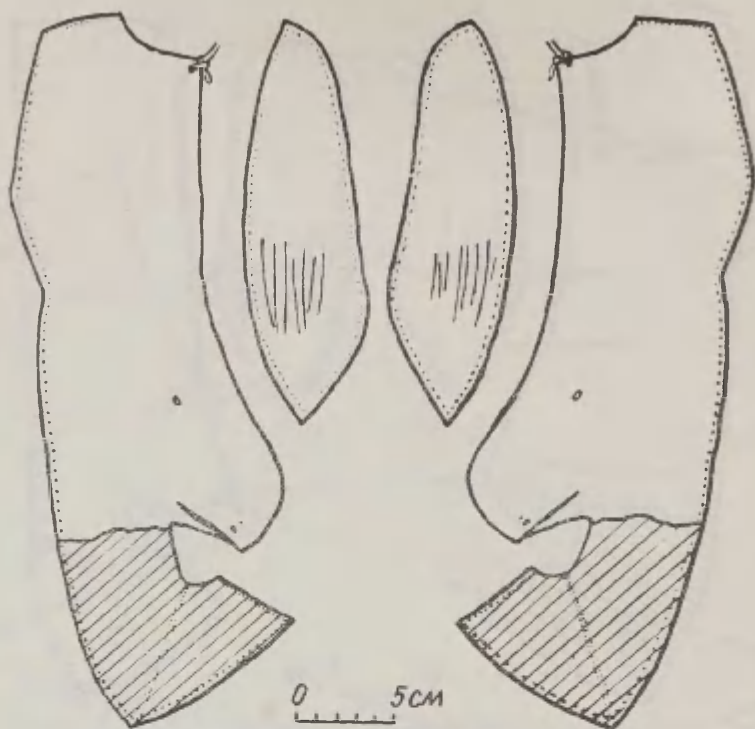

Рис. 3. Реконструкция пары башмаков типа I-с.

логической схеме эту пару башмаков относим к условному типу 1-а (рис. 1).

Правый башмак (комплекса № 172), сохранившийся частично, также имеет подошву с удлиненной пяточной частью и конструктивный вырез на заднике заготовки верха, однако шов на нем расположен не спереди, а сбоку. Этот башмак относим к типу 1-с.

Левый башмак (комплекса № 172), сохранившийся полностью, имеет подошву не с удлиненной, а с округлой пяткой. Заготовка верха с прямым срезом на заднике и со швом сбоку. Этот башмак относим к типу П-с (рис. 2).

Конструктивное несоответствие правого и левого башмаков в комплексе № 172 дает основание для расчленения этого комплекса на две самостоятельные пары⁶. Таким образом, три

⁶ О конструктивном несоответствии башмаков этого комплекса уже писали (Е. И. Ояева. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы. АСГЭ, Л., 1971, вып. 13, стр. 111—112; M. Hald. Primitive shoe. Copenhagen, 1972, p. 112—114, fig. 145—147). Ш. Блиндхейм также была смущена различными контурами подошв, но она объяснила это явление ортопедической необходимостью.

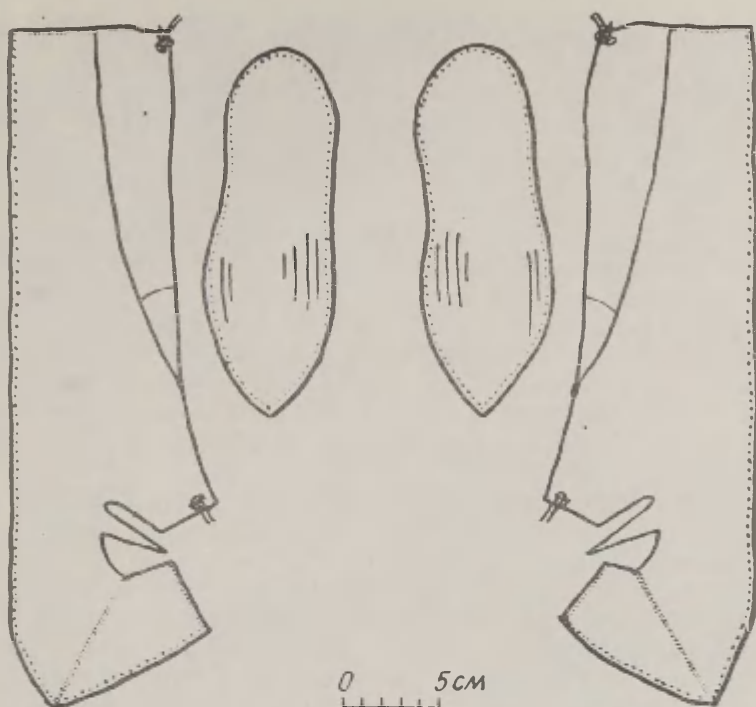

Рис. 4. Реконструкция пары башмаков типа II-с.

пары осебергских башмаков определим условными типами: I-а, I-с, II-с (рис. 3—4). Это служит основанием для второго вывода: в кургане были похоронены две женщины с тремя разнотипными парами обуви. Данный вывод содержит два взаимосвязанных вопроса: во-первых, почему похоронены две женщины, а башмаков положено три пары; во-вторых, почему все три пары разнотипны? Ясно одно: одна из женщин владела двумя парами обуви.

Шарлотта Блиндхейм к разрешению первого вопроса подошла с позиции социального неравенства: две пары могут принадлежать женщине высокого ранга — королеве. Причем одну пару (№ 172) она считает «парадной», так как башмаки изготовлены из тонкой, «перчаточной» кожи, в отличие от другой пары (№ 304) — «домашней», выполненной из более грубой кожи.

Что касается второго вопроса, то Шарлотта Блиндхейм оба комплекса относит к единому «общенорвежскому типу», основным признаком которого считает подошву с удлиненной пяточной частью.

Конечно, королева достаточно богата, чтобы иметь несколько пар обуви, но по каким признакам одни башмаки считать домашними, другие — парадными? Ведь определить качество выделки кожи почти невозможно. К тому же многие исследователи, в том числе и Блиндхейм, принимают кожу, расслоившуюся из-за недостатков при дублировании, за тонкую, «перчаточную», высокого качества.

О существовании же «общенорвежского типа» обуви говорить не приходится. Во-первых, осебергские башмаки представлены не одним, а тремя различными технологическими типами; во-вторых, Норвегия в начале IX в. не представляла собою ни политического, ни экономического, ни этнического единства. Только внук королевы Осы, Харальд Прекрасноволосый, сделал попытку объединения под своей властью около двух десятков фолдов. Очевидно, аргументы Шарлотты Блиндхейм не выдерживают критики.

Типологический метод также не может решить вопрос прямолинейно, ибо типологическая схема отражает закономерности сложения и развития типов обуви, но не определяет характера связи между людьми, носившими однотипную обувь.

Решение этой проблемы должно базироваться не на одних только археологических данных. Необходимо комплексное исследование с привлечением смежных наук: этнографии, истории и лингвистики. В результате именно такого комплексного исследования мы и пришли к заключению, что только члены одного рода (одной тотемной группы) имели право носить однотипную обувь.

Одним из решающих аргументов в пользу сказанного является зафиксированный в древненорвежских судебных книгах XIII в. Гулатинг и Фростатинг издревле существовавший традиционный обряд «введения в род». Не вдаваясь здесь в подробный анализ текста статьи судебного книжника, что является темой особого изучения, подчеркнем основное содержание обряда⁷. Обряд этот выражался в обязательном вступлении вводимого в род незаконного сына в специально изготовленный, определенной конструкции, ритуальный башмак. Лишь после вступления в башмак незаконный сын становился полноправным членом усыновившего его рода и получал право носить такую же обувь, что и все остальные члены отцовского рода. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, так как это значит, что незаконнорожденный до того носил обувь иного типа: такого, который был присущ роду его матери.

Вступив в башмак, незаконный сын получал статус и обувь отцовского рода, но тем не менее назывался не сыном, а *свод-*

⁷ Gulathings-Lov, 58; Frostathings-Lov, IX. 1. Norge gamle Love. I. Christiania, 1846. Статья, посвященная анализу обряда «введения в род», сдана автором в очередной выпуск АСГЭ.

ным сыном, сводным братом, сводным дядей и т. д. В современных языках народов германской группы терминология сводного родства отражает главное обрядовое действие: вступление в ритуальный башмак (на след). Причем каждому роду свойственна своя конструкция башмаков, как ритуальных, так и повседневных. В норвежском языке сводный сын — *stesønn*, в английском — *stepson*, в датском — *stedsøn* или *stifson*, в исландском — *stjúpsonur*, в шведском — *styvson*, в немецком — *stiefsohn*. Следовательно, у всех народов германской группы языков бытовал обряд «введения в род».

На основании вышеизложенного приходим к третьему выводу: три пары осебергских башмаков являются не только тремя различными технологическими типами, но и тремя различными родовыми формами.

В Осеберге одна из женщин владела двумя парами разнотипной обуви, что дает нам основание заключить, что она в силу каких-то обстоятельств имела отношение к двум родам. Переход женщин из рода в род связан с брачным обрядом, когда муж откупал жену за мунд у ее родичей и вводил в свой род. По традиции вплоть до настоящего времени у многих народов жена получает в числе свадебных подарков от мужа новые башмаки — знак включения ее в род мужа. Законная, откупленная за мунд жена имела право носить обувь рода мужа, тогда как неоткупленная такого права не имела.

Знатная женщина, погребенная в Осеберге, не была откуплена за мунд, о чем свидетельствуют две пары разнотипной обуви. Причем хоронили ее в обуви формы отцовского рода, к которому она принадлежала по праву, а положенные в берестяную коробку башмаки типа I-а были родовой формы ее мужа.

Самый трудный вопрос заключается в том, как отличить те башмаки, которые входили в погребальный комплекс одежды этой женщины. Ими могли быть башмаки как типа I-с, так и типа II-с. Однако если ей принадлежали башмаки типа I-а и типа I-с, то такое сочетание свидетельствует о родственных отношениях в рамках соплеменности, ибо башмаки типа I-с сегментированы от типа I-а.

В том же случае, если сочетались башмаки типа I-а и типа II-с, то нельзя говорить не только о родственности, но и о соплеменности. Мы не располагаем конкретными данными, чтобы сделать окончательный выбор из этих двух вариантов. На том археологическое исследование могло бы быть закончено, но Осеберг тем и привлекателен, что позволяет проверить и довести до логического завершения наш опыт.

Биографические данные об Осе из саг весьма скупы: известно лишь, что она — дочь конунга фолда Агдер. Отец Осы — Хальвдан Рыжебородый происходил из одного из знаменитей-

ших норвежских родов, рода Хильдингов. Но Оса была опозорена, похищена, а не откуплена за мунд Гудредом. Гудред Охотник — конунг Вестфолда, принадлежал к знатнейшему роду Инглингов, давшему конунгов Норвегии и Швеции. Оса не простила Гудреду своего позора и убила его, когда он был в похмелье после пира⁸.

На основании сопоставления археологических и исторических данных приходим к четвертому выводу: в Осеберге действительно похоронена королева Оса, которая, несмотря на знатность происхождения, не была законной женой, а наложницей Гудреда Охотника из рода Инглингов.

Именно Осе принадлежали две пары разнотипных башмаков, причем те, которые лежали в берестяной коробке, типа I-а, представляют родовую форму Инглингов. Оса и Гудред происходят не только из разных родов, но и племен, следовательно, на ногах у Осы должны были быть надеты башмаки типа II-с, т. е. родовой формы Хильдингов.

Вторая женщина из Осеберга неизвестна. Тем не менее она также знатного происхождения: во-первых, потому что пользовалась при жизни зубочисткой, как это было принято у средневековой знати; во-вторых, потому что была похоронена вместе с Осой в «священной камере»; в-третьих, судя по ее башмакам типа I-с, приходилась родственницей, соплеменницей Гудреда.

Шарлотта Блиндхейм определила роль этой молодой женщины в качестве ближайшей подруги, советницы, наперсницы королевы Осы. И действительно, ее образ созвучен образу валькирии Фуллы. Фулла — дева. «Она ходит с распущенными волосами, и на голове у нее золотая повязка. Она носит ларец Фригг и хранит ее обувь, и ей ведомы сокровенные помыслы Фригг»⁹.

Таким образом на примере осебергского погребения мы имеем цепочку сопоставимых и взаимопроверяемых фактов, которые позволяют отождествить захоронение с исторической личностью. Последнее стало возможно только благодаря комплексному методу исследования.

---

⁸ Norske Biografisk Leksikon, Bd., V. Oslo, 1931, s. 62. Отсутствие документальных данных о последних годах жизни и обстоятельствах смерти Осы вряд ли компенсирует роман Kåre Holt «Farvel til en kvinne» (Oslo, 1972).

⁹ Младшая Эдда. Л., 1970, стр. 33.

OSEBERGI JALANÕUD (AJALOOLISE UURIMISE KATSE)

E. OJATEVA

Resümee

Töö on pühendatud Osebergi kalmest leitud nahast jalanõude jäänuste uurimisele. Sellesse kääpasse maetud kahele naisele kuulus kolm paari tehnoloogiliselt eritüübilisi kingi. Kompleksne uurimismeetod näitas, et ühe sugukonna liikmed kandsid sama tüüpi jalanõusid. Kahe eritüübilise olemasolu ühel naistest, järelikult ka kahe suguharu saabaste tüübi olemasolu, tulenes tema õiguslikust seisundist. Arheoloogiliste ja ajalooliste andmete kõrvutamise tulemusena leiab kinnitamist kuninganna Åsa matmise fakt Åsebergis, samuti õnnestus määrata kindlaks hildingite ja inglingite sugukonna jalanõude kuju.

ÅSEBERGSSKORNA (FÖRSÖK TILL HISTORISK UTFORSKNING)

E. OJATEVA

Resumé

Arbetet är tillägnat utforskningen av kvarlämnorna efter läderskor, som upptäckts i Åseberg-graven. Tre par tekniskt sett olikartade kängor tillhörde två kvinnor, begravda i denna gravhög. En allsidig forskningsmetod visade, att medlemmarna av en ätt bar skor av samma typ. Förefintligheten hos en kvinna av två olikartade och följaktligen tillhörande olika ätter, skor betecknade hennes speciella rättsliga ställning. Efter jämförelser av arkeologiska och historiska data bekräftas faktum om drottning Åsas grav i Åseberg och man kan också fastställa Hildingaättens och Yngligaättens olika skoformer.

БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ ГНЁЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В археологической литературе по Гнёздову до сих пор не уделяли должного внимания большим курганам могильника. Эти немногочисленные курганы представляют чрезвычайно ценный источник для воссоздания не только этнической, но и, главным образом, социальной истории древнего Гнёздова. Термин «большие гнёздовские курганы» получает свой конкретный смысл только при сопоставлении этих курганов с малыми в каждой данной топографической ситуации и определяет различие между ними не только по величине, но и по характеру погребального обряда.

По существу все большие курганы Гнёздова раскопаны в дореволюционное время весьма несовершенной методикой (колодец, узкая или широкая траншея). Реконструкция устройства курганов потребовала предварительного критического анализа всех имеющихся источников¹. Ниже приводятся краткие описания этих курганов с учетом проделанного анализа. Состав вещевых комплексов, не нуждающийся в серьезных поправках, хорошо известен по публикациям, и поэтому нет необходимости повторять его в полном объеме.

Большие курганы сосредоточены в Центральной и Олышанской группах, а также в группе Сергеева². В Центральной группе к ним относятся: курган 20, частично раскопанный В. И. Сизовым в 1885 г.³, курганы 7 и 16, исследованные С. И. Сергеевым в 1900 г.⁴. О четвертом большом кургане в этой группе имеются краткие сведения в записях С. И. Сергеева и А. Н. Лявдан-

¹ Методика такого анализа изложена в статье Б. А. Рыбакова «Древности Чернигова» (Материалы и исследования по археологии СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 24—34).

² Группа Сергеева — цепь курганов, находящихся между Олышанской и Центральной группами. Название дано по имени первого исследователя этих курганов.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Материалы по археологии России. № 28, СПб., 1902, стр. 8—11.

⁴ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1900 г., д. 17; А. А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Известия археологической комиссии, вып. 15, СПб., 1905, стр. 44—45, 46—48.

ского⁵. В группе Сергеева большой курган (№ 18) находится в ее центре и раскопан С. И. Сергеевым в 1901 г.⁶ В Ольшанской группе — три больших кургана: № 23, исследованный И. С. Абрамовым в 1905 г.⁷, № 24, раскопанный частично сначала В. И. Сизовым в 1896 г., затем И. С. Абрамовым в 1905 г. (у обоих курган значится под одним и тем же номером — 24)⁸. В 1950 г. этот курган был доследован Д. А. Авдусиным (Оль 1)⁹. О раскопках третьего большого кургана не удалось найти никаких сведений.

Курган 20. Высота — около 9 м, диаметр — 35 м, форма — коническая, с закругленной, немного плосковатой вершиной. Насыпь окружена рвом с перемычкой-входом с южной стороны. В пределах узкой траншеи обнаружено аккуратно сложенное над костями барана оружие и воинские доспехи и, очевидно, незначительная часть кострища. Уровень сожжения расположен, по наблюдению В. И. Сизова, «немногим более 2 метров над поверхностью земли».

Курган 16. Высота — 2,9 м, поперечник основания — 38 м, площадки на вершине — 32 м. Форма — шаровой слой с плоской вершиной. Насыпь окружена рвом шириной 7,5 м, глубиной чуть более 2 м, прерванным в юго-западной части перемычкой-входом шириной 8,5 м. Уровень сожжения, по всей вероятности, находился выше подошвы насыпи приблизительно на 0,5 м. Кострище имело подтреугольную форму, обращенную основанием на юго-запад. Длина его 10,5 м, ширина в основании также 10,5 м. На кострище и рядом с ним с западной и северо-западной стороны обнаружены кости животных, частью в пережженном, частью в обычном состоянии — лошади, птицы, коровы, свиньи, овцы. Рядом с кострищем найден котел с костями и черепом козла. На котле лежал нож. Рядом с котлом — глиняная урна. Неясным остается расположение камней с южной и западной стороны кострища. Пережженные кос-

⁵ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1900 г., д. 17; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев. Вып 1, Смоленск, 1924, стр. 131.

⁶ Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1, 1901 г., д. 7; А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 50—51.

⁷ Архив ЛОИА АН СССР, Ф. 1, 1905 г., д. 54; А. С[пицын]. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 190—191.

⁸ Архив ЛОИА АН СССР. ф. 1, 1896 г., д. 69; В. И. Сизов Указ. соч., стр. 33; Архив ЛОИА АН СССР. ф. 1, 1905 г., д. 54; А. С[пицын]. Отчет о раскопках... , стр. 191—192.

⁹ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области (далее — МИСО), вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 169—174; *его же*. Полевая археология СССР. М., 1972, стр. 50, рис. 4. Д. А. Авдусин ошибается, отождествляя этот курган с курганом № 23 раскопок И. С. Абрамова (Д. А. Авдусин. Гнёздово и днепровский путь. В сб.: «Новое в археологии». М., 1972, стр. 167).

ти и вещи сосредоточены главным образом в северо-восточной части кострища.

Курган 7. Высота — 1,8 м, поперечник основания — 27,5 м, диаметр площадки на вершине — 25,5 м. Форма — шаровой слой с плоским верхом. Вокруг кургана — ров. Южная часть насыпи срезана траншеей балластного карьера. Горизонт сожжения находился выше основания насыпи на 0,7—0,8 м. Кострище имело вытянутые очертания, длиною с севера на юг 17 м, шириною — 10,5 м. В северо-западной части кострища на его краю найден котел с костями барана. Рядом с котлом — три глиняные урны. На кострище найдены кости птицы и зуб лошади. Пережженные кости и вещи сосредоточены в северной половине кострища, главным образом около урн и котла.

Анализ и сопоставление данных С. И. Сергеева, А. Н. Лявданского, в какой-то мере В. И. Сизова, и других дореволюционных исследователей дают возможность судить еще об одном большом кургане, расположенном к западу от кургана 16. Его высота — более 4 м, нижний диаметр — 34 м, диаметр площадки на вершине — 25,6 м. Форма — шаровой слой с плоским верхом. Насыпь окружена рвом шириной 7,5 м, глубиной более 2 м, прерванным в южной части перемычкой-входом. Курган раскопан колодцем до 1898 г. Есть серьезные основания предполагать, что в этом кургане был найден котел с головой животного (козла или барана).

Курган 18. Высота — около 5,5 м, диаметр основания — 25,5 м. Вершина кургана представляла площадку поперечником 8,5 м. Вокруг кургана — ров, прерванный, возможно, с западной стороны перемычкой-входом. Уровень сожжения находился выше подошвы кургана приблизительно на 1 м. Кострище имело вытянутые в направлении с запада на восток очертания и размеры — 23,5×12,8 м. Скопление остатков сожжения (среди них глиняная урна, оружие и доспехи) — в западной части кострища. Несколько в стороне от них — кости барана и собаки.

Курган 24 - Оль 1. Высота кургана — 7—8 м, диаметр основания — 30—35 м. Форма — полусферическая. Вокруг кургана — ров, шириной до 7 м и глубиной 0,6 м. В западной части рва — перемычка-вход шириной с севера на юг 4 или 6 м. От основания насыпи расходятся радиально еще семь неглубоких выемок, — возможно, также ровиков. Уровень сожжения расположен выше подошвы в среднем на 1—1,2 м. На этом уровне отмечено зольное пятно, в центре которого находился угольный слой, идущий широкой полосой с северо-востока на юго-запад. Длина полосы — около 16 м, ширина — до 8 м. В пределах кострища обнаружены три глиняные урны и котел с остатками сожжения, кусками кольчуги и костями

рыбы. Рядом с котлом с западной стороны найдены кости птицы и барана (череп), а с северной — плоский камень. На погребальной площадке найдены остатки хвойных веток. Подошва кургана покрыта легким зольным слоем, а глинистая почва под ней оказалась слегка обожженной.

Курган 23. Высота — около 3 м, диаметр — около 30 м. Форма насыпи — полусферическая. Курган окружен рвом, прерванным с западной стороны перемычкой-входом, шириной, по одним данным, чуть более 9 м, по другим — 2 м. Погребальная площадка располагалась выше подошвы кургана на 1,8 м. Предположительные размеры кострища: длина с запада на восток — около 11 м, ширина с севера на юг — около 8 м. Скопление остатков сожжения отмечено в западной части кострища. Здесь найдены две урны; рядом — котел с остатками сожжения и кусками сосуда. Около котла — кости курицы, барана, быка (?) и собаки.

Реконструкция погребального обряда больших гнёздовских курганов требует предварительного анализа некоторых результатов раскопок и наблюдений.

В основании кургана 24-Оль 1, раскопанного «на снос», зафиксирован легкий зольный слой, оставшийся, вероятно, от выжигания здесь растительности. Нечто подобное отмечено в кургане 23. В остальных случаях насыпь ниже уровня погребения оставалась неразобранной. Все же можно предположить наличие такого слоя в других больших курганах.

Нет сомнения, что земля из ровика использовалась для сооружения насыпи кургана. Покрывалась ли вся потребность в земле для насыпи исключительно за счет рва или только отчасти, — вопрос, который еще предстоит уточнить¹⁰. Во всяком случае объема рва для подсыпки было вполне достаточно. Это значит, что к моменту завершения работ по сооружению подсыпки она оказывалась отделенной от окружающего пространства довольно широким рвом (7—7,5 м). Единственным входом на погребальную площадку являлась перемычка, очевидно, специально оставленная для этих целей. По этой перемычке-входу проходили организаторы и участники погребальной церемонии для совершения всех необходимых действий.

Что представляла собой сгоревшая на погребальной площадке конструкция? Форма кострища, в тех случаях, когда она фиксируется с большей или меньшей точностью, имеет вытянутые (7, 18, 24-Оль 1) или подтреугольные (16) очертания. Среди прочих вещей в больших курганах найдены многочисленные ладейные железные заклепки величиной в среднем от 2 до 6,5 см. В исследованной части кургана 20 их найдено 19 штук,

---

¹⁰ Д.А. Авдусин. Ровики славянских курганов. В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969, стр. 12.

в кургане 16 — 234, в кургане 7 — два десятка целых и обломки, в кургане 18 — более 50, в кургане 24-Оль 1 — не менее 200. Оба факта могут быть объяснены тем, что на погребальной площадке к моменту сожжения находилась ладья или ее часть (16). Исключение составляет курган 23, в котором заклепок не найдено. Кострище имеет овальные очертания (11×8 м). По-видимому, сожжение здесь производилось так же, как и в малых гнёздовских курганах.

Ориентировка ладьи на погребальной площадке соответствует направлению перемычки-всхода. Это особенно наглядно видно в курганах 16 и 24-Оль 1. В кургане 7 перемычка вовсе не отмечена (южная часть кургана уничтожена траншеей). В больших курганах Центральной группы перемычка расположена либо в южной части (20 и курган к западу от 16), либо в юго-западной части (16). Вполне допустимо, что перемычка в кургане 7 находилась с южной стороны в соответствии с меридиональной ориентировкой кострища и, следовательно, ладьи, но впоследствии была разрушена. Рассуждая таким же образом, можно предположить, что ладья кургана 20 также была ориентирована по линии север-юг. Расположение перемычки в кургане 18 точно не указано. Все ближайшие к нему большие Ольшанские курганы (24-Оль 1, 23, курган на западной окраине группы) имеют перемычки с западной стороны и соответствующую этому ориентировку кострища. То же расположение перемычки в кургане 18 вполне допустимо. Таким образом, положение ладьи на погребальной площадке оставалось тем же, каким оно было при ее внесении по перемычке-всходу.

О количестве человеческих погребений в больших курганах можно судить исключительно по характерным наборам вещей. Так, наличие оружия, воинского облачения, деталей женского костюма и украшений в их различных комбинациях делает правдоподобным вывод о том, что в курганах 20, 18, 24-Оль 1, 23 погребения являются парными, т. е. мужскими и женскими. Сложнее определить количество и пол погребенных в курганах 7 и 16. В обоих курганах наиболее полно представлены вещи, относящиеся к «женскому комплексу». В кургане 7 — бусы, овальная фибула, нагрудные цепи, различные подвески, шиферные пряслица, иглы. Пять фибул скандинавского образца (четыре овальные и одна круглая) были найдены Сергеевым в кургане 16. Очевидно, к тому же погребению относятся две трехлепестковые фибулы, найденные много позднее в осыпи кургана 16¹¹. Если так, то все эти фибулы представляют два комплекта женского костюма скандинавского типа. «Мужской комплекс» в том и другом случае крайне невыразителен для погребения

¹¹ А. Н. Лявданский. Указ. соч., стр. 131.

в большом кургане. Еще А. А. Спицын поставил под сомнение наличие мужских погребений в этих курганах¹². Таким образом, вопрос о том, были ли погребения в курганах 7 и 16 парными — мужскими и женскими — или только женскими, остается открытым, хотя второе решение, на мой взгляд, более вероятно.

Расположение трупа в пределах ладьи достаточно точно определяется по месту скопления на кострище остатков сожжения. Этим местом является: в кургане 16 — северо-восточная часть кострища, в кургане 7 — северная половина кострища, в курганах 18 и 23 — западная часть кострища, т. е. есть основание считать, что труп помещали в одном из концов ладьи или деревянной конструкции. В этом случае ориентировка покойного была следующей: курган 16 — головой на северо-восток, курган 7 — на север, курганы 18 и 23 — на запад.

Большая часть вещей, в том числе и оружие, сильно пострадала от огня погребального костра. Внутри шлемов (18 и 20) обнаружены черепные косточки, прикипевшие к металлу. По видимому, мужской труп к моменту сожжения был облачен в воинские доспехи и снабжен оружием. После сожжения оружие и доспехи извлекали из кострища и особым образом группировали. Так, в кургане 18 рядом с урной уложили кольчугу. Затем здесь же глубоко в землю воткнули меч, копье, скрамасакс и концы оружия, торчащие из земли, плотно накрыли шлемом. В кургане 20 все оружие (шлем, кольчуга, меч, копье) вынесено за пределы кострища и компактно сложено над тушей барана на небольшой площадке, ограниченной валунами. Все это накрыто щитом, поверх которого насыпали песок, а сверху положили еще один щит. В кургане 24-Оль 1 куски кольчуги поместили в котел, а поверх ее положили рыбу.

В то же время на погребальную площадку к имеющимся уже предметам могли добавлять другие, не бывавшие на погребальном костре.

Церемония жертвоприношения в большинстве случаев происходила также после акта сожжения. Среди жертвенных животных центральное место бесспорно отводили барану или козлу. Заклание производили здесь же на погребальной площадке. В этой связи весьма интересной является находка плоского камня (жертвенника?) в кургане 23 рядом с урнами и костями животных, в том числе барана. После заклания жертвенный нож могли оставлять на погребальной площадке: в кургане 16 его положили сверху на котел с остатками козла. Кости барана или козла укладывали в металлический котел (7 и 16) или рядом с ним (24-Оль 1, 23). Котел, очевидно, предварительно обертывали шкурой убитого животного или устанавли-

---

¹² А. А. Спицын. Гнёздовские курганы... , стр. 11, 45, 48.

вали на подстилке из шкуры (7, 24-Оль 1, 23). В иных случаях (20, 18?) тушу барана или ее части помещали среди остатков сожжения на блюде. Другие жертвенные животные: овца, лошадь, птица, корова, свинья (16), курица (?), лошадь (?) — (7), собака — (18), птица, рыба — (24-Оль 1), курица, собака, бык (?) — (23).

Ряд церемониальных действий на погребальной площадке не удается расшифровать столь же отчетливо. К ним относятся укладка камней (16) и использование хвойных веток, по-видимому, для окончательного «оформления» площадки (24-Оль 1).

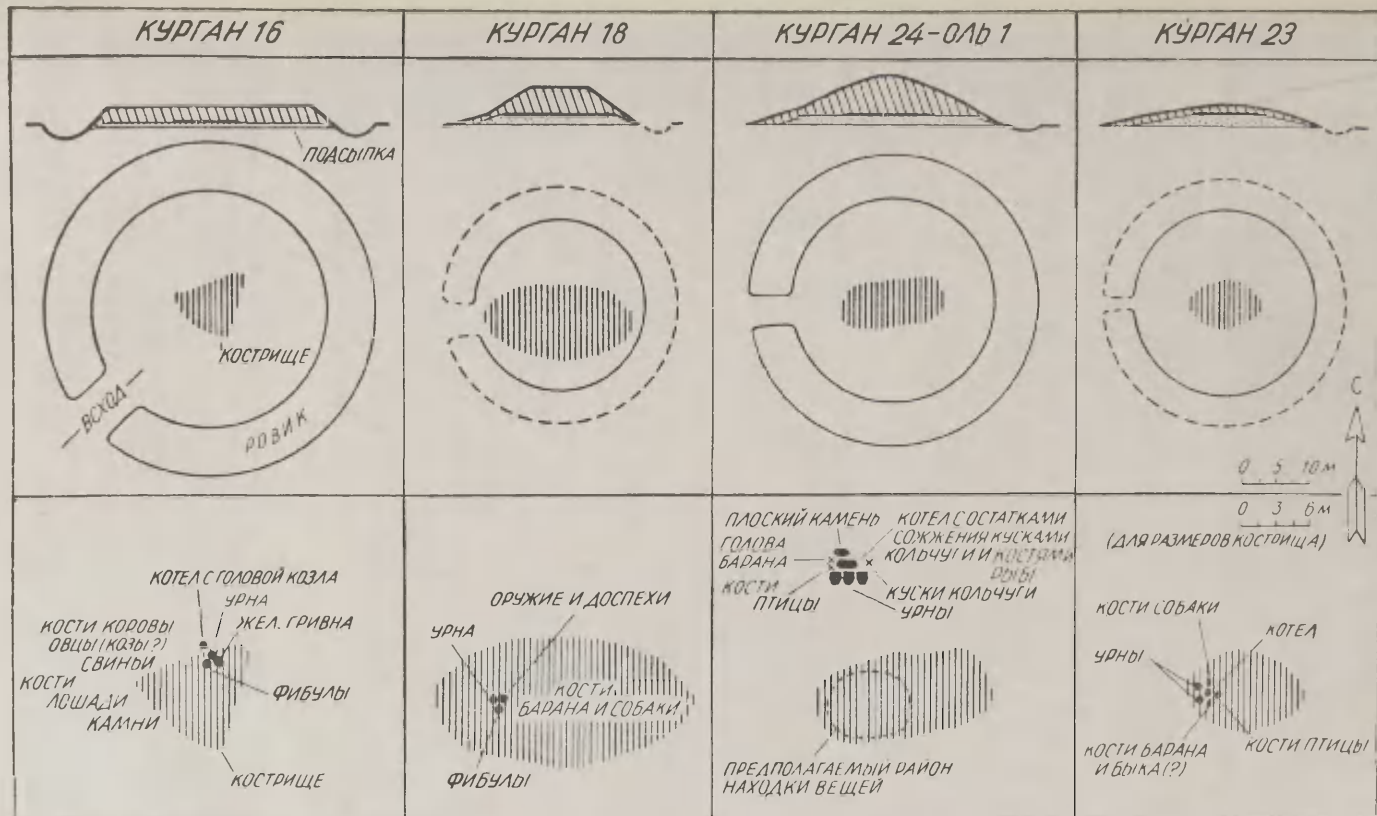
Итак, последовательность действий в процессе сооружения большого гнёздовского кургана представляется таковой: 1) выбор места; 2) определение поперечника основания будущего кургана, в среднем — около 30 м; 3) выжигание растительности на этой площади; 4) сооружение подсыпки мощностью в среднем около 1 м; 5) перенос по всходу ладьи и установка ее строго в том же направлении; 6) размещение в ладье трупов — одного или двух. Мужчина облачен в воинские доспехи, женщина — в праздничный наряд; 7) акт сожжения; 8) размещение на погребальной площадке остатков сожжения: установка на кострище урн с пережженными костями, особая группировка оружия и воинских доспехов; 9) жертвоприношения животных, в первую очередь барана или козла. Их туши целиком или частью помещают в котел, а тот устанавливают рядом с урнами; 10) битье посуды, ломка некоторых вещей (железных гривен и др.) и ряд других действий на площадке; 11) сооружение насыпи над погребальной площадкой¹³.

Относительная хронология больших гнёздовских курганов должна строиться на тех же основаниях, что и для могильника в целом, т. е. с учетом изменения ряда общих признаков и их встречаемости¹⁴. Такими признаками могут служить типы мечей, фибул скандинавского образца, керамики (лепная, гончарная, гончарная с клеймами), обряд погребения (кремация, ингумация) и монетные находки. Выделяются четыре периода: первый — от середины IX в. до 30—40-х гг. X в., второй — от первой половины X в. (с 30—40-х гг.) до 70—80-х гг. X в., третий — последняя четверть X в. и рубеж X—XI вв., четвертый — рубеж X—XI вв. — первая половина XI в. Датировка почти всех больших курганов твердо определяется в рамках от середины X в. до рубежа X—XI вв. Основанием для

---

¹³ Курган Ц-2, исследованный Д. А. Авдусиным в Центральной группе, схож с большими курганами только по размерам и форме (Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках..., стр. 158—164). Своеобразие устройства этого кургана ставит его в совершенно особое положение как по отношению к большим, так и малым курганам могильника.

¹⁴ В. А. Булкин. Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореф. дисс. Л., 1973, стр. 13—14.

Эволюция больших гнёздовских курганов (слева направо). Верхний ряд: схематические планы и разрезы насыпей. Пунктиром обозначены предположительные внешние границы рвов вокруг курганов 18 и 23. Нижний ряд: размещение некоторых основных категорий вещей и жертвенных животных на погребальной площадке.

этого являются типы фибул в курганах 7 и 16, типы меча и фибул в кургане 18. К несколько более позднему времени, но в тех же общих рамках второй половины X в., относятся курганы 24-Оль 1 и 23, содержащие гончарную керамику с клеймами (фибулы и мечи здесь отсутствуют). Погребение в кургане 20, судя по находке монеты 905—906 гг., совершено не ранее начала X в.¹⁵

Учитывая степень сходства в обряде погребения, а также некоторые различия в относительной хронологии, большие гнёздовские курганы можно представить в виде типо-хронологического ряда (см. рис.)¹⁶. Первое звено: курганы 7 и 16 — насыпи в виде шарового слоя с плоским верхом, сожжение в ладье, ориентировка с севера на юг или близкая ей, набор женских скандинавских украшений, железные гривны с «молоточками Тора». Второе звено: курганы 20 и 18 — конической формы с плоским или уплощенным верхом, сожжение в ладье, ориентировка с севера на юг (?) и с запада на восток, набор женских скандинавских украшений. Третье звено: курганы 24-Оль 1 и 23 — полусферической формы, сожжение в ладье и без нее, ориентировка с запада на восток. Таким образом, форма насыпи изменяется от шарового слоя с плоским верхом к усеченно-конической, затем — к полусферической; обряд сожжения в ладье, столь типичный для больших курганов, на последнем этапе становится необязательным или вовсе исчезает; ориентировка ладьи на первых этапах меридиональная, на последующих — с запада на восток; совместные находки фибул и железных гривен характерны для первого этапа, на втором исчезают гривны, на третьем — фибулы.

Справедливость построенного ряда подтверждается тем, что некоторые признаки его первого звена связываются с аналогичными признаками более ранних гнёздовских курганов. Плоская вершина отмечена у курганов 13, 35, 38, 47¹⁷; сожжение в ладье — в курганах 13 и 47, ориентировка ладьи в кургане 47 — северо-восток — юго-запад, а вероятная ориентировка трупа на костре в кургане 35 — с севера на юг; жертвоприношение птиц — в курганах 13 и 47; железные гривны и фибулы

---

¹⁵ Тип меча, найденного в кургане, точно установить невозможно. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. 1. Свод археологических источников, Е1-36, М.—Л., 1966, каталог находок, стр. 76 (№ 16), стр. 80 (№ 59).

¹⁶ В представленную схему не включен курган 20 ввиду отсутствия каких-либо фактических данных о кострище, а также курган 7. Схематические контуры угольного слоя в кургане 24-Оль 1 даны в соответствии с планом, опубликованным Д. А. Авдусиным (Д. А. Авдусин. Полевая археология СССР, стр. 50, рис. 4).

¹⁷ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1, Смоленск, 1952, стр. 334, 362, 358; его же. Отчет о раскопках гнёздовских курганов, стр. 120.

скандинавского образца — в курганах 13, 47, 35, 15¹⁸; мечи — в курганах 13, 35 (в обоих — сломаны и воткнуты в землю), 15 (воткнут в землю несломанным).

Таким образом, ряд черт погребального обряда больших гнёздовских курганов позволяет установить их несомненное родство с более ранними курганами могильника.

Появление в Гнёздове больших курганов отражает прежде всего серьезные изменения в социальной структуре общества. Предметом нашего рассмотрения будет иной вопрос, а именно: в какой мере эти курганы могут отражать специфику норманской традиции погребального обряда.

В последние годы утвердилось мнение, согласно которому этническими показателями норманских погребений в Восточной Европе следует считать сожжение в ладье, комплект скандинавских фибул, железные гривны с «молоточками Тора» и некоторые другие (обкладка урны камнями, радиальные ровики)¹⁹. Основываясь на этом, Д. А. Авдусин включил в рубрику норманских и некоторые большие гнёздовские курганы, в частности 24-Оль 1²⁰. С этим, однако, согласиться нельзя.

Обычно, обращаясь к характеристике этнического облика гнёздовского могильника, исследователи приводят систему процентных соотношений, якобы отражающих состав древнего населения. Такой подход предполагает некое статическое состояние групп, разграниченных между собой рамками жестких племенных признаков, будь то височные кольца или овальные фибулы, и полностью отвергает динамизм самого процесса. В какой-то мере этот принцип приложим к анализу первых поколений поселенцев — выходцев из разных племенных районов. Но ответить на вопрос, каким закономерностям подчинено формирование этнических черт последующих поколений каждой этнической группы в условиях их совместной жизни и отсутствия устойчивости социальных связей, довольно трудно. К верному пониманию этого вопроса исследователи подошли в результате выделения так называемых вещей-гибридов²¹. Учитывать то же явление необходимо и при анализе формирования погребального обряда. Собственно, такая «гибридизация» есть не что иное, как частное отражение процесса социальной и этнической консолидации. В связи с этим ни один из вышеуказанных

---

¹⁸ Курган 15 раскопан М. Ф. Кусцинским (*М. Ф. Кусцинский. Археологические исследования в Смоленской губ. Древности, т. IX, вып. 1, М., 1881, стр. 5*).

¹⁹ Д. А. Авдусин. *Археология СССР*. М., 1967, стр. 237—239; *его же*. Гнёздово и днепровский путь, стр. 167, 168.

²⁰ Д. А. Авдусин. Ровики славянских курганов, стр. 15.

²¹ Н. Arbman. *Skandinavisches Handwerk in Russland zur Wikingerzeit. — «Meddelanden från Lunds Universitets historiska museum (1959)», Lund, 1960, s. 133—134.*

признаков, а равным образом и их сочетания, не могут быть признаны твердыми этническими индикаторами, а характеристика этнического состава Гнёздова в различных числовых выражениях оказывается ошибочной. Я полагаю, что в период расцвета Гнёздова наличие там тех или иных этнических группировок находит свое выражение в погребальном обряде не более чем как тенденция. Соотношение этих тенденций в разные периоды может оказаться различным, а их историческая оценка возможна лишь с точки зрения общего итога этнического процесса в Гнёздове.

Бесспорно, что такие черты обряда больших курганов как, например, сожжение в ладье, восходят к погребениям норманнов, поселившихся здесь среди местного населения во второй половине IX — начале X вв. Однако, как бы ни были те же черты «очевидными» в больших курганах, ни один из них нельзя признать норманским. Лица, погребенные в больших курганах, составляют часть того общества, которое к этому времени имело за своими плечами в Гнёздово почти вековую историю этнического развития, завершившегося формированием гнёздовской группы кривичей²². Большие курганы могут отражать один из этапов этнической консолидации и поэтому приписывать их выходцам из Скандинавии было бы явной ошибкой. Этот вывод подкрепляется еще одним наблюдением. Во второй половине X в. обряд сожжения в ладье становится привилегией высшего слоя гнёздовского коллектива. Следовательно, этот признак теряет свою былую этническую нагрузку и приобретает совершенно новую — социальную. А это делает неразличимыми индивидуальные этнические черты погребенного в кургане. Однако в конце X в. этот обряд, скандинавский по своему происхождению и социально значимый во второй половине X в., исчезает (23).

Опираясь на то же развитие больших курганов, нетрудно проследить судьбу других, скандинавских в своих истоках, элементов — женского наряда и гривен с «молоточками Тора». Весьма показательно, что эти элементы, характеризующие совершенно разные стороны культуры и, очевидно, социально индифферентные, исчезают в больших курганах несколько ранее, чем обряд сожжения в ладье.

В малых гнёздовских курганах по сути дела повторяется та же картина, с той лишь разницей, что обряд сожжения в ладье в них исчезает к середине X в.

Что же стоит за этим «размыванием» норманского комплекса в Гнёздове? Очевидно одно — постепенная и неуклонная

---

²² Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. «Советская археология», 1970, № 3, стр. 108.

ассимиляция выходцев из Скандинавии и их культуры. Появление больших курганов не совпадает по времени с началом этого процесса. Но именно эти курганы аккумулируют в себе наиболее характерные черты скандинавской культуры и сохраняют их значительно дольше, чем малые курганы. Этот факт может найти объяснение в специфической социальной обстановке древнего Гнёздова.

GNJOZDOVO KÄABASKALMISTU NORMANNI MUISTISED (SUURTE KÄABASTE MATERJALIDE ALUSEL)

V. BULKIN

Resümee

Suured Gnjozdovo kääpad on tähtsaks allikaks muistse Gnjozdovo sofsiaalse ja etnilise ajaloo uurimisel. Kääbaskalmistu suurte ja väikeste kääbaste erinevus seisneb nende asetuses ja matmisviisis. Töös on kasutatud seitsme suure kääpa materjale. Enamikus neist kääbastest on põletamine toimunud paadis. Pärast põletamist pandi matmispaika relvad, sõjamehe varustus, toodi ohvriks loomi. Viimaste jäänused asetati metallnõusse, mis pandi urnide kõrvale. Gnjozdovo suured kääpad kuuluvad X sajandi teise poolde ning XI sajandi algusesse. Suured kääpad on oma arengus läbinud kolm etappi, mis erinevad kääpa kujult, põletamisviisilt ning mõningate esemete koosesinemiselt. Suured kääpad on oma päritolust lähedased Gnjozdovo IX sajandi 2. poole ja X sajandi I poole matmisviisile. Seoses sellega ei saa neid pidada normannide omaks, s. o. Skandinaaviast pärinevaks. Suurte kääbaste areng näitab normanniide assimileerumist Gnjozdovos, Skandinaavia elementide esinemine võib olla seletatav muistse Gnjozdovo sotsiaalsete suhete eripäraga.

GNJOZDOV-GRAVENS NORMANSKA FORNFYND (EFTER MATERIAL OM DE STORA GRAVHÖGARNA)

V. BULKIN

Resumé

De stora Gnjozdov-gravkullarna utgör en viktig källa för rekonstruktionen av det forna Gnjozdovs inte bara sociala utan också etniska historiegång. Skillnaden mellan de stora och små gravhögarna framkommer såväl i placeringssättet som i begravningsritualens utseende. I avhandlingen har man använt material från sju stora gravhögar. I de flesta av dem ägde bränningen rum i båten, som stod på en liten upphöjning. Efter förbränningsakten placerades på ett speciellt sätt på gravplatsen ut vapen och krigarrustningar och man frambar djur som offer. Ben av får eller get lades i en metallkittel och placerades jämte urnorna. Gnjozdovs stora gravhögar hör man datera till andra hälften av niohundralet och början av tusentalet. I de stora gravhögarnas evolution kan man fastslå tre etapper, som skiljer sig i fråga om jordhögarnas form, detaljer i förbränningsritualen och förefintligheten av vissa kategorier föremål (skandinaviska fibula och järnmynt). I fråga om sitt ursprung kan man hänföra de stora gravhögarna till de lokala begravningsstraditionerna i Gnjozdov under andra hälften av åttahundralet och första hälften av niohundralet. Inte en enda av dem kan man beteckna som normansk, det vill säga tillhörande någon, bördig från Skandinavien. De stora gravhögarnas utveckling återspeglar normanernas assimileringsprocess i Gnjozdov och de ständigt återkommande skandinaviska elementen i deras källor kan förklaras av det specifika i de sociala relationerna i det forna Gnjozdov.

ОБ ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ.

Для того, чтобы определить свою позицию в норманском вопросе, я приведу определение норманизма Б. Д. Грековым, которое считаю отражающим суть проблемы. «Под норманизмом мы понимаем «теорию», «доказывающую» неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманами роль основателей русского государства и творцов русской культуры»¹.

Приведу также высказывание известного филолога А. И. Попова, который писал, что полемика норманистов и антинорманистов «в наше время потеряла всякий интерес и значительность, после того как были окончательно установлены истинные, внутренние органические причины возникновения Древнерусского государства — в основном на восточнославянской почве со значительным участием чудских племен и скандинавских наемных дружин, явившихся сюда гораздо позже, после того как экономические предпосылки для образования государственного организма уже сложились вполне»².

Таким образом, А. И. Попов считает единственным предметом спора вопрос о Древнерусском государстве, оставляя за пределами норманского вопроса его остальные аспекты, указанные Б. Д. Грековым. Так же формулирует суть проблемы А. М. Сахаров в «Советской исторической энциклопедии»³. К ним же присоединяется Л. С. Клейн, который пишет: «Главная особенность, отличающая всех советских ученых от большинства северных и западных исследователей, есть марксистское положение о происхождении государства из социо-экономического процесса эволюции и классовой дифференциации;

---

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 561.

² А. И. Попов. Названия народов СССР. Л., 1973, стр. 61.

³ Советская историческая энциклопедия, т. 10, стр. 348—349, статья «Норманская теория».

определяет именно эта точка зрения, а не этническая принадлежность (в том или ином виде) верхнего социального слоя»⁴.

Думаю, что ограничение норманского вопроса проблемой происхождения Древнерусского государства таит в себе ряд опасностей. Оно дает возможность Л. С. Клейну заявить: «Ни я, ни мои соавторы не считаем нашу позицию норманистской»⁵. Получается, что между советскими и буржуазными (отнюдь не «северными» и «западными») историками по остальным сторонам проблемы разногласий нет. Л. С. Клейн, умело подбирая цитаты, стремится показать, что уже многих видных советских историков нельзя причислить к антинорманистам, что антинорманизм в советской исторической науке не моден.

Л. С. Клейн, его ученики и соавторы — Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко, В. А. Булкин — выступили с рядом статей, рассматривающих утвердившиеся в советской науке основные решения норманской проблемы, обоснованные А. В. Арциховским, Б. А. Рыбаковым, М. Н. Тихомировым и др. Эти статьи вызывают возражения в конкретно-историческом плане, иначе говоря, в методах привлечения источников и приемах освещения общеисторического фона⁶. Данная статья посвящена именно методам использования источников. Я оставляю в стороне многие, иногда кардинальные вопросы норманской проблемы.

Варяжский вопрос по археологическим данным обсуждается в научной литературе уже много десятков лет. С течением времени стали ясными многие спорные вопросы, решения других до сих пор многозначны главным образом из-за недостаточного количества источников. Сумма источников в последние годы возросла в несколько раз. Раскопан 431 курган в Ярославском Поволжье, почти 250 — в Гнёздове, исследовались и другие курганные группы, обычно привлекаемые для выводов по поставленной проблеме, а также города и селища, в первую очередь Новгород, на мнимый варяжский характер которого в IX—X вв. любят ссылаться норманисты. Казалось бы, появились все возможности движения вперед, тем не менее во многих случаях происходит топтание на месте и даже возврат на старые позиции. Я полагаю, что такое положение в значительной мере объясняется не критическим подходом к источникам.

Центром дискуссии поныне является материал раскопок гнёздовских курганов под Смоленском. Видимо, с самого начала исследования Гнёздова, с которого прошло уже сто лет

---

⁴ L. S. Klein. Soviet Archaeology and the Role of the Vikings in the Early History of the Slavs. — Norwegian Archaeological review. Vol. 6. No. 1, 1973, p. 3.

⁵ Ibidem.

⁶ См. также: А. Г. Кузьмин. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. «Вопросы истории», 1971, № 2.

(1874 г.), наиболее активно обсуждается именно проблема этноса — этнической принадлежности людей, погребенных в его курганах, — та самая проблема, которая якобы не играет роли в норманском вопросе. Еще В. И. Сизов заключил, что в гнёздовских курганах погребены славяне, варяги и балты, причем славяне там преобладали⁷. Определение критерия для выделения славянских погребений затянулось надолго. Его нашел в 1966 г. И. И. Ляпушкин, предложивший считать славянскими малоинвентарные и безынвентарные курганы, что в общем правильно и соответствует славянскому погребальному обряду⁸. Но И. И. Ляпушкин при этом допустил грубую ошибку в их датировке, о чем будет сказано ниже.

И. И. Ляпушкин преуменьшил число возможных славянских погребений в Гнёздове, считая, что их было около 40%. Это произошло потому, что он обратился не к изданным дневникам раскопок, а умозрительным заключениям. Ошибочные подсчеты были подхвачены группой археологов ЛГУ, чтобы доказать наличие в Гнёздове значительного количества варягов⁹. Таким образом, эта идея воскрешается в работах наших современников и соотечественников.

Если же рассматривать вопрос методически, то от сопоставления процентных соотношений здесь нужно отказаться, так как примерно две трети гнёздовских насыпей не раскопано, а поэтому нет гарантии, что в дальнейшем соотношение останется неизменным. Ведь все исследователи отмечали, что раскопаны наибольшие курганы, богатейшая часть группы. С каждым годом растет число «пустых» раскопанных курганов, а курганов с инвентарем встречается все меньше, т. е. соотношение увеличивается в пользу славянских насыпей. Если все-таки прибегнуть к цифрам, то подсчет малоинвентарных и безынвентарных курганов по дневникам раскопок дает такие показатели. В раскопках С. И. Сергеева таких насыпей не менее 60 из 96, в раскопках И. С. Абрамова — не менее 15 из 24, в моих раскопках — 100 из 150 (отбрасывая раскопанные ранее колодцем). Итого на 270 раскопанных насыпей приходится 175 безынвентарных и малоинвентарных, т. е. почти 65%, или на 25% больше, чем у И. И. Ляпушкина.

Удивляет также не критическое отношение И. И. Ляпушкина к необоснованному утверждению В. И. Сизова, будто бы урны в курганах расположены так близко к поверхности, что они

---

⁷ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, стр. 123, 125.

⁸ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.) — Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 127—136.

⁹ Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970, стр. 226—252.

могли из кургана выпасть¹⁰. Ученик Ляпушкина даже цитирует слова Сизова, что урны могли, мол, нащупать ногой пастухи и выкопать их¹¹. Видимо, это ошибочное место выгодно для цитирующего. За время работы Смоленской экспедиции с 1947 г. по настоящее время не было случая, чтобы можно было нащупать сосуд, а ведь во время топосъемок мы побывали на каждом кургане. Не было замечено ничего подобного и во время раскопок, хотя иной раз раскапывались курганы, которые распахивались много лет и, несмотря на это, имели сосуды в верхней части насыпи¹².

А. Котляревский показал славянскую принадлежность обряда битья посуды на похоронах¹³, и его аргументов пока еще никто не опроверг, а уже поэтому нельзя объявлять эту черту обряда скандинавской¹⁴.

Критерием для вычленения варяжских погребений является прежде всего погребальный обряд. Для исследования погребальных обычаев весьма важно наблюдение В. Я. Петрухина, что множественность наборов черт погребального обряда соответствовала (по крайней мере — у скандинавов) множественности представлений о загробном мире. Таким образом, нельзя ожидать стандартного набора, одинаковых характеристик скандинавских погребений ни в самой Скандинавии, ни за ее пределами. Так, для варяжских погребений на нашей территории можно признать типичными только, во-первых, погребение в ладье (хотя такие встречаются не только в Скандинавии, а части ладьи знаменовали карельские погребения даже в XX веке); во-вторых, возложение на урну или остатки костра железной гривны с молоточками Тора (хотя они встречаются и не на всей территории Скандинавии), и, наконец, погребение в национальном наряде с набором определенных фибул. Приходится отвергнуть как этнический признак каменные конструкции, распространенные не только в Скандинавии, но и в Юго-Восточной Прибалтике. Исключается и погребение с конем, встречающееся у многих народов, в первую очередь — у балтов. Глиняные вымостки известны, кроме Скандинавии, например, в длинных курганах. Даже кости козла, которые так соблазнительно связать с культом этого животного и сопоставить с рассказом о козлах Тора, приходится исключить из числа этнических индикаторов. Возможно, сочетания всех этих нетипичных

---

¹⁰ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 30, 32.

¹¹ В. А. Булкин. О так называемых пустых курганах Гнёздовского могильника. — «Краткие сообщения Института археологии». (Далее: КСИА), вып. 135, М., 1973, стр. 121.

¹² Таковы, например, курганы № Ц-117, Ц-16.

¹³ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. 1868.

¹⁴ И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

признаков при наличии в погребении скандинавских вещей могут быть использованы в качестве этнического показателя¹⁵, но никто еще не исследовал их взаимовстречаемость как в могилах скандинавов, так и других народностей.

Несмотря на малую вероятность заимствования погребального обряда, он может оказаться смешанным, хотя бы во второстепенных проявлениях. Примером могут быть разноэтничные парные погребения, например, мужчины-балта с женщиной-скандинавкой. Вряд ли следует сомневаться, что женщина будет положена на костер в национальном наряде, а основным обрядом погребения может оказаться балтский.

Ввиду явной ошибочности попытки определить ориентировку и этнос погребенного по положению вещей в кострище, которое сгребли к центру, я не буду останавливаться на анализе этого случая¹⁶.

При решении вопросов этноса долгое время главное внимание уделялось исследованию инвентаря. Он, конечно, сохранил свое значение. Для привлечения вещей к решению этнических проблем эти вещи должны быть сами этнически характерными или по крайней мере определяемыми. Вспомним, что до работ А. В. Арциховского каролингские мечи категорично объявлялись скандинавскими¹⁷. Ныне они утратили мнимое качество этнического индикатора и только иногда, впрочем, справедливо, указывают, что такие мечи могли быть привезены на Русь скандинавами. Но привезены были не все: А. Н. Кирпичников доказал местное производство мечей на Руси.

А. В. Арциховский показал, что ромбовидные стрелы являются русскими, а ланцетовидные — скандинавскими. Вряд ли следует обращать внимание на заявление Т. Арне, что ни те, ни другие не могут привлекаться для решения этнических проблем¹⁸.

Скорлуповидные фибулы — несомненно, изделия скандинавские, но этническим определителем они стали только после работ А. Гейер, доказавшей, что они были частью национального (племенного) женского наряда особого покроя и носились в определенном строгом соответствии с костюмом¹⁹.

Думаю, что еще не доказан, и вряд ли будет доказан норманский характер «ледоходных» шипов, замков, ключей, кре-

¹⁵ Д. А. Авдусин. Скандинавские погребения в Гнёздове. — «Вестник Московского университета», 1974, № 1.

¹⁶ В. В. Седов. Следы восточнобалтского погребального обряда в курганах Древней Руси. — «Советская археология», 1961, № 2, стр. 105.

¹⁷ Напр.: Я. В. Станкович. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), вып. 6, М.—Л., 1941.

¹⁸ Т. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk's foregangare. Arkeologiska forskningar och fynd. Stockholm, 1952.

¹⁹ BIRKA, III. Die Textilfunde aus den Gräben. Uppsala, 1938.

сал²⁰. Даже «наборы» таких вещей — не слишком сильный аргумент при этнических определениях, так как сначала надо выяснить — не встречаются ли такие «наборы» вне Скандинавии и скандинавских древностей.

Следует также признать, что отсутствие тех или иных характерных предметов еще не говорит об отсутствии представителей этнической группы, для которых эти вещи характерны. Таково положение с руническими стеллами, которых практически нет в Восточной Европе. Это и понятно: такие стеллы появляются в Скандинавии тогда, когда на наших реках уже нет норманнов. То же можно сказать о славянских височных кольцах: их почти нет в Гнёздове потому, что не пришло еще время распространения этих украшений.

В. И. Сизов, В. В. Седов, Е. А. Шмидт показали, что в Гнёздове имеются и следы балтского погребального обряда²¹. Однако практически число балтских погребений, которые удалось отчленить, ничтожно. Вряд ли (по крайней мере пока) мы можем говорить о том, что эта группа населения была значительной, хотя ее численность пытаются преувеличить.

В вопросе о времени появления варягов на Верхнем Днепре группа археологов ЛГУ ссылается прежде всего на статью Е. А. Шмидта о раскопках Новоселковской курганной группы²².

Основной опорой датировки Е. А. Шмидтом курганов этой группы является моя датировка четырехугольной насыпи в Гнёздове, высказанная вполне предположительно, которую теперь следует отбросить. Она исходила из неверного предположения А. А. Спицына о том, что в Гнёздове якобы произошло смешение погребальных обрядов кривичей и скандинавов, в результате чего «кривичские курганы обратились в плоские насыпи разной величины, почти круглой формы». Подобного смешения обрядов быть не могло. Кроме того, моя ссылка в датировке бус по киевскому некрополю IX веком оказалась теперь неверной — киевские могилы относятся к X в. Не оправдалось и противопоставление призматических и 14-гранных бус. Встреченная в гнёздовском кургане монета датируется широко — от начала IX до начала X века и нет оснований сужать ее датировку. Таким образом, ссылка на гнёздовский курган — а это главный аргумент Е. А. Шмидта — несостоятельна, и этого не могли не заметить ленинградские археологи. Ссылка Е. А. Шмидта на дату найденного в кургане № 5 Новоселковской группы меча также ошибочна: Е. А. Шмидт дати-

²⁰ Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. Указ. соч., стр. 239.

²¹ Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. — «Советская археология», 1970, № 3.

²² Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. — «Материалы по изучению Смоленской области», вып. V, Смоленск, 1963.

рует его «до 800 года». По А. Н. Кирпичникову этот меч относится ко второй половине IX в. и, следовательно, вполне мог бытовать и в X в., тем более, что другие мечи из Новоселок относятся ко времени от конца IX до начала X в.

По мнению Е. А. Шмидта, курган № 5 из Новоселок включал «ряд предметов, бытовавших в IX веке». Однако эти предметы не указаны, кроме пинцета, который не имеет столь узкой даты, хрустальных бус, которые также не датируют. Все остальные вещи, найденные при раскопках Е. А. Шмидта, тоже не дают точной даты. Ссылка Е. А. Шмидта на погребальный обряд вряд ли может быть принята. Он пишет, что в Новоселках найдены не сломанные мечи, а это будто бы ранний признак. Е. А. Шмидт отмечает, что «отдельные погребения» совершались и в X веке. Я также не согласен с утверждением, позднее повторенным, что Новоселки будто бы дают основания говорить о «переплетении разных культур» на рубеже IX—X вв.

Как видно, вся система доказательств ранней даты Новоселок весьма шатка. Ее окончательно подрывают вещи, найденные при раскопках в 1968 г. Производивший их С. С. Ширинский правильно отмечает, что скандинавские фибулы из Новоселок датируются или X веком в целом, или более конкретно — второй половиной X века. И тем не менее Ширинский вынес в заглавие своей статьи неправильную дату этого памятника²³. Никаких датирующих данных для IX века здесь опять не найдено.

Группа ЛГУ использует даже отсутствие слоя IX века в Новгороде²⁴. Логика простая: в Новгороде такого слоя нет, но он есть в Ладоге, где он скандинавский. Читатель подводится к выводу, что и в Новгороде он должен быть скандинавским, тем более, что в Новгороде, мол, есть вещи скандинавских типов. Но, во-первых, раннюю Ладогу вряд ли можно считать славянским городом, а поэтому ее нельзя сравнивать с Новгородом. Во-вторых, при огромных размерах новгородских раскопок перечисленные вещи, если их даже посчитать скандинавскими, — капля в море русских вещей.

Упомянутые авторы стремятся решить вопрос о нижней дате гнёздовских курганов в сторону их удревнения до IX века. Для этого они привлекают материалы кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. Дату этого кургана, видимо, следует определить X веком²⁵. Чтобы опровергнуть предложенную мной

²³ С. С. Ширинский. Курган IX — первой половины X в. у пос. Новоселки. — Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 114—116.

²⁴ Л. С. Клейн и др. Норманские древности..., стр. 239.

²⁵ Д. А. Авдусин. О датировке Гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. — «Культура и искусство Древней Руси», Л., 1967, стр. 21—25.

датировку по гривне с привесками в виде молотков Тора, публикуется статья о датировке таких гривен в Западной Европе²⁶. Однако рассуждения о распространении этих предметов в Западной Европе не могут заменить доказательств их хронологии в Восточной Европе, где они могли появиться гораздо позже, как, видимо, и было в действительности. В качестве аналогии можно привести пример появления хрустальных и сердоликовых бус в Восточной Европе в более позднее время, чем они стали бытовать на Западе. Это явление еще следует изучить, но уже сейчас высказывается точка зрения, что появление таких бус в нашей стране относится к X веку.

В. А. Булкин и В. А. Назаренко правильно отмечают, что отдельные ранние погребения не говорят о времени начала функционирования Гнёздовского кладбища²⁷. Но предлагаемый ими критерий определения этой даты свидетельствует, что подлежащие источники ими не подвергнуты анализу. Речь идет о круглых малоинвентарных и безынвентарных курганах, о которых уже говорилось выше. Появление таких насыпей на Верхнем Днепре В. А. Булкин и В. А. Назаренко относят вслед И. И. Ляпушкину к VIII—IX вв., а в Гнёздове — к IX веку. Чтобы понять ошибочность такой даты, достаточно упомянуть, что абсолютное большинство горшков из таких курганов сделано на гончарном кругу, т. е. датируются временем не раньше середины X века. Начало возведения гнёздовских курганов — X век. Это подтверждают и иные доказательства, но они не являются темой данной статьи.

Вопрос о характере поселения в Гнёздове решен раскопками в 1960—1973 гг. Гнёздово, его курганы и поселение возникли вместе с днепровским путем и пришли в упадок с началом использования более удобного пути через Вопь²⁸. Гнёздово — не международная ярмарка, подобная Бирке. Это только ворота в Днепр.

Проблема соотношения Гнёздова и Смоленска встала с первыми раскопками курганов. Уже В. И. Сизов предположил параллельное существование Гнёздова и Смоленска, отводя Смоленску роль административного центра, а Гнёздову — торгово-ремесленного. Вскоре после выхода в свет книги В. И. Сизова А. А. Спицын, издавая материалы раскопок С. И. Сергеева, выступил с необъяснимой на первый взгляд теорией переноса Смоленска с места на место. Однако при вниматель-

---

²⁶ И. В. Дубов. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора». — Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970.

²⁷ В. А. Булкин и В. А. Назаренко. О нижней дате Гнёздовского могильника. КСИА, вып. 125, М., 1971.

²⁸ Д. А. Авдусин. Гнёздово и днепровский путь. — «Новое в археологии. Сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1972.

ном рассмотрении корень этой гипотезы можно найти в несоответствии дат летописи и вещевого материала из Гнёздова. В. И. Сизов указывал, что Гнёздово надо относить к X веку, но с летописной поправкой его надо датировать IX—X вв. Он имел в виду упоминание летописью похода Олега через Смоленск и считал варягов, похороненных в Гнёздове, как-то связанными с войском Олега²⁹. А. А. Спицын, судя по всему, разделял взгляд Сизова о связи похода Олега с Гнёздовом и также датировал курганы X веком³⁰. Однако Спицын посчитал, что Смоленск был тут же, в Гнёздове. Если это так, рассуждал, вероятно, Спицын, то в X веке Смоленск был на Центральном городище, где находят вещи X века и которое окружено курганами того же столетия. Где же стоял Смоленск в IX веке? Вероятно, на Ольшанском городище, которое тогда еще не раскапывалось и было окружено нетронутыми курганами. Спицын так и писал: «Место его (Смоленска. — Д. А.), быть может, городище, расположенное при впадении в Днепр р. Ольши, близь которого и должны оказаться древнейшие курганы Гнёздова»³¹ (разрядка моя — Д. А.). Значит, А. А. Спицын не видел в Гнёздове древностей IX века и заставил Смоленск кочевать только потому, что связывал Гнёздово с Олегом. Увы, ольшанские курганы оказались не древнее центральных, а городище возникло только в XVI веке.

Сама теория о переносе городов (именно о переносе города, а не о перемене названия идет речь у А. А. Спицына), когда-то модная, теперь выглядит ненаучной. Перенос города означал не только перенос жилищ его населения, не только возведение новых оборонительных сооружений, но и перенос окрестных деревень, питавших его, но и расчистку новых лугов и пашен для их жителей, но и прокладку новых дорог и иные трудоемкие и дорогостоящие действия. Вряд ли подобная теория имеет право на существование в наши дни не только для Смоленска, но и для любого города. И. И. Ляпушкин и В. А. Булкин не проанализировали теорию Спицына и впали в ошибку³².

Я не касаюсь множества других, мелких ошибок в работах ленинградских коллег по Гнёздову и норманской теории. Для частных в этой статье нет места. Но на основании сказанного выше строятся сомнительные «теории» с норманистским оттенком. Такова, например, статья Г. С. Лебедева и В. А. Наза-

---

²⁹ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 123.

³⁰ А. А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — «Известия археологической комиссии», вып. 15, СПб., 1905, стр. 7, 18.

³¹ Там же, стр. 7.

³² В. А. Булкин. Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1973, стр. 20; И. И. Ляпушкин. Гнёздово и Смоленск. — Сб. «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 37.

ренко³³. Там говорится о городской культуре со скандинавскими элементами на Руси во второй половине X века, ставится вопрос о значительности скандинавского влияния на прикладное искусство Руси, говорится о проникновении скандинавов на Днепр в IX веке и т. д.

К подобным ошибкам норманистского толка могло привести поверхностное отношение к источникам и работам предшественников.

---

³³ G. S. Lebedev and V. A. Nazarenko. The Connections between Russians and Scandinavians in the 9-th — 11-th Centuries. — Norwegian Archaeological Review. Vol. 6, No 1, 1973.

VARJAAGIDE KÜSIMUSE ARHEOLOOGILISTE ALLIKATE UURIMISEST

D. AVDUSIN

Resümee

Viimasel ajal on ilmunud rida artikleid, kus lükatakse ümber nõukogude ajaloolaste mitmeid varasemaid seisukohti normannide küsimuses. Diskussiooni põhjustavad endiselt Gnjozdovo arheoloogilise kompleksi väljakaevamise materjalid Smolenski lähedal, kuid tähelepanu on äratanud ka teised muistised. Autorid piiravad normanniprobleemi Vana-Vene riigi iseloomu küsimusega, jättes välja kultuurilise mõju. Nad vihjavad vene rakenduskunsti sünkreeitsusele, aga skandinaavia mõju sellele on tähelepanuväärne. Autorid hoiavad kinni vananenud linnade ülekandmise teooriast. Tõestavad (ilma erilise aluseta) skandinaavlaste varasemat ilmumist Ülem-Dneprile. Vigased on ka kronoloogilised andmed ning autorite järeldused matetute etnilise kuuluvuse kohta. Selliste vigadeni on viinud artiklite autorite pealiskaudne suhtumine ajaloolaste ja eelkäijate tööde kasutamisse.

OM STUDIET AV ARKEOLOGISKA KÄLLOR I VARJAG-FRÅGAN

D. AVDUSIN

Resumé

Under senare tid har man kunnat stöta på en rad artiklar, som reviderar vissa i den sovjetiska historieforskningen redan befästa lösningar på det normanska problemets grundläggande frågor. Centrum för diskussionen utgör material från utgrävningarna av det arkeologiska komplexet vid byn Gnjozdovo utanför Smolensk, men även andra fornminnesmärken tillämpas. Det normanska problemet förenklar författarna till en fråga om den fornnryska statens karaktär, varvid de utesluter en definition av det kulturella inflytandets aspekter. Samtidigt antyder de, att nyttokonsten i det gamla Ryssland var primitiv och det skandinaviska inflytandet betydande. Författarna vidhåller den föråldrade teorin om förflyttning av städer. De bevisar (utan speciella grunder) skandinavernas tidiga intrång vid Övre Dnepr. De kronologiska beräkningarna och författarnas slutsatser om de begravdas etniska tillhörighet är också felaktiga.

Bakom dessa misstag med normansk inriktning ligger artikelförfattarnas ytliga förhållande till användandet av historiska källor och föregångarnas arbeten.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СКАНДИНАВСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ XI—XII вв. О НАРОДАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Изучение скандинавских младших рунических памятников XI—XII вв. началось в XVII столетии, когда ряд шведских надписей был собран и впервые опубликован Юханом Буреусом¹. Долгое время эта область привлекала внимание исключительно лингвистов. Историки же заинтересовались руническими текстами лишь в конце прошлого века. Почти сразу же было отмечено большое количество памятников, где в той или иной форме упоминаются Древняя Русь и народы, населявшие территорию Восточной Европы.

Впервые суммарную характеристику этих текстов вместе с подборкой основных из них (в переводе на шведский язык) предложил известный шведский археолог Оскар Монтелиус в 1914 г.² Однако уже до этого русский ученый Ф. А. Браун в статье «Кто был Ингвар-путешественник?» использовал материалы рунических надписей для целей исторического анализа и отмечал целесообразность их привлечения для исследования русско-скандинавских отношений эпохи викингов³. Позднее Ф. А. Браун проделал большую работу по подготовке свода рунических надписей, упоминающих Русь, но опубликована она не была⁴.

Эти первые обращения к теме на долгое время остались и последними, поскольку «русские» известия рунических надписей специально не исследовались, а сами надписи рассматри-

---

¹ J. Bureus. Monumenta Sveo-Gothica hactenus exculpta. 1624. Следующее важнейшее издание: J. Peringskiöld. Monumenta Sveo-gothorum. Stockholmiae, 1710.

² O. Montelius. Svenska runstenar om färder österut. Ett bidrag till vikingatidens historia. — «Fornvännen», årg., 9, 1914, s. 81—124.

³ Ф. А. Браун. Кто был Ингвар-путешественник? СПб., 1910; перевод этой работы на шведский язык и критику ее см. «Fornvännen», årg., 5, 1910.

⁴ В сжатом виде ее результаты изложены в статье: F. A. Braun. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jhs. — Festschrift für E. Mogk. Halle, 1924.

вались в рунологических работах лишь в качестве памятников языка. Незначительное количество текстов (менее 20) использовалось и используется в трудах по истории как зарубежными, так и советскими учеными.

Но сама идея создания свода, над которым работал Ф. А. Браун, не угасла. В 1930-е гг. Е. А. Рыдзевская начала подготовку такого издания. Она отобрала около 100 текстов, где упоминаются Прибалтийские земли, Русь, Византия⁵.

Проблема русско-скандинавских связей по материалам рунических надписей была вновь поставлена в докладе А. Листеля на симпозиуме 1968 г. в Копенгагене по «варяжской проблеме»⁶. И хотя автор сдержанно оценивал объем новых сведений, которые могут дать эти источники, все же он подчеркнул, как и все выступавшие в обсуждении, что до тех пор, пока нет специального издания, объединяющего все известные тексты, делать какие-либо окончательные выводы не представляется возможным.

При подготовке подобной публикации следует учитывать, что прочтение рунических текстов из-за особенностей письма и повреждений самого камня часто гипотетично, а это означает, что и интерпретация их не бесспорна. В большинстве случаев специалисты-рунологи расходятся в толковании надписей. Но привлечение других материалов — памятников материальной культуры, письменных источников как скандинавских стран, так и Руси — может во многом пролить свет на лаконичные сообщения рунических текстов.

Исторические выводы, основанные только на изучении рунических памятников, в значительной степени ограничены образом содержания и стереотипностью употребляемых в них формул. Еще Ф. А. Браун отмечал, что «сведения, которые мы можем почерпнуть из всей рунической литературы, очень бедны. Ни единого важного свидетельства о событиях русской истории, не названо ни одного имени, которое бы имелось в русских источниках...»⁷ Действительно, мы не найдем здесь следов политической истории Восточной Европы. Но, очевидно, их и не следует искать в таких специфических памятниках, как рунические камни. Материал, который они могут предложить историку, по большей части состоит в лексике, используемой авторами текстов, и в упомянутых в надписях топонимах.

---

⁵ В архиве Е. А. Рыдзевской (ЛОИА, фонд 39, №№ 18, 24, 100) сохранились материалы, показывающие, что она собиралась подготовить и комментарий к текстам. Описание архива Е. А. Рыдзевской дал Г. И. Анохин: О научном наследии Е. А. Рыдзевской (1890—1941 гг.). — «Советская этнография», 1971, № 5, стр. 132—135.

⁶ A. Liestøl. Runic Inscriptions. — Varangian Problems. «Scando-slavica», Supplementum 1, Copenhagen, 1970.

⁷ F. A. Braun. Das historische Russland..., S. 166.

Лексика рунических текстов ранее не рассматривалась специально как источник для изучения русско-скандинавских отношений X—XII вв. В целом она указывает на два основных направления интересов скандинавов в Восточной Европе: во-первых, это пласт терминов и выражений, свидетельствующих о военных предприятиях скандинавов; во-вторых, — слова и выражения, говорящие о развитии торговых связей.

Первая группа более многочисленна и разнообразна. Она включает термины, обозначающие дружину, войско: *liþ*, *helfningr*⁸, например: *kuli rsþi stin þesi eftiR rþr kunu sinaR esburn ok iula treka hrþa kupa ian þiR urþu tuþiR i lþi ustr*⁹. Во многих случаях имеются указания на насильственную смерть человека, в память кого установлен камень: *ali uk iufurfast litu gera merki iftiR iarl faþur sin uk at kisl uk at ikimunt han uaR trebin hustr sun jarls*¹⁰ или ... *han fial i urustu austr i garþum*¹¹. Выражения «был убит», «пал», «пал в битве» в самой общей форме указывают на характер деятельности погибших на Руси. Лишь в редких случаях более отчетливо говорится о военных предприятиях, как, например, в тексте из Фагерлота: ... *eftiR eskil faþur sin han trau i orustu i austru [i] hi*¹².

Отражений торговых контактов между Скандинавией и Русью в лексике рунических надписей много меньше, хотя они и прослеживаются. В частности, неоднократно упоминаются торговые корабли типа «кпогг»¹³, которые плавали на Русь. На коробке от весов из Сигтуны указано, что эти весы приобретены у жителя Земгалии¹⁴.

Особый интерес представляет употребление слова *félag* в рунических текстах, в частности в тех, где говорится о Восточной Европе. По определению современных словарей *félag* означает: 1) объединение средств, паев, т. е. товарищество, компания; 2) общество, объединение (производное от него

---

⁸ Встречаются более 10 раз, например, Ög., 145, Ög., 155, Vg., 80, Up., 611, Söd., 254 и др. Шведские рунические надписи приводятся по изданию: *Sveriges runinskrifter*, bd. I-XIII, Stockholm, 1906—1964. Далее приняты сокращения: Упланд — Up., Сёдерманланд — Söd., Эстерготланд — Ög., Вестерготланд — Vg., Смоланд — Sm.

⁹ «Гулли установил этот камень по братьям своей жены, Эсбьорну и Йоли, добрым мужам; они погибли в дружине на востоке» — *Smulasten*, Vg., 184 (XI в.).

¹⁰ «Али и Иофурфаст велели сделать эти знаки по Ярлу, своему отцу, и по Гислу, и по Ингемунду. Он был убит на востоке, сын Ярла» — *Norby*, Up., 898 (конец XI в.).

¹¹ «... он пал в битве на востоке в Гардах» — *Turinge*, Söd., 338 (ок. 1050 г.).

¹² *Fagerlot*, Söd., 126, (вторая половина XI в.).

¹³ *Mervalla*, Söd., 198; *Varpsund*, Up., 654.

¹⁴ *Sigtuna*, Up. см.: *O. v. Friesen*. *Runinskrifterna på en koppardosa funnen i Sigtuna aug. 1911.* — «*Fornvännen*», årg., 7, 1912.

félagi — пайщик, партнер)¹⁵. Из самих рунических текстов не совсем ясно, какого типа «объединения» имеются в виду, какое содержание вкладывается в этот термин.

В исландских сагах, рассказывающих о событиях XI в., часто упоминаются случаи, когда двое или более человек (иногда родственники) совместно приобретали корабль и товары, с которыми отправлялись в чужие земли¹⁶. Иногда и конунг (норвежский или шведский) вступал в такого рода отношения с купцами, собирающимися в поход, как это не раз делал Олаф Харальдссон, особенно при торговле с Восточной Европой. Во всех названных случаях возникающие отношения назывались словом félag: «Var sva etlat at Karli scylldi hafa felag konungs oc eiga halft fe hvaŕr við annan»¹⁷. Саги показывают не только широкое распространение института félag, но и дают некоторое представление о его функциях, юридическом положении и т. д.

Более полно и ясно юридический статус félag раскрывается в «Разделе о наследстве» (гл. 14) древнейшего исландского свода законов «Серый гусь»¹⁸, а также и в нескольких других его разделах. Под этим термином там понимается объединение нескольких человек (не обязательно родственников) для совместного ведения дел, в первую очередь заморской торговли; при этом компаньон приобретает ряд прав, близких к правам родственников, особенно при разделе наследства. Такие «товарищества» образовывались на время одной поездки, редко на более длительный срок, для защиты от нападений врага и для более упорядоченного ведения торговых дел. Видимо, эти «товарищества» можно рассматривать как раннюю форму купеческих организаций, на почве которой в дальнейшем возникнут и займут важное место купеческие гильдии.

В XI в. (а вероятно, и раньше) в более развитой Фризии гильдии уже формировались, что также нашло отражение в двух рунических надписях второй половины XI в. из окрестностей Сигтуны, крупного торгового центра XI—XII вв.: frisa

---

¹⁵ R. Cleasby-G. Vigfusson. Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957; p. 150; в средневековом шведском языке слово fälagh означает объединение собственности (жилища, средств), брак (см. K. F. Söderwall. Ordbok öfver svenska medeltids språket, bd. 1. Lund, 1884, s. 368).

¹⁶ Например, Eyrbyggja saga (udg. af G. Vigfusson. Leipzig, 1864, cap. 29); Laxdæla saga (E. O. Sveinsson gaf út. — Íslenzk Fornrit, V, 1934, cap. 40); Fostbræðra saga (G. Jónsson gaf út. — Íslenzk Fornrit, VI, 1943, cap. 8).

¹⁷ «Предполагалось, что Карли будет в товариществе с конунгом и каждый из них будет владеть половиной имущества» (Óláfs saga helga. Udg av C. R. Unger. Christiania, 1853, s. 133).

¹⁸ Grágás. Udg. af P. Sveinbjörnson. Havnæ, 1829, s. 211—212 etc.

kiltar letu reisa stein þensa eftiR þur [kil kilta sin]...¹⁹ и frisa ki [ltar letu rita runaR] þesar eftiR alboþ felaha sloþa²⁰, где в обоих случаях «члены фризской гильдии» (frisa kiltar) устанавливают памятники своим сочленам — Торкелю и Альбоду. В одинаковых позициях, как определения к именам умерших, стоят слова kilta и felaha, которые, видимо, достаточно близки по значению, но не однозначны. В первом случае отношение Торкеля ко всем членам гильдии, обозначаемое словом kilta, одинаково. Во втором — Альбод связан только со Слоди (felaha sloþa), а уже через него — с остальными членами фризской гильдии, которые и устанавливают памятник. Видимо, первым термином обозначается более сложная организация, при которой ее члены связаны не непосредственно друг с другом как отдельные индивиды, а через посредство этой организации. Второй же — употреблен для наименования именно индивидуальных, частных объединений.

Процесс возникновения и становления купеческих организаций в X—XII вв. на севере Европы мало изучен, и приведенные несколько фактов не могут дать основание для сколько-нибудь развернутых выводов. Все же можно отметить, что появление термина félag в рунических текстах обусловлено зарождением объединений для торговли с зарубежными странами²¹.

Процесс возникновения купеческих организаций захватывает и соседние со Скандинавией области Европы: Новгородскую Русь, где, видимо, аналогичное явление кроется за термином «складство», «складничество». Правда, этот термин встречается в более поздних памятниках, чем скандинавские — с середины XIII в.²² Сопоставление тех и других источников, вероятно, может помочь выявить общие закономерности в развитии торговых объединений.

Возможно, что в рамках таких организаций отдельные купцы поддерживали постоянные контакты с Восточной Европой. Об одном из них рассказывает надпись из Мервалла:

---

¹⁹ «Члены фризской гильдии велели установить этот камень по Торкелю, своему сочлену...» (Up., 379). См.: *A. Bugge. Altschwedische Gilden. — «Vierteljahrbuch für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. XI, 1913, S. 129--156.*

²⁰ «Члены фризской гильдии велели высечь эти руны по Альбоду, сотоварищу Слоди» (Up., 391).

²¹ Не случайно единственный найденный на территории СССР рунический камень (в устье Днепра на о. Березань) установлен «компаньонами» погибшего: «Грани соорудил этот холм по Карлу, своему сотоварищу» (первая публикация памятника — *Ф. А. Браун. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березань. — «Известия археологической комиссии», вып. 23, СПб., 1907).*

²² Например, в рядной Тешаты и Якима (Памятники русского права. Под ред. А. А. Зимина, т. II, М., 1953, стр. 277—280) и др.

siriþ lit resa stan [þin] a at suen sin [b]unta h[n]uft siklt til simkala turu[m]knari um tumisni²³.

О регулярности и относительной упорядоченности торговых контактов говорит сам факт существования в конце XI в. в Новгороде церкви, патроном которой был св. Олаф. Она упомянута в надписи конца XI в. из Шюсты: runa lit kiara mirki at sbialbuþa uk at suain uk at antuit uk at raknaR suni sin uk ekla uk siriþ at sbialbuþa bonta sin an uaR tauþr i hulm karþi i olafs kiriki ubiR risti ru²⁴. Если согласиться с принятым толкованием текста, то время создания церкви (которая упоминается и в Новгородской первой летописи под 1152 г., хотя и без названия ее патрона²⁵) следует отнести ко времени от 1032 г. (года канонизации Олафа Харальдссона) до 1080—1090 гг. (периода работы мастера Эпира)²⁶. Возведение «варяжской» церкви в Новгороде означает, что тогда там находился какой-то постоянный (или регулярно возобновлявшийся) контингент скандинавов — в первую очередь купцов, для деятельности которых требовался торговый двор, оборудованный соответствующим образом. О роли церквей в торговых центрах известно немало из более поздних русских, скандинавских, немецких и других источников, поэтому нетрудно представить те функции, которые выполняла «варяжская» церковь в Новгороде. Очевидно, она играла немаловажную роль и как проводник католицизма в северной Руси (еще до возникновения немецкого двора), особенно если учесть, что в Новгородской земле в середине — конце XI в. процесс христианизации не был еще завершен. Обращение местного населения к «латинской вере» было реальной угрозой для православия даже в первой половине XII в.: в «Вопрошании Кирика» отдельно выделен штраф, налагаемый на тех, кто «носит дети к варяжскому попу на молитву»²⁷; там же указано, при каких условиях человек, крещеный в «латинскую веру», может перейти в православие. Следовательно, в XII в. эта проблема не потеряла своей актуальности.

Лексика рунических надписей также показывает, что в какой бы форме ни проходило участие скандинавов в жизни

²³ «Сигрид велела установить этот камень по Свейну, своему супругу. Он часто плавал на дорогом корабле в Земгалию вокруг Домеснеса» — Mervalla, Söd., 198 (XI в.).

²⁴ Sjusta, Up., 687. Подробнее об этой надписи: Е. А. Мельникова. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях. — «История СССР» (в печати).

²⁵ Новгородская первая летопись. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1950, стр. 29, 215.

²⁶ O. v. Friesen. Runorna i Sverige. — Nordisk Kultur, bd. VI, Stockholm, 1933, s. 221—225.

²⁷ Русская историческая библиотека, т. VI, СПб., 1908, стб. 60. Интересно также упоминание именно «варяжского» священника в этом контексте, как основного соперника православных священнослужителей.

Древней Руси X—XI вв., какую бы функцию в обществе они ни выполняли, основная цель их посещений — это личное обогащение, приобретение материальных ценностей, будь то путем торговли, грабежа или вознаграждения за службу. Видимо, наиболее популярным был второй путь, так как о нем неоднократно упоминается в надписях: *tula lit raisa stain pinsat sun sin haralt bruþur inkuars þaiR furu trikila fiari at kuli auk a ustarlar ni kafu tuu sunar la á sirk lan ti*²⁸. О прибыльности таких походов прямо свидетельствует, например, надпись из Гордбю: *þurtsaiñ kiarþif tiR irenmunt sun sin aukkaubti pinsa bu auk aflafi austr i karþum*²⁹.

Обширная географическая номенклатура рунических надписей свидетельствует о близком знакомстве скандинавов того времени с территорией Восточной Европы. Конечно, их знания зачастую расплывчаты, иногда ошибочны, что связано с общим уровнем развития географических представлений в средневековой Скандинавии³⁰. Однако само разнообразие названий (включая названия стран и племен Восточной Европы, топонимы, гидронимы и т. д.), как и их количество (до 20) не имеют аналогий среди надписей, упоминающих о других областях Европы: Англии, Фризии, Саксланде и др. Практически все географические названия, встречающиеся в рунических текстах, будут позднее использоваться в литературных памятниках и в географических компендиумах, где описания Восточной Европы основаны исключительно на местной, скандинавской традиции. Разумеется, в них номенклатура значительно шире, а весь материал суммирован и обобщен. Но, очевидно, можно говорить о том, что традиция географических сведений о Восточной Европе закладывалась именно в эпоху викингов. Уже в рунических надписях можно обнаружить первые попытки осмысления географических данных, стремление определить расположение отдельных областей относительно Скандинавии, как, например, в неоднократно встречающихся выражениях «на востоке в Гардах» — *austr i karþum*; «на юге в Серкланде» — *sunnarla i serklanti*; «на западе в Англии» — *ustarla i eklanti*.

Собственно географические названия в наибольшей степени привлекали внимание исследователей, и, как правило, там, где речь идет об этой группе надписей (начиная с упомянутой выше статьи О. Монтелиуса), дается краткая характеристика топо-

---

²⁸ «Тола велела установить этот камень по своему сыну Гаральду, брату Ингвара; они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов. Умерли на юге в Серкланде». — Gripsholm, Söd., 179.

²⁹ «Торстейн сделал памятник по Эринмунду, своему сыну, и приобрел этот хутор и нажил добро на востоке в Гардах». — Veda, Up., 208.

³⁰ См. подробнее: Е. А. Мельникова. Древняя Русь в исландских географических сочинениях. — Корпус древнейших источников по истории народов СССР. Материалы и исследования, вып. 1 (в печати).

нимов, приводятся соответствующие тексты³¹. Не останавливаясь на этом вопросе отдельно, отметим только, что было бы плодотворным их сопоставление с географической номенклатурой «Повести временных лет» и других древнерусских памятников. В целом большинство географических названий в рунических надписях относится к районам северо-западной части Восточной Европы. Особенно хорошо и подробно им известна восточная Прибалтика, ее земли, племена, которые были не только транзитной зоной для стремящихся на Русь скандинавов, но представляли для них самостоятельный интерес.

Хотя сведения о Восточной Европе в рунических текстах и ограничены, их значение как наиболее ранних письменных источников о русско-скандинавских связях чрезвычайно велико. Их соотнесение с данными археологии, с одной стороны, и с более поздними письменными памятниками, с другой, позволяет использовать их как исторические источники более широко, чем это делалось раньше³², а комплексное изучение всех надписей, имеющих отношение к данной теме, уточняет и пополняет наши знания о раннем этапе русско-скандинавских отношений.

---

³¹ Из новейших работ укажем: S. B. F. Jansson. Om främmande länders och orters namn. — «Ortnamnsällskapet i Uppsala. Arsskrift, 1954; E. Wessén. Historiska runinskrifter. Stockholm, 1960.

³² Единственная известная нам работа, где рунические надписи используются как источник по истории социально-экономической жизни Скандинавии XI—XII вв., показывает плодотворность такого подхода (см.: A. Ruprecht. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958).

XI—XII SAJANDI SKANDINAAVIA RUUNIKIRJAD IDA-EUROOPA RAHVASTEST

E. MELNIKOVA

Resümee

Viikingite-aja ruunimälestised on Ida-Euroopa rahvaste ning Vene-Skandinaavia suhete kohta esimesed skandinaavia kirjalikud allikad.

Raidkirja sõnavaras ja geograafilises nomenklatuuris on väärtuslikke andmeid valgustamiseks skandinaavlaste osavõttu Vana-Vene riigi ühiskondlikust ja majanduselust. Ruunikirja tekstide ja hilisemate nii skandinaavia kui ka vene kirjalike allikate võrdlemine annab võimaluse kasutada neid veelgi laiemalt kui ajalooallikana.

DE SKANDINAVISKA RUNSKRIFTERNAS VITTNESMÅL OM FOLKEN I ÖSTEUROPA PÅ 1000—1100-TALET

E. MELNIKOVA

Resumé

Vikingatidens runstenar är de första skandinaviska skriftliga källorna, som innehåller uppgifter om folken i Östeuropa och de skandinavisk-ryska förbindelserna vid denna tid. Skrifternas ordförråd och geografiska nomenklatur innehåller värdefulla uppgifter, som kastar ljus över det skandinaviska deltagandets karaktär och form i den fornryska statens samhälleliga och ekonomiska liv. En jämförelse av runtexterna med senare skriftliga källor, såväl skandinaviska som ryska, möjliggör en bredare tillämpning av dem som historisk urkund.

ПАМЯТНИКИ ТИПА ЛИННАВУОРИ В КАРЕЛИИ

В XIX в. среди ученых, занимавшихся изучением археологических памятников Финляндии, особенно популярной была тема о так называемых «исполинских крепостях». Под этим подразумевались сооружения из дикого камня, опоясывающие вершины возвышенностей в 1—2—3 ряда, приближающиеся по своей форме к прямоугольнику или овалу, в которых исследователи находили несколько входов или ворот.

Вопрос о том, когда, с какой целью и кем «исполинские крепости» были сооружены, дал основание для многочисленных гипотез, одна из которых опровергала другую, и ни одна из них не получила всеобщего признания. Вольная датировка от периода каменного века и до средневековья, произвольная трактовка назначения (их называли «святилищами» последних язычников либо загонами для оленей) и этнического определения, когда строительство крепостей приписывалось каким-то легендарным, таинственным обитателям, а затем германцам, которые по образу жизни были «водным народом»¹, слабая изученность «крепостей», отсутствие планомерных работ в них привело к тому, что в конце 30-х годов на эту тему уже не заговаривали.

Наиболее крупное исследование по этой тематике — вышедшая в 1891 г. работа Я. Аппельгрена, посвященная крепостям на территории Финляндии, северо-западных берегах Ладожского озера и Аландских островах. Задавшись целью сопоставить топонимы Линनावуори (каменная крепость на лысой горе) и Линнамьяки (каменная крепость на лесистой горе) с конкретными древними памятниками, он собрал сведения более чем о 300 так называемых «крепостях»².

Уже в начале XX в. Ю. Айлио вполне обоснованно вычеркнул из списка памятников большинство «древних крепостей» в южной части Хяме, в районе Тулоса, на том основании, что их

¹ *J. Ailio. Ovatko Pohjanmaan «jättiläislinnat» muinaisjäännöksiä? Suomen museo, XXIX, 1922.*

² *J. Appelgren. Suomen muinaslinnat. — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XII, 1891.*

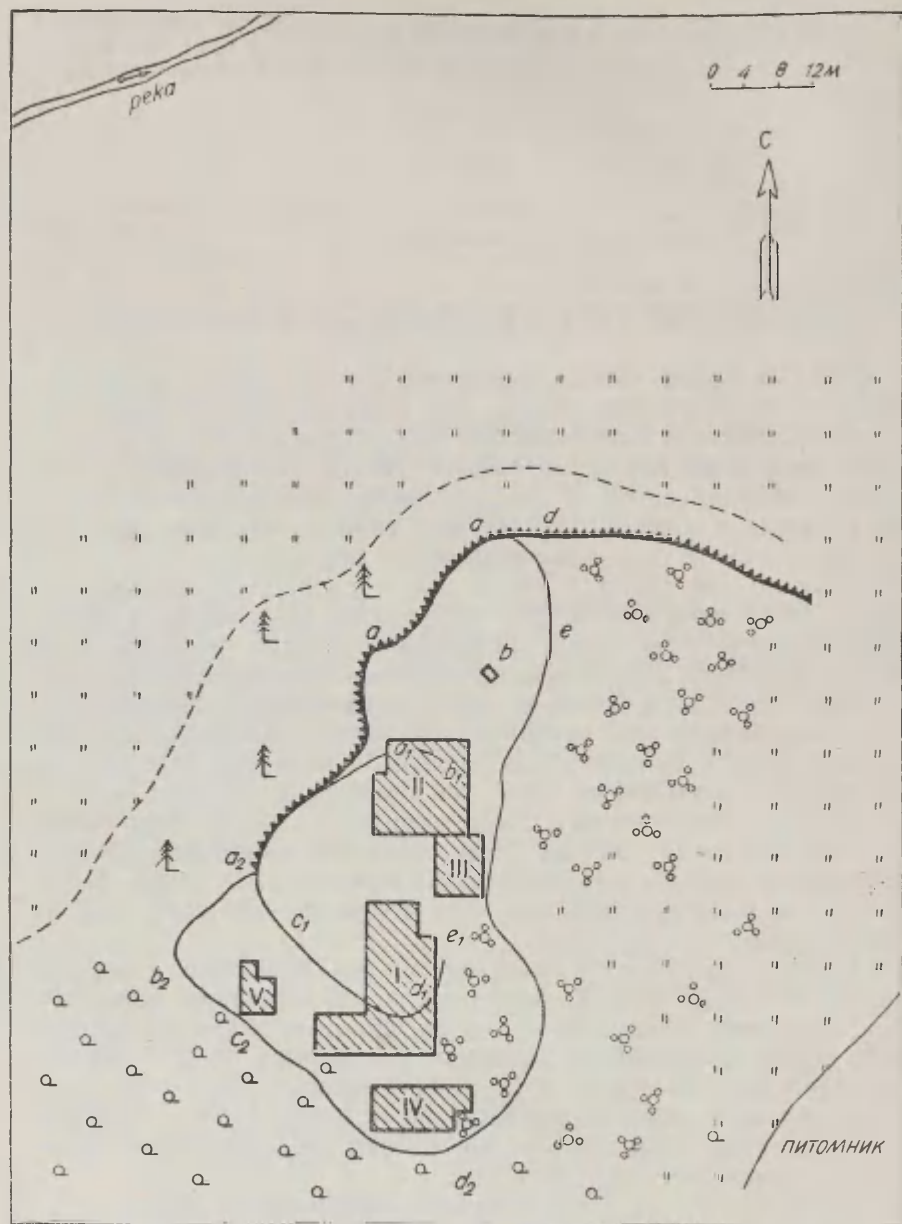

Рис. 1. План городища у Куркийоки.

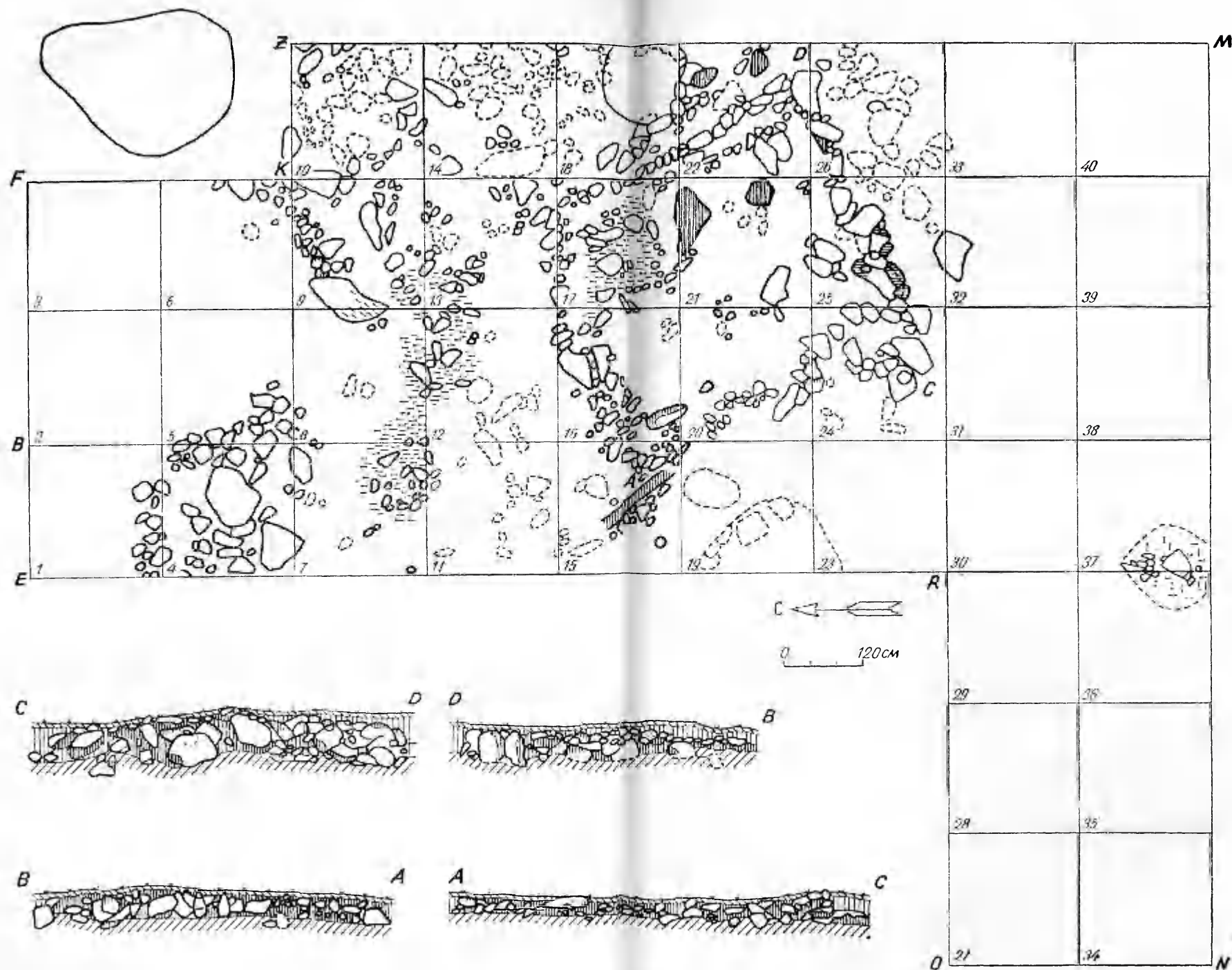

Рис. 2. Фундамент жилища в раскопе I.
Планиграфия и стратиграфия.

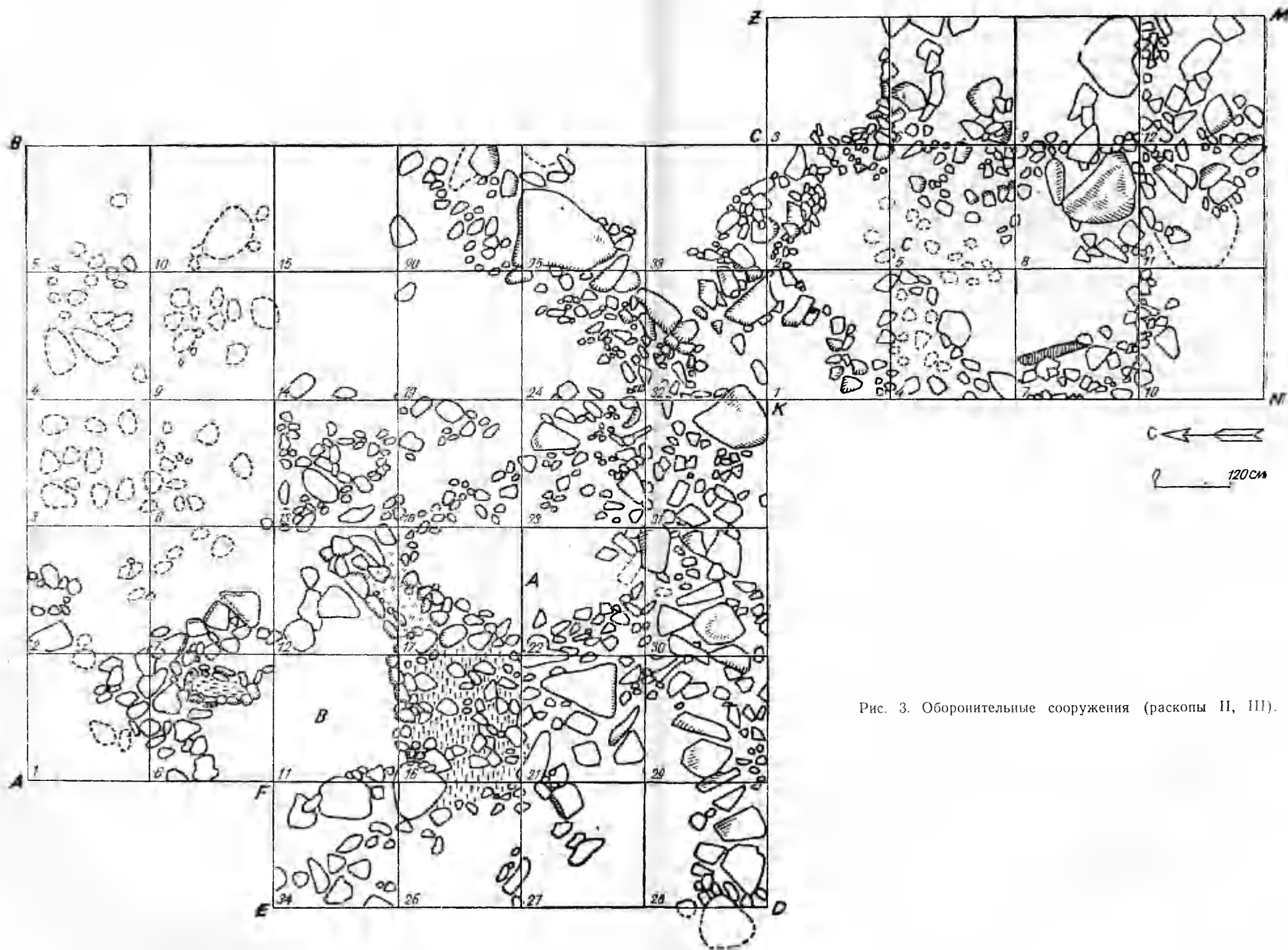

Рис. 3. Оборонительные сооружения (раскопы II, III).

«оборонительные сооружения» — природного образования³, а в 1922 г. на примере крепостей из Похьянмаа подверг сомнению и многие другие, также увидев в них природные образования.

На наш взгляд, основным критерием признания объектов археологическими является наличие предметов материальной культуры, ибо трудно представить, чтобы на городищах с каменными укреплениями, даже если они использовались только в качестве временного убежища, отсутствовал какой-либо инвентарь. Из 300 «крепостей», перечисленных Я. Аппельгреном, только на 12 собраны археологические предметы, убеждающие в том, что мы действительно имеем дело с древними памятниками, и позволяющие определить, хотя бы приблизительно, время их существования. Обо всех остальных сказать что-нибудь определенное без анализа и дополнительных раскопок нельзя⁴.

В выделенной группе памятников, объединенных общими топонимами Линनावуори и Линнамяки, есть такие, на которых найдены вещи каменного века и эпохи раннего металла: Икалинен-Арасало, Лайтила-Хаутвуори и Ускела (Финляндия)⁵; памятники, датирующиеся периодом до X в.: Кокемяки-Линналуото, Кауттуа, Тулос-Рюэмянлинна (Финляндия); самые поздние из всей группы археологические объекты, относящиеся к периоду XII—XV вв.: Ноусиайнен, Хакостаро (Финляндия), Хаменлахти, Куркийоки, Сур-Микли (Лахденпохский район КАССР), Тиверск (Ленинградская область). Одни из них служили местом постоянного обитания, другие использовались только в случае опасности, на третьих вскрыты захоронения.

Примером долговременного поселения может служить исследовавшееся еще в XIX в. и дополнительно раскопанное в 1971 г. городище у Куркийоки (№ 267 по Аппельгреноу)⁶. Памятник занимает четыре разновысокие террасы возвышенности (рис. 1). Самая высокая ее часть 31,77 м над уровнем реки не заселялась. Пространство между возвышенностью и омываемой с севера рекой Рахоланйоки занято лугом. На южном склоне горы разбит яблоневый питомник, еще южнее проходит шоссейная дорога.

Внешние оборонительные линии на городище во времена Аппельгрена сохранились значительно лучше. Каменные стены были построены там, где существовала наибольшая угроза на-

³ J. Ailio. Tuuloksen muinaislinnat. Suomen museo, XXXI, 1924.

⁴ В 1970—1971 гг. экспедициями Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР был проверен участок от Ляскеля до Куркийок, где в ряде пунктов прослежены укрепления из камня: на о. Мякисало, Тулолансаари, Хииретсаари, Тукианмяки, но иных следов человеческой деятельности не обнаружено.

⁵ В данной статье мы не касаемся вопроса синхронности каменных сооружений и находок.

⁶ Материалы раскопок XIX в. хранятся в Национальном музее в Хельсинки, 1970—1971 гг. — в фондах Института ЯЛИИ.

падения: на западной стороне три отрезка стены, на восточной два длиной в 20, 25, 35, 15 и 25 м при ширине 2 м и высоте 0,7 м (прежняя высота, конечно, была больше, так как в настоящее время прослеживается только основание стен). Третья стена, сложенная из «очень больших камней», поэтому и сохранившаяся лучше, длиной 30 м, проходила между уступами, затем делала поворот вовнутрь городища, пересекая его в направлении северо-восток — юго-запад, защищая восточную часть поселения (часть этой стены прослежена при раскопках 1971 г.).

Исследованию памятника положили начало учащиеся агрономической школы. В 1882 г. они нашли двулезвийный меч и перекладину от другого, топор, втульчатые наконечники копий, рукоять кнута, удила, серп, разнообразные женские украшения: круглые выпуклые фибулы со звериным орнаментом (тип А по классификации Аппельгрена), крестообразную бронзовую фибулу, орнаментированную овальную фибулу (тип 27 по Петерсену), глазчатые бусы и т. д. Когда раскопки продолжил Аппельгрэн, то обнаружил само погребение в виде обгоревших костей вместе с золою и углями, расположенное на площадке из камней. Налицо трупосожжение, по меньшей мере двойное: мужское и женское, совершенное не позднее X в., скорее всего в его начале, и предшествовавшее появлению городища.

Остальные пять вскрытых Аппельгреном участков приходятся на северный мыс. Остатками очагов, видимо, можно считать раскопанные им овальной формы ямы глубиной 0,4—0,5 м, дно которых выложено камнями. Обычно в них встречаются кусочки обожженной глины, фрагменты керамики, иногда сожженные кости. Классификация подобных ям как очагов подтверждается и нашими раскопками. В северо-западной части Линнавуори, на окраине городища, выявлена яма конической формы глубиной более метра. Она заполнена темно-коричневым культурным слоем с камнями, грязно-желтым песком и углистым слоем. На дне лежала плоская обожженная плита, а под ней в пределах ямы распространялась обожженная глина. В яме найден венчик гончарного сосуда с нагаром на внешней стороне.

В XIX в. раскопано два холма округлой формы (2,6×2,6 м и 3,5×3,5 м), небольшие по высоте — 0,4—0,5 м. В первом холме обнаружены остатки бревен, в центре другого — следы частично сгнившей и сгоревшей деревянной рамы. При раскопках были собраны фрагменты гончарной керамики. Аналогичный по форме холм, с метровым диаметром основания и высотой 0,5 м, раскопан в 1971 г. на северном мысу Линнавуори и состоял из камней и земли, поросших травой. После снятия верхней каменистой части обнаружилось гумусированное с небольшим вкраплением углей пятно, в центре которого была четырехугольная каменная двухъярусная кладка. Нижний ярус,

большой по занимаемой площади, выложен из валунов (отверстия между ними заполнялись глиной), верхний, меньший — из плоских камней. Около кладки найден фрагмент обожженного человеческого позвонка и небольшие кусочки сгнившего дерева. Несомненно, памятник не поврежден, но определить его назначение и смысл, равно как назначение и смысл раскопанных Аппельгреном холмов, весьма затруднительно.

Траншеи, заложенные на северном мысу городища предшествовавшим исследователем, дали материал XI—XII вв.

На самом городище раскопано 444 кв. м, т. е. почти, за небольшим исключением, вся площадь. Выявлен комплекс оборонительных укреплений, состоящий из каменных стен и фундаментов сооружений (рис. 2). Каменный фундамент жилища, приблизительная площадь которого 25 кв. м, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток (раскоп I). Наиболее мощной была южная сторона фундамента (СД), так как в этой части грунт понижается и строители, соорудив разновысокие стены, сделали поверхность фундамента строго горизонтальной. Верхняя часть жилища, вероятно, была деревянной, так как вокруг фундамента встречались остатки дерева.

Вход, обозначенный крупными валунами (у входа значительное западание культурного слоя), находился с восточной стороны. Справа, в углу жилища — очаг круглой формы, по контуру выложенный камнями и заполненный утрамбованной глиной. Расположение очага у входа в жилище находит аналогии среди строительных комплексов Тиурилиннасаари (Тиверский городок русских летописей), где очаг размещался либо в центре, либо в ближайшем от входа углу, но никогда не в глубине жилища. Примечательна находка сланцевого тесла под юго-восточным углом фундамента, датирующегося поздним мезолитом или ранним неолитом, помещенного туда, видимо, с какими-то ритуальными целями.

Южнее жилища расчищен комплекс, условно называемый печью, выглядевший следующим образом: на дне ямы залегала прослойка обожженной глины, над ней слой глины с обильной примесью углей, а затем каменный свод с глиняным заполнением, под которым найден фрагмент плоского дна гончарного сосуда и обломок массивной железной пластины.

С северной стороны жилища, со стороны реки, выявлено два отрезка стены, между которыми было пустое, оставшееся, вероятно, от ворот пространство. Для сооружения стены использовались крупные валуны, к которым добавлялись камни поменьше. Использование естественного камня для строительных сооружений без какого-либо связующего раствора — характерная черта известных к настоящему времени городищ с каменными стенами северо-западного побережья Ладожского озера, в том числе и куркийокского. Между фундаментом и опи-

санными стенами размещалось два очага такой же конструкции, что и жилищный очаг. Назначение этих внешних очагов не до конца ясно, но если бы жители городища устроили здесь наблюдательный пункт, это было бы, на наш взгляд, разумно — вся река и подступы к городищу на виду.

Вторая линия оборонительных сооружений, севернее первой, состоит из мощной стены длиной 13 м, шириной 1,4—2,7 м, еще сейчас имеющая высоту 0,45—0,85 м (это та стена, которую Аппельгрэн заметил на поверхности). С севера к ней примыкали две постройки-жилища, находящиеся на одной линии с вышеописанным фундаментом (рис. 3 — раскопы II, III). В застройке А общей площадью 19 кв. м в северо-восточном углу помещался очаг с каменным венцом и глинистым заполнением. В северо-восточном углу постройки В (13 кв. м) был очаг той же конструкции и тех же размеров, что и в предыдущих фундаментах.

В единую оборонительную систему городища входил еще один четырехугольный фундамент площадью 16 кв. м (западный угол раскопками не захвачен). Видимо, нападения противника можно было ожидать только со стороны реки, поэтому оборонительным сооружениям, направленным на защиту северного мыса городища, придавалось серьезное значение.

Среди находок, собранных на городище (единичные предметы украшения, гвозди, стамески, железные накладки, ключи, точильные бруски), нет твердо датированных вещей, что затрудняет датировку памятника. Вскрытые комплексы на Куркийокском городище свидетельствуют о его долговременном использовании. В X в. на возвышенности было совершено погребение, в XI—XII вв. существовало, видимо, неукрепленное поселение, судя по раскопкам Аппельгрена, и, наконец, позднее, под угрозой внешнего нападения воздвигнуты мощные каменные сооружения. Косвенным доказательством их датировки служит тот факт, что фундаменты жилищ близки каменным постройкам Тиверского городка. Это дает основание и куркийокские сооружения датировать весьма приблизительно XIV—XV вв., а если учесть полную несинхронность комплексов вещей обоих памятников, — и более поздним временем.

В нашем распоряжении нет фактов, которые говорили бы о внезапной гибели населения и городища. Видимо, каменные укрепления успешно выполнили отведенную им роль.

Городищу у Куркийоки свойственны черты, характерные и для других городищ с каменными укреплениями северо-западных берегов Ладожского озера, заключающиеся в выборе места для поселения, строительных особенностях и в топонимии, хотя выявленная степень сходства не является основанием для выводов этнического порядка.

MAALINN KARJALAS

S. KOTSKURKINA

Resümee

J. Appelgreni töös (1891. a.) esitatakse arheoloogilisi andmeid enam kui 300 Soomes ning Laadoga järve kirdekaldal ja Ahvenamaa saartel esineva maalinna ja linnamäe kohta. 12-l neist on saadud arheoloogilisi leide, mis võimaldavad jagada muistised kolme kronoloogilisse rühma: esimene on dateeritav kiviaja ja varajase rauaajaga; teine kuni X saj.; kolmas — XII—XV saj. Uhtesid neist kasutati alalise elukohana, teisi varjupaikadena, kolmandaid kui matusepaiku. Pikaajalise asustuse näiteks võib tuua juba XIX saj. uuritud ning 1971. a. NSVL TA Karjala filiaali ekspeditsiooni poolt täiendavalt kaevatud muistset Kurkijoki linnust. XIX saj. kaevamistel saadi andmeid X—XII saj. kohta. 1971. a. leiti linnusel kivimüürist ja neljast keskel asetsevate kolletega alusmüürist koosnev kaitsekindlustuste kompleks, samuti koguti rikas esemeline materjal dateerimaks maalinna eksisteerimise viimaseid etappe, ligikaudu XIV—XV saj., aga võib-olla veelgi hilisemat perioodi.

Kurkijoki linnus on sarnane teiste Laadoga järve kirdealade muististega. See tuleb ilmsiks asula koha valikus, ehitamise eripäras ning toponüümikas, kuigi see, meie arvates, ei saa olla järelduste aluseks etnilises mõttes.

LINNAVUORI I KARELEN

S. KOTJKURKINA

Resumé

I J. Appelgrens avhandling (1891) finns uppgifter om mer än 300 Linnavuori (stenfästning på kalberg) och Linnamäki (stenfästning på skogsklätt berg), vilka påträffats på Finlands territorium, på Ladogasjöns nord-västra stränder och på Åland. I tolv av dem har man funnit arkeologiska föremål, som möjliggör en uppdelning av dessa fornmärken i tre kronologiska grupper: den första daterar sig till stenåldern och tidig järnålder; den andra hänför sig till perioden före 900-talet; den tredje till 1100—1400-talen. Några av dem tjänade som ständig boplat, andra användes som tillflyktsort, andra återigen som begravningsplats.

Ett exempel på långvarig bebyggelse kan fästningsruinen vid Kurkjock, vilken utforskades redan på 1800-talet och ytterligare utgrävdes 1971 under en expedition av Karelens filial av Sovjetunionens Vetenskapsakademi, uppvisa. Utgrävningarna på 1800-talet gav material från 900—1100-talen. 1971 upptäcktes i fästningsruinen ett komplex försvarsbefästningar, som består av stenmurar och fyra byggnadsfundament med eldhärdar inuti, man samlade mångsidigt sakmaterial, som hänför sig till Linnavuoris slutetapp i Kurkjock, vilken ungefärligen infallit på 1300—1400-talen eller måhända något senare.

Fästningsruinen vid Kurkjock utmärkes av drag, som präglar även andra forminnen med stenbefästningar längs Ladogasjöns nordvästra stränder och som består i valet av plats för bebyggelsen, särdrag i byggnationen och i toponymin. Den upptäckta likhetsgraden är dock enligt vår mening inte någon grund för slutsatser av etnisk karaktär.

IV. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

Б. Ф. ПОРШНЕВ КАК ИСТОРИК-СКАНДИНАВИСТ

26 ноября 1972 г. в Узком (под Москвой) скончался Борис Федорович Поршнев — видный советский историк, доктор исторических и философских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР¹.

Б. Ф. Поршнев родился 7 марта 1905 г. в Петербурге в семье инженера (мать — педагог). После окончания (1922 г.) в Петрограде средней школы он стал студентом факультета общественных наук Московского университета; здесь он учился в 1922—1925 гг. С апреля 1924 по апрель 1925 г., еще будучи студентом, он работал секретарем редакции журнала ВЦИК «Власть Советов».

Окончив аспирантуру Института истории РАНИИОН (1926—1929), Б. Ф. Поршнев начал работать доцентом в Северо-Кавказском комвузе в Ростове-на-Дону (1929—1932). По возвращении в Москву в 1932 г. он преподавал в Московском областном пединституте и МИФЛИ. В декабре 1940 г. им защищена докторская диссертация на тему: «Народные восстания во Франции в XVII в.». В начале 1941 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

С 1943 г. по октябрь 1968 г. Б. Ф. Поршнев являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, где руководил сектором новой истории. С октября 1968 по 1972 г. он работал в Институте всеобщей истории АН СССР в долж-

¹ При написании данной статьи нами использованы документы личного дела Б. Ф. Поршнева (послужной список, списки научных трудов и другие материалы), хранящегося в Институте всеобщей истории АН СССР в Москве. См. также о нем: «Борис Федорович Поршнев» (некролог). — «Новая и новейшая история», 1973, № 1; «Б. Ф. Поршнев» (некролог). — «Советская Россия», 29 ноября 1972 г.; «Борис Федорович Поршнев» (некролог). — «Вопросы истории», 1973, № 1; *J. Bruhat*. Boris Porshnev historien soviétique ami de la France. — «L'Humanité», 24. I. 1973 (некролог); «Советская историческая энциклопедия», т. II. М., 1968, стр. 459; «К 60-летию Бориса Федоровича Поршнева». — «Новая и новейшая история», 1965, № 2; *Е. Д. Романова*. Список трудов Б. Ф. Поршнева (1966—1972). — В кн.: «История и историки. 1972». М., 1973, стр. 402—406; библиография трудов Б. Ф. Поршнева, опубликованных до 1966 г. — в кн.: «История и историки». М., 1966.

ности старшего научного сотрудника, а затем руководителя сектора истории развития общественной мысли. Одновременно Б. Ф. Поршнев занимался педагогической работой в МГУ и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Будучи ученым с мировым именем, Б. Ф. Поршнев принимал активное участие в международной научной жизни, достойно представляя советскую науку за рубежом. Он неоднократно входил в состав делегаций советских историков, этнографов и антропологов на различных международных совещаниях, встречах, симпозиумах, конференциях и конгрессах. В 1956—1972 гг. Б. Ф. Поршнев бывал в заграничных командировках во Франции, Швеции, Финляндии, Австрии, Японии, Польше, Румынии, Чехословакии, Венгрии и ГДР. В 1956 г. его избрали доктором *honoris causa* Клермон-Ферранского университета (Франция).

Б. Ф. Поршнев был историком широкого профиля, крупным ученым и педагогом. Его перу принадлежит более 160 научно-исследовательских работ, в том числе ряд больших монографий, представляющих существенный вклад в марксистско-ленинскую историческую науку.

На протяжении своей жизни Б. Ф. Поршнев изучал массовые социальные движения в средние века и новое время. Ведущим направлением его исследований являлось раскрытие роли крестьянских и рабочих движений этого времени. Его фундаментальный труд о народных восстаниях во Франции², написанный на основании многочисленных источников, получил международное признание³ и вызвал многочисленные отклики в мировой научной периодике.

Серьезное внимание Б. Ф. Поршнев уделял теоретическим вопросам — методологическому и социологическому обобщению проблемы о роли и формах массовых народных движений. По этой теме в 1964 г. им был подведен итог длительных конкретно-исторических исследований в опубликованной работе «Феодализм и народные массы»⁴, в 1966 г. защищенной в качестве диссертации на ученую степень доктора философских наук.

В течение многих лет Б. Ф. Поршнев разрабатывал историю социалистических идей. Особенно углубленно он изучал фигуры французских социалистов-утопистов XVIII в. — Жана Мелье и Леже-Мари Дешана⁵. Под редакцией Б. Ф. Поршнева изданы сборники статей и материалов, в частности, «История социали-

---

² Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.—Л., 1948.

³ В 1954 г. эта работа переведена на немецкий, а в 1963 г. и на французский языки.

⁴ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964.

⁵ Б. Ф. Поршнев. Жан Мелье. М., 1964; *его же*. Мелье, Морелли, Дешан. — В кн.: «Век просвещения». М.—Париж, 1970.

стических учений»⁶; первый том этого издания получил высокую оценку на страницах научной и партийной печати, переведен за рубежом.

Б. Ф. Поршнев развивал большую и плодотворную деятельность в различных сферах истории и смежных наук. Он работал также в области философии марксизма, социальной (общественно-исторической) психологии, общей психологии и антропологии. В 1963 г. он был избран членом Международного социологического института (Италия). В 1966 г. он опубликовал книгу «Социальная психология и история»⁷.

Б. Ф. Поршнев являлся бессменным членом редколлегии журнала «Новая и новейшая история» со времени его основания (1957 г.). Он также был членом главной редакции «Всемирной истории» и членом редколлегии «Французских ежегодников».

Обладая широким диапазоном научных интересов, Б. Ф. Поршнев интересно разрабатывал историю международных отношений XVII—XVIII вв. Он вскрывал влияние народных движений и классовой борьбы на внешнюю политику правительств Западной, Центральной, Восточной и Северной Европы, выявляя при этом международную роль России в системе европейских государств того времени⁸. Б. Ф. Поршнев приветствовал и поощрял исследование советскими историками дипломатических сношений России с иностранными государствами, в частности, со Швецией в XVIII в.⁹; он живо откликался на работы Е. В. Тарле, Т. К. Крыловой, С. А. Фейгиной, Л. А. Никифорова, Г. А. Некрасова и др.¹⁰

Особую область в научных интересах Б. Ф. Поршнева занимала скандинавистика (история скандинавских стран). Он принимал непосредственное и деятельное участие в формировании этой молодой отрасли советской науки, которая сложилась в основном в 1950—1960-х годах. В это время был завершён ряд работ, главным образом по экономической истории Швеции и русско-шведским отношениям (труды Е. В. Тарле, Б. Ф. Порш-

---

⁶ «История социалистических учений», т. 1, М., 1962; т. 2, М., 1964.

⁷ Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966.

⁸ См.: Б. Ф. Поршнев. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. — «Ученые записки Академии общественных наук», вып. II, М., 1948. На XI Международном конгрессе историков в Стокгольме (август 1960 г.) Б. Ф. Поршневым был представлен доклад «Политические отношения Восточной и Западной Европы в эпоху Тридцатилетней войны» (B. F. Porshnev. Les rapports politiques de l'Europe occidentale et de l'Europe orientale a l'époque de la guerre de trente ans. — «Rapports du XI-e Congrès international des sciences historiques», Stockholm, 21-28 août 1960, IV).

⁹ См.: «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 109.

¹⁰ См.: Б. Ф. Поршнев. Рец. на книгу: Г. А. Некрасов. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. — «Новая и новейшая история», 1965, № 6.

нева, О. Л. Вайнштейна, Г. А. Некрасова, И. П. Шаскольского и др.).

Б. Ф. Поршнев с самого начала активно поддерживал инициативу создания печатного органа советских скандинавистов — «Скандинавского сборника». На его первых страницах в 1956 г. была опубликована статья Б. Ф. Поршнева «Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг.»¹¹.

Б. Ф. Поршнев приветствовал и отстаивал идею комплексного изучения проблем скандинавистики, призывая к всестороннему исследованию стран Северной Европы учеными различного профиля (историками, экономистами, этнографами, филологами и лингвистами). Он был постоянным участником все-союзных конференций скандинавистов, на которых сделал ряд интересных сообщений и докладов. Так, на первой научной конференции скандинавистов в Тарту (1963 г.) он предложил сообщение на тему: «Русское посольство в Швеции в 1633—1634 гг.»¹²; на II конференции скандинавистов в Ленинграде (1965 г.) — доклад «Шведское посольство в Москву в 1634 г.»¹³; на III конференции в Тарту—Кяэрику (1966 г.) — доклад «Попытка шведского завоевания Германии (Густав-Адольф, 1630—1632) и благоприятствовавшие ей социальные условия в Германии»¹⁴; на IV конференции скандинавистов в Петрозаводске (1968 г.) — доклад «Стумсдорфский мир 1635 г.: его историография и историческое значение»¹⁵; на V конференции скандинавистов в Москве (1971 г.) — доклад «Итоги исследований исторических условий вступления Швеции в Тридцатилетнюю войну»¹⁶ (по болезни автора не зачитанный).

Б. Ф. Поршнев принимал самое живое участие в разработке и обсуждении актуальных проблем скандинавистики, определяя дальнейшие направления и перспективы исследований в этой области. Он участвовал в рабочих совещаниях и дискуссиях по подготовке коллективного марксистского обобщающего

---

¹¹ «Скандинавский сборник», I. Таллин, 1956. В вып. II (1957 г.) — опубликована статья Б. Ф. Поршнева «Швеция и Вестфальский мир», а в вып. XVII (1972 г.) — «Московское «Великое посольство» в Швецию в 1633 году».

¹² «Программа научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии». Тарту, 1963, стр. 5.

¹³ Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965, стр. 49—52.

¹⁴ «Тезисы докладов III научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран». Тарту, 1966, стр. 86—91.

¹⁵ «Тезисы докладов IV всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии», ч. I. Петрозаводск, 1968, стр. 195—197.

¹⁶ «Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии», ч. I. М., 1971, стр. 75.

труда по истории Швеции¹⁷, выдвинув ряд ценных рекомендаций и советов.

Крупным научным вкладом Б. Ф. Поршнева в советскую скандинавистику является изучение международных отношений периода Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) — первой войны общеевропейского масштаба¹⁸. Эти исследования сведены им незадолго до смерти в обширную монографию, ныне подготавливаемую к печати. Исследование Тридцатилетней войны основано Б. Ф. Поршневым на многолетнем изучении ранее мало использованных историками архивов (дела Посольского приказа и др.) по русской внешней политике и истории внутренней политической и социальной борьбы в России XVII в. Впервые им описано большое народное восстание в России в 1633—1634 гг. Основной вывод его исследования — глубокая взаимосвязь и взаимодействие исторических событий и процессов во всех странах Европы, включая Россию; он показал ошибочность традиционных представлений об изолированности России от истории Запада.

В итоге исследований Б. Ф. Поршнева по истории Тридцатилетней войны «шведский период» (1630—1635 гг.) этой войны отчетливо выступает как центральный и главный. Б. Ф. Поршневым показан, что экономические и политические аспекты борьбы за господство на Балтике в первой половине XVII в. много объясняют в перенесении правительством Густава-Адольфа военных действий с польского театра на германский (занятие Померании); общеевропейская международная политика, со своей стороны, втягивала шведскую армию в войну далеко от шведских границ и балтийского побережья. При исследовании автор учел внутреннюю обстановку в Германии, а также давление и субсидии Швеции со стороны Франции, Англии, России и Трансильвании.

Вторжение шведской армии в Германию и ее стремительные успехи имели социально-политические причины как внутри Швеции, так и внутри Германии. Б. Ф. Поршневым вскрыты внутри-

---

¹⁷ «История Швеции». Под редакцией А. С. Кана (отв. редактор), Г. А. Некрасова, И. П. Роздорожного, И. П. Шаскольского, О. В. Чернышевой, Ю. В. Кудриной. М., 1974.

¹⁸ По истории Тридцатилетней войны им опубликованы следующие статьи: «Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну». — «Исторический журнал», 1945, № 3; «Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны». — «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1945, № 5; «Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны». — «Вопросы истории», 1947, № 1; «Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг.» — «Скандинавский сборник», I. Таллин, 1956; «Швеция и Вестфальский мир». — «Скандинавский сборник», II, Таллин, 1957; «К вопросу о социально-политической обстановке в Германской империи в момент вторжения Густава-Адольфа (1630—1631)». — Сб. «Проблемы новой и новейшей истории», М., 1972; «Московское «Великое посольство» в Швецию в 1633 году». — «Скандинавский сборник», XVII. Таллин, 1972.

германские факторы, еще не освещенные в историографии. На основании источников он показал, что вторжение Густава-Адольфа приветствовали в Германии не столько князья и дворяне, сколько «низы» общества: крестьянство, плебейство, отчасти бюргерство, — они надеялись найти в его лице освободителя. Это проливает свет на судьбу Магдебурга, на кампании в Померании, Саксонии, Чехии, Австрии, как и на судьбу всего похода; Густав-Адольф всячески отмежевывался от непрошенных союзников и искал союза с князьями, но принужден был отступить из глубины Германии.

В последней из опубликованных книг Б. Ф. Поршнева¹⁹ два раздела посвящены шведской международной политике в конце Тридцатилетней войны. В гл. 6 § 3 рассмотрены перспективы экспансии и активного устремления Швеции в Центральную и Западную Европу во второй четверти XVII в.; здесь охарактеризовано положение Швеции в европейской политической системе в связи с тенденциями шведского периода Тридцатилетней войны. Автор не упускает из виду и верно вскрывает значение переговоров между патриархом Филаретом и Густавом-Адольфом в связи с ходом войны, смысл русско-шведского союза и ценность русских субсидий Швеции хлебом для ведения военных действий, место русско-польской (Смоленской) войны 1632—1634 гг. в истории Тридцатилетней войны.

Особенно подробно Б. Ф. Поршневым рассмотрена тема «Швеция и Вестфальские мирные переговоры» (см. гл. 3), где подверглись всестороннему анализу вопросы политики Швеции и Франции в этих переговорах. Напомним, что Франция вела тогда войну с Империей в союзе со Швецией; для того, чтобы война была прервана и мир заключен, требовалось желание Швеции; Франция могла добиться мира не иначе, как вместе со Швецией.

Автор тщательно обрисовывает внутреннее экономическое и политическое положение Швеции в конце Тридцатилетней войны, борьбу политических группировок в Стокгольме, чтобы ответить на вопрос о побудительных мотивах королевы Кристины и правящих кругов Швеции к прекращению войны в Германии. Б. Ф. Поршневу обращает внимание на нарастание классовых противоречий и рост недовольства в Швеции в 40-х годах XVII в. (крестьянские выступления в Далсланде, волнения в городах Стокгольме и Норчёпинге и т. д.), на внешнеполитическое положение Швеции (опасение ее войны с Польшей и боязнь остаться при продолжении войны с Германией без союзников).

В книге подробно анализируется международная обстановка и дипломатическая борьба в связи с Вестфальским миром,

---

¹⁹ Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

«померанский вопрос» (претензии Швеции на Померанию), франко-шведские отношения и позиции европейских держав к условиям вестфальских переговоров. Рассматривая Европу в качестве единого целого, как живую и подвижную политическую систему, Б. Ф. Поршнев связывал историю Западной и Центральной Европы с историей Восточной Европы, с политическими отношениями в Польско-Литовском и Московском государствах.

Обрисовывая различные аспекты сложных политических взаимоотношений в Европе, Б. Ф. Поршнев применял синхронистический метод, помогающий раскрыть важные причинные связи между историческими событиями и явлениями.

Труды Б. Ф. Поршнева отражают его яркую индивидуальность — непрерывный упорный научный поиск, чувство нового и отчетливо выраженный дискуссионный, полемический тон. Будучи крупным представителем советской историографии, Б. Ф. Поршнев в своих монографиях и статьях продемонстрировал творческое применение марксистско-ленинской методологии, глубокий историзм и диалектизм в подходе к изучаемым темам. Б. Ф. Поршневу присущи широта концепций, оригинальный философский ум, талант исследователя и блестящая литературная форма изложения.

B. F. PORŠNEV AJALOOLASE-SKANDINAVISTINA

G. NEKRASSOV

Resümee

26. novembril 1972. a. suri B. F. Poršnev — väljapaistev nõukogude ajaloolane ja sotsioloog, ajaloo ja filosoofiadoktor, professor, NSVL Riikliku preemia laureaat, doktor honoris causa Clairmond-Ferroni ülikoolis (Prantsusmaa), Rahvusvahelise Sotsioloogia Instituudi liige (Itaalia).

B. F. Poršnev oli laia profiiliga teadlane. Tema sulest ilmus üle 160 teadusliku uurimistöö, nende hulgas rida mahukaid monograafiaid, mis andsid olulise panuse marksistlik-leninlikku ajalooteadusse. Oma elu jooksul uuris ta massilisi sotsiaalseid ja klassiliikumisi keskajal, uusajal, aga samuti XVII–XVIII saj. rahvusvaheliste suhete ajalugu.

Kõige enam paelus B. F. Poršnevi skandinavistika. Suureks panuseks sel alal oli Kolmekümneaastase sõja (1618–1648), eriti rootsi perioodi rahvusvaheliste suhete uurimine.

B. F. Poršnevi tööd paistavad silma suure individuaalsuse poolest — lakamatud teaduslikud otsingud, uue tunnetamine, eredalt väljendatud diskussiooniline, poleemiline laad. B. F. Poršneville oli omane kontseptsioonide avarus, originaalne filosoofiline mõistus, uuriv talent ning käsitluse suurepärase kirjanduslik vorm.

B. F. PORSHNEV SOM HISTORIKER-SKANDINAVIST

G. NEKRASOV

Resumé

Den 26 november 1972 avled B. F. Porshnev, framstående sovjetisk historiker och sociolog, doktor i historia och filosofi, professor, tilldelad Sovjetunionens Statspremium, doktor honoris causa vid Clairmond-Ferronuniversitetet, (Frankrike) och medlem av Internationella Sociologiska Institutet (Italien).

B. F. Porshnev var en vetenskapsman med bred profil. Han är författare till mer än 160 vetenskapliga avhandlingar däribland en rad stora monografier, som utgör en väsentlig insats i den marxistisk-leninistiska historiska vetenskapen. Under sitt liv studerade han massornas sociala och klassrörelse under medeltiden och i modern tid samt de internationella relationernas historia på 16–1700-talet.

En särplats i B. F. Porshnevs vetenskapliga intressen intog skandinavistiken. Hans utforskningar av de internationella relationerna under Trettioåriga kriget (1618–1648), speciellt «Svensktiden» utgör en stor vetenskaplig insats.

B. F. Porshnevs arbeten återspeglar hans klara personlighet, det ständiga vetenskapliga sökandet, känslan för det nya och hans klart uttryckta diskussionslystna, polemiska ton. B. F. Porshnev präglades av en bred föreställningsvärld, ett originellt filosofiskt intellekt, forskarbegavning och en lysande litterär framställningsform.

ШВЕДСКИЕ ДОРОЖНЫЕ КАРТЫ XVII в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛАТВИИ

В третьем выпуске «Скандинавского сборника» была опубликована ценная статья знатока латвийских архивов Г. А. Енша «Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги», в которой упомянуты дорожные карты Видземе шведского времени. Эти карты исследователь относит к источникам, представляющим большой интерес¹. Задачей настоящей статьи является подробное ознакомление читателя с этим уникальным источником.

Карты находятся в фонде 7404 («Планы и описи Видземских имений») Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР (ЦГИА ЛССР) и составляют 34 дела под названием «*Neue Einrichtung der accurat gemessenen Landstrass-brücken im Rigischen Grenze*». На этих картах отображены все главные дороги Видземе вместе с довольно широкой придорожной полосой, а также — часть рижского патримониального округа, расположенная на левом берегу р. Даугава и простирающаяся до р. Лиелупе. Особый интерес представляют карты, на которых изображены дороги Земгале, так как сведения о расположении этих дорог на картах общего профиля XVII века более чем скудны.

Автор отдает себе отчет о трудностях при попытке дать подробную и полную источниковедческую и картографическую характеристику данного источника, сознательно оставляя эти сложные проблемы вне поля зрения, и сосредоточивает главное внимание на возможности, которые шведские дорожные карты открывают для дальнейшего изучения истории Латвии.

Надо отметить, что дорога в виде компонента на картах Латвии общего характера встречается уже в первой половине XVII века. Так, в 1647 г. была начерчена большая (около 4 м²) карта Лимбажского округа² (в Видземе), на которой нанесено

---

¹ «Скандинавский сборник», III. Таллин, 1958, стр. 242.

² ЦГИА ЛССР, ф. А-288, оп. 1, д. 612.

15 дорожных трасс, даже тех, которые можно было использовать только зимой («Winterstrasse»). В 1688 г. изготовлена карта Лифляндии³ (латвийская и эстонская часть), где зафиксированы дороги. К сожалению, две упомянутые карты не имеют легенды, поэтому их трудно расшифровать.

Первые специальные дорожные карты Видземе начерчены в 1695 г. королевским землемером Иоганном Абрамом Ульрихом (Johann Abram Ullrich). Надо полагать, что изготовление этих карт происходило соответственно инструкции короля Карла XI о подготовке картографического материала, изданного в 1681 г.⁴ Специфика карт свидетельствует о том, что они составлены с военно-стратегическими целями. На картах тщательно отмечено все то, что служит для военных нужд: в первую очередь — старые укрепления и даже холмы, которые можно приспособить для оборонительных надобностей; так называемые «новые дороги» («Neue Strasse», «Neue Quer-Strasse»), которые служили главным образом для передвижения войск. Так как Рига и Видземе играли важную роль в экономике Швеции, карты имели также большое значение в реализации экономической политики шведской администрации.

Возникает вопрос о месте дорожных карт Видземе среди подобного рода общеевропейского картографического материала. При нынешнем уровне и состоянии исследований картографического материала в Европе более или менее определенный ответ дать затруднительно. Полностью можно согласиться с точкой зрения немецкого исследователя В. Бонакера, отмечавшего, что «история карт путей сообщения еще не написана»⁵. Картографическая литература, перечисленная в справочниках и достигающая тысячи и более единиц, становится крайне немногословной, когда речь заходит о дорожных картах. Если не считать так называемых таблиц Пойтингера (Tabulae Peutingeriana), которые по существу являются позднеримскими дорожными картами, то первая средневековая карта в Европе, на которой нанесены трассы сухопутных дорог, появилась в Англии около 1335 г. («Gough map») ⁶. После почти столетия перерыва⁷ в картографии путей сообщения в Германии появляется новый вид карт, а именно, — карты путей паломников (Pilgerstrasse)⁸. В научной литературе существует взгляд,

³ ЦГИА ЛССР, ф. А-288, оп. 1, д. 1002.

⁴ Г. А. Енш. Документы... , стр. 241.

⁵ W. Bonacker. Das Urbild der modernen Strassenkarte. — В журн. «Strasse und Autobahn», 9/1958., S. 353.

⁶ E. Lynam. British Maps and Map-makers. London, 1944, p. 49.

⁷ Надо полагать, что такого перерыва в картографии путей сообщения не было. Однако дошедший до нас картографический материал не позволяет заполнить этот пробел.

⁸ L. Bagrow, R. A. Skelton. Meister der Kartographie. Berlin, 1963, S. 216—217.

что карта нюрнбергского часового мастера Этцлауба (Etzlaub)⁹ является первой картой такого рода, за которой последовали другие. В 1641 г. начерчена первая настоящая дорожная карта Германии (Totivs Germaniae novvm Itinerarivm)¹⁰. Во Франции дорожные трассы на картах стали наноситься, начиная с 30-х гг. XVII в. (Travenier в 1632 г., Boisseau в 1645 г., Jailott в 1689 г.)¹¹, а в Швеции — около 1644 г.¹²

Все вышеупомянутые карты характеризуются большой схематичностью, скудным справочным материалом и по существу указывают только направление дорог. Совсем другой характер имеют дорожные карты Англии, составленные в 1675—1698 гг. историком и составителем карт Джоном Огилби (Jon Ogilby), личность которого весьма интересна и его разносторонней деятельностью (заметим, что одновременно он работал учителем танцев, актером, переводчиком и т. п.)¹³. Эти карты были созданы в одно и то же время со шведскими дорожными картами Видземе и по своему характеру имеют много общего. В обоих случаях внимание составителя концентрировалось на точном нанесении дорожных трасс (с масштабом и ориентацией) и на снабжении возможно более полным справочным материалом о придорожном районе.

Дорожные карты Видземе XVII в. были известны исследователям, однако до 1960-х годов этот ценнейший материал не вводился в научный оборот. Первым исследователем, широко использовавшим данные этих карт для реконструкции сети путей сообщения Латвии в X—XIII вв., был Э. С. Мугуревич¹⁴. Автор этих строк использует те же карты для реконструкции сети сухопутных дорог, для исследования физического состояния дорог, для характеристики путей сообщения в экономическом аспекте и т. п.¹⁵

Главнейшими компонентами для реконструкции сети путей сообщения, а также физического состояния дорог и условий транспорта являются трассы дорог, нанесенные на картах цветной сигнатурой и ограниченные двумя линиями. Кроме того, на трассах дорог отмечены места ремонта и улучшения качества дорог (дамбы, насыпи, канавы и т. п.). Зафиксированы корчмы,

⁹ W. Bonacker. Das Urbild . . . , S. 353.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ H. Cavailles. La Route Francisce. Paris, 1946, p. 10; Fig. 2; T. Wasowicz. Z historii drog we Francji. — В журн. «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej». Warszawa, 1965, № 2, s. 395.

¹² H. Richter. Skånes karta från mitten av 1500 talet till omkring 1700. Bidrag till en historisk-kartografisk undersökning. D. 2. Kartbilagor № 2. Lund, 1927.

¹³ R. Brayton-Williams. Investing in Maps. New-York, 1969, p. 57—60.

¹⁴ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

¹⁵ V. Pāvulāns. Satiksmes ceļi Latvijā XIII—XVII gs. R., 1971.

переправы, мосты, дано расстояние в шведских милях. Можно найти и некоторые сведения о конструкции упомянутых сооружений. Наиболее интересны карты крупных транзитных дорог: Рига—Тарту¹⁶, Рига—Пярну¹⁷, Рига—Алуksне¹⁸.

Судя по многим документальным источникам, шведская администрация имела в виду программу дальнейшего улучшения качества дорог, что отражается и на картах: например, начатое строительство мостов через р. Гауя и Салаца с обозначением «Brücken anfang». И наконец, карты дают исследователю возможность проверить, насколько эффективными были меры шведской администрации по улучшению качества дорог.

Почти все вышеупомянутые компоненты содержат своеобразный материал для характеристики данной территории Латвии в экономическом аспекте. Например, число дорог, их физическое состояние, количество и состояние корчём являются и очень важными экономическими показателями. В исторической литературе обыкновенно раскрывается только одна сторона деятельности корчём: продажа алкогольных напитков в интересах увеличения доходов помещиков. Однако надо отметить и другую сторону вопроса — корчма была местом отдыха для проезжающих; там находились и стойла для лошадей. Без придорожных корчём в условиях феодализма была бы немыслима внутренняя торговля по причине медленного транспорта.

На дорожных картах отмечены и промышленные предприятия: водяные и ветряные мельницы, по рисункам которых специалист может судить не только об их конструкции, но и об их производственной мощности; кирпичные заводы и т. п. Карты также подтверждают известный факт о сосредоточении мыз вблизи крупных дорог. Рисунки мызных центров в некоторых случаях дают возможность судить о хозяйственных постройках, о парках и фруктовых садах. Карты показывают, что придорожная полоса была местом сосредоточения сельских ремесленников («Schmiede», «Schuster», «Gerber» и т. п.). По картам можно констатировать, что латвийские местечки и малые города развивались только в тех районах, через которые проходили крупные дороги, и если менялись направления главных дорог, эти местечки хирели. И наконец, по этим картам можно судить о распределении земельных угодий на данной территории, а именно: соотношении между пахотной землей, лугами, лесами, пустошами, пастбищами и т. д. (конечно, не всегда и лишь в ограниченных масштабах).

Карты дают возможность провести очень интересные исследования о придорожной полосе как об особом экономическом и культурно-историческом микрорайоне.

¹⁶ ЦГИА ЛССР. ф. 7404, оп. 1, д. 2195.

¹⁷ Там же, д. 2196.

¹⁸ Там же, д. 2209.

Однако этим далеко не исчерпываются все возможности использования дорожных карт для изучения разных проблем истории Латвии.

Есть на картах кое-какие данные относительно социального и национального аспекта. По рисункам крестьянских усадеб можно до некоторой степени судить о материальном положении крестьян; отмечен даже такой факт, когда на одном земельном участке сидели двое исполщиков (*pušelnieks*). На картах отмечены также крестьянские дворы, хозяева которых занимали низшие ступени мызных, церковных и сельских должностей («*Dudum Jungfernhofs Schillter*», «*Plaweneck Kester*», «*Dahlens Schultz Wohnung*», «*Fürstliche Durchleuchtigkeit Buschwächetr*» и т. п.). Сведений относительно национального населения меньше. Крепостничество не позволяло латышским крестьянам свободно заниматься ремеслом. Поэтому даже сельские ремесленники в большинстве были выходцами из немцев, поляков и др. народностей, о чем можно судить по фамилиям, которые отмечены на картах («*Augustinus Jankowskij ein Gärber*», «*Gotthard Awerman ein Schuster*», «*Hinrich ein teutscher Schuster*»). Из карт видно, что в состав сельского населения входили и представители других соседних народов.

Шведские дорожные карты XVII в. предоставляют чрезвычайно богатый материал для изучения вопросов исторической географии. На них нанесены очень ценные планы городов, из которых можно отметить довольно подробный план г. Валмиера¹⁹. По рисункам г. Лимбажи и Валка²⁰ ясно видно, в каком плачевном состоянии находились некоторые когда-то процветавшие мелкие ливонские города и местечки. Очень интересны и ценны миниатюрные рисунки замков Мазстраупе, Лиелстраупе, Вайнижи, Сунтажи, Эргеме²¹ и др., а также старых укреплений — Вайнижи, Салацгрива²² и др. Данные дорожных карт очень ценны для характеристики географической среды XVII в. Для исследователя важны изображения водоемов, затонов, старых русл рек и ручьев, а также отдельных холмов. Карты изобилуют дифференцированными названиями природных компонентов. Например, составитель карт не пишет просто «болото», или «песчаник», или «лес», но дает обозначения, которые содержат более или менее ясное представление о характере данного природного компонента («*Sandberge mit Dannen bäumen ab und zu bewachsen*», «*Platte unnutzbare Heyde*», «*Schwarzer Mooss Morast ohne Bäume*» и т. п.). На основе этих обо-

---

¹⁹ ЦГИА ЛССР, ф. 7404, оп. 1, д. 2125.

²⁰ Там же, д. 2195.

²¹ Там же, д. 2195, 2202.

²² Там же, д. 2202.

значений можно составить целый словарь терминов естественно-географических условий.

Исследователь может получить некоторые сведения о материальной культуре, в первую очередь, для изучения образа жизни и бытовых условий латышских крестьян. Рисунки дают представление о типах жилых домов крестьян (между прочим, дома очень редко имели дымоходы), о типах крестьянских поселений. Отмечены также школы (Олайне²³ и др.).

Карты дают богатейший материал для языковедов. Богатство географических названий, а также названия дворов и прозвища крестьян представляются нам очень интересным приращением для исследования.

Итак, мы перечислили некоторые возможности, которые шведские дорожные карты XVII в. открывают исследователю истории Латвии. Этот перечень, конечно, далеко не полон.

Для иллюстрации следует привести данные отрезка одной дорожной карты рижского патримониального округа: это — часть дороги Рига — Бауск²⁴, которая простирается от Риги примерно на 27 км. В придорожной полосе здесь находилось пять мыз, 73 крестьянских двора и один старый замок (Доле). На этой территории жили три ремесленника, которые обслуживали местное население. Тут работали также два промышленных предприятия: водяная мельница и кирпичный завод с двумя складами. Интересно, что у кирпичного завода находилось судебное место с позорным столбом. Особенно много здесь сведений о качестве дороги и транспортных возможностях: общая длина насыпей на 25-километровом отрезке составила около 9200 шведских локтей (5,5 км), т. е. — почти одну четвертую часть; пять мостов, 11 корчём (чувствуется близость Риги, а также важность этой дороги для связей с торговым хинтерландом Риги). Нарисованы три вида водных транспортных средств на реке Даугава. Кроме того, карта отрезка изобилует множеством данных географического характера.

Итак, можно без преувеличения еще раз подтвердить тезис об уникальности этого материала, являющегося ценным дополнением к другим источникам по истории Латвии.

---

²³ ЦГИА ЛССР, ф. 7404, оп. 1, д. 2191.

²⁴ Там же, д. 2193.

ROOTSI VIDZEME MAANTEEKAARDID LÄTI AJALOO ALLIKANA

V. PAVULANS

Resümee

Läti NSV Riikliku Ajaloo Keskarhiivi fondis nr. 7404 (Vidzeme mõisate plaanid ja nimistu) on 34 Vidzeme maantee kaarti. Käesoleva artikli ülesandeks on tutvustada lugejale neid Läti ajaloo unikaalseid allikaid. Rootsi Vidzeme maanteekaardid on ühed esimestest Euroopas. Sijani on neid ainult osaliselt kasutatud, kuigi nende väärtusele on korduvalt vihjatud. Kaardid annavad mitmekülgset informatsioonilist materjali. Kaartide koostaja, kuninglik maamõõtja Johann Abram Ullrich kandis kaarden ühenduste juurde kuuluvad objektid (teetassid, sillad, kõrtsid, ülesõidukohad, tammid) ning osutas samal ajal suurt tähelepanu ümberkaudsele loodusele ja inimese tegevusele. Kuigi oli olemas teede tingmärkide unifitseeritud süsteem, kujutas koostaja objekti tihti selliselt, nagu ta välja nägi (näiteks kõrtsihooned, sillad, lossid jne.). Esitatud on ka mitmete Vidzeme linnade ja vanade kindluste plaanid. Kaartidele on märgitud ka geograafilised objektid. Väga väärtuslik on toponüümiline materjal.

Seega annab allikas huvitavaid ning omapäraseid andmeid mitte ainult ajaloolasele vaid ka filoloogile, etnograafile, geograafile jne.

SVENSKA VÄGKARTOR ÖVER VIDZEME SOM EN KÄLLA FÖR STUDIUM AV LETTLANDS HISTORIA

V. PAVULANS

Resumé

I fond 7404 («Planer och förteckningar över egendomarna i Vidzeme») i Sovjetlettlands Centrala Statsarkiv finns 34 kartor över de mycket viktiga landvägarna med omgivande landrensor vid Vidzeme. Förhållandenvarande artikels uppgift är att bekanta läsaren med dessa för den lettiska historieforskningen så unika källor. De svenska vägkartorna över Vidzeme är några av de första kartorna i sitt slag i Europa. Trots att man åtskilliga gånger framhållit kartornas värde, har dessa hittills endast delvis utnyttjats vid lokaliseringen av Lettlands kommunikationsvägar. I verkligheten utgör de svenska vägkartorna ett mångsidigt informativt material. Kartornas sammanställare, kunglige lantmätaren Johann Abram Ullrich utmärkte på kartorna de komponenter, som direkt hänför sig till vägnätet (vägsträckor, broar, värdshus, översfarter, jordvallar, avsnitt, där vägarbeten pågick) men ägnade också stor uppmärksamhet åt andra komponenter i naturen och den mänskliga verksamheten. Fastän man antagit ett enhetligt system av vedertagna tecken för kartor, tillgrep karttecknaren ibland ändå efterbildningar av objektet i miniatyr och bibehöll härvidlag dess utseende (exempelvis värdshusens byggnader, översfarterna, broarna, slotten o. dyl). Planerna för vissa av städerna i Vidzeme och gamla fästningar har framställts. På kartorna finns också geografiska objekt utmärkta. Det toponymiska materialet är mycket värdefullt.

På så sätt utgör källan ett intressant och originellt material inte bara för historiker utan också för lingvister, etnografer, geografer m. fl.

АРХИВНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ НОРВЕЖСКОГО ИСТОРИКА ИНГВАРА НИЛЬСЕНА В РОССИИ

Ингвар Нильсен (1843—1916) известен как один из крупнейших умеренно-консервативных историков Норвегии конца XIX — начала XX вв. Он явился первым крупным исследователем проблем норвежской истории первой половины XIX века¹. Основной сферой его интересов были события 1814 года в Норвегии, с которыми связана и его научная работа в русских архивах.

В 1814 году произошла норвежская буржуазная революция — эпохальное событие в истории страны. До 1814 г. Норвегия входила в состав датского королевства. По Кильскому мирному договору 14 января 1814 г. Дания уступила Норвегию Швеции. Однако норвежский народ этому не подчинился. В феврале была провозглашена независимость страны, 17 мая принята конституция, по словам К. Маркса, «самая демократическая» по тем временам². В силу ряда причин, прежде всего из-за неблагоприятной международной обстановки, норвежцам не удалось полностью сохранить свои завоевания. Норвегия была объединена со Швецией как автономное государство, на правах личной унии. Тем не менее, 1814 год означал гигантский шаг вперед по пути превращения Норвегии в буржуазное государство.

Норвежский вопрос на заключительном этапе наполеоновских войн был далеко не безразличен России, играя важную роль в русско-шведских и русско-датских отношениях. В 1814 г. в Скандинавию была послана комиссия союзных держав — Англии, Австрии, Пруссии и России — с целью добиться от Норвегии выполнения Кильского договора. Россию представлял молодой генерал М. Ф. Орлов, будущий видный участник декаб-

---

¹ Общую характеристику И. Нильсена как историка см. в историографическом обзоре А. С. Кана в кн. «Историография нового времени стран Европы и Америки». М., 1967, стр. 639—640.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 169.

ристского движения³. В русских дипломатических архивах имелись важные материалы, впоследствии привлекившие Нильсена, причем интерес к ним оказался далеко не академическим.

В последнюю треть XIX в. между шведскими и норвежскими историками началась борьба, явившаяся отражением стремления Норвегии добиться полной самостоятельности. Одним из центральных вопросов, естественно, оказались события, связанные с 1814 годом. Норвежские историки, прежде всего активный антиунионист и буржуазный демократ Эрнст Сарс, стремились доказать вред шведско-норвежской унии для Норвегии и полное право последней отделиться от Швеции. Реакционные и даже либеральные историки Швеции старались опровергнуть это, утверждая, что Швеция имеет верховные права на Норвегию, что норвежская автономия не завоевана норвежцами, а «дарована» им шведским королем. Для исторической науки плодом этой борьбы, в которой одним из видов оружия служили архивные документы, оказались десятки исследовательских работ и публикаций.

Ведущее место среди них занимают сборники документов, изданные И. Нильсеном, который, положительно оценивая шведско-норвежскую унию 1814 г., выступал против шведской шовинистической историографии и доказывал, что Норвегия имеет равные со Швецией права и потому вправе расторгнуть унию. Норвежский историк поставил перед собой цель выявить и опубликовать основные историко-дипломатические материалы, которые показали бы в полном объеме международный фон и внешнеполитическую историю событий 1814 года. Нильсен изучил материалы не только в архивах Христиании (ныне Осло), Стокгольма и Копенгагена, но и за пределами Скандинавии. В 1876 г. он вел исследовательскую работу в Берлине, в 1877 г. — в Вене, в 1895 г. — в Лондоне и дважды посетил Россию: в 1896 и в 1908 гг.

В нашем распоряжении имеются документы о посещении норвежским историком Государственного архива в Петербурге⁴. В январе 1896 г. И. Нильсен обратился в Министерство народного просвещения Российской империи с просьбой получить доступ к русским архивам⁵. Запрос переслали в Министерство иностранных дел, в фондах которого должны были храниться интересовавшие Нильсена донесения М. Ф. Орлова. Министер-

---

³ См.: Л. Я. Павлова. Шведско-датско-норвежский конфликт 1814 года и Россия (Дипломатическая миссия М. Ф. Орлова). — «Новая и новейшая история», 1972, № 1, стр. 138—148.

⁴ «О допущении профессора истории при университете в Христиании Ингвара Нильсена (Nielsen) снять копию с донесений русского уполномоченного при организационной комиссии генерал-майора Орлова 1814 г.» — Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Госархив, разряд 31, ед. хр. 606.

⁵ Там же, л. 1.

ство рекомендовало действовать по дипломатическим каналам. В апреле миссия Швеции и Норвегии обратилась с соответствующей просьбой, 21 апреля было получено разрешение, и в сентябре норвежский историк смог приехать в Петербург и изучить интересовавший его материал⁶.

Второй раз И. Нильсен занялся изучением русских дипломатических документов о 1814 году 11 лет спустя. 8 (21) ноября 1907 г. миссия теперь уже независимого норвежского государства попросила российское Министерство иностранных дел предоставить И. Нильсену, «... автору нескольких замечательных трудов по новой истории Норвегии», возможность изучить донесения П. К. Сухтелена, русского представителя при ставке шведского наследного принца Карла-Юхана (Бернадота) — фактического руководителя Швеции после 1810 г.⁷ В ответ было сообщено, что разрешение, выданное в 1896 г., все еще в силе⁸. Научными изысканиями норвежского историка заинтересовался к тому же российский посланник в Христиании А. Н. Крупенский, просивший в рекомендательном письме директору Государственного архива С. М. Горяинову оказать И. Нильсену всяческое содействие⁹. В мае 1908 г. норвежский исследователь вновь приехал в Петербург. На этот раз ему удалось изучить значительную часть большого комплекса русских документальных материалов, связанных с событиями 1814 г. в Норвегии, — переписку Александра I с Карлом-Юханом и донесения русских представителей в Швеции в 1814 г. После второго посещения России у И. Нильсена родилось намерение, им так и не осуществленное, вернуться еще раз в Петербург и продолжить исследование отношений между Россией и Норвегией, о чем он писал в конце 1908 г. С. М. Горяинову¹⁰.

Теперь перейдем к публикациям, которые издал норвежский историк на основе своих русских изысканий. Выявленные в 1896 г. материалы миссии М. Ф. Орлова вошли во второй том фундаментального издания «Документы о миссии великих держав в Копенгаген и Христианию в 1814 году», выпущенного Норвежской Академией наук¹¹. Подборка открывалась инструкцией фактического министра иностранных дел России К. В. Нессельроде М. Ф. Орлову от 16(28) апреля 1814 г., которую

---

⁶ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд 31, ед. хр. 606, лл. 2—3, 8—9.

⁷ Там же, л. 10.

⁸ Там же, л. 11.

⁹ Там же, л. 16 и об.

¹⁰ Там же, лл. 12—14.

¹¹ *Y. Nielsen* (utg.). *Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Christiania i Aaret 1814. II Række. «Videnskabselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasser», Christiania, 1897, s. 169—246.* Эта публикация не была учтена при издании книги: М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.

русский генерал получил в Париже, где находилась ставка Александра I после разгрома Наполеона. Затем И. Нильсен издал все донесения, отправленные Орловым из Копенгагена, Христиании и Стокгольма в мае — августе 1814 г.¹² Эти документы содержат много интересных сведений о событиях в Норвегии, о ходе дипломатической борьбы по норвежскому вопросу. Кроме того, они позволяют проследить изменения в отношении будущего декабриста к норвежской революции. М. Ф. Орлов фактически признал право норвежского народа на сопротивление и выступил за широкую автономию Норвегии, за мирное и компромиссное решение вопроса. Нильсен включил в публикацию и «Записку о положении в Норвегии», составленную 3 июля 1814 г. бывшим русским генеральным консулом в Норвегии И. Брунетом по поручению М. Ф. Орлова для К. В. Нессельроде, где излагалась предыстория событий¹³, и «секретный отчет» Орлова о своей миссии, написанный в Стокгольме 16 августа 1814 г.¹⁴ Последний документ проникнут большими симпатиями к норвежскому народу и его борьбе за самостоятельность. Помимо этого, Орлов выступал в нем против шведских планов расчленения Дании. Все документы были опубликованы Нильсеном полностью, на французском языке подлинника, с указанием ссылок на архив. Им предшествовали небольшое введение И. Нильсена и биография М. Ф. Орлова.

Материалы, выявленные норвежским ученым в 1908 г., были опубликованы к столетнему юбилею событий, в 1914 г., в третьем томе «Исторических сборников», издаваемых Норвежской комиссией по историческим источникам¹⁵. В отличие от первой публикации, эти материалы разнообразнее по своему характеру и происхождению, несколько отличаются и принципы издания. Вся подборка состоит из пяти частей. В первые две части вошла переписка Александра I со шведским наследным принцем Карлом-Юханом. Здесь помещены полностью все 17 писем Карла-Юхана, полученные Александром в 1814 г.¹⁶ Из писем царя полностью опубликованы три, ранее не публиковавшиеся. Из остальных писем даны лишь извлечения, посвященные скандинавским вопросам, либо только аннотированные отсылки (регесты), там где речь не шла о событиях, имевших отношение к Норвегии¹⁷. В третьей части опубликованы впервые две

---

¹² Y. Nielsen (utg.). Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Christiania i Aaret 1814. II Række, s. 179—222.

¹³ Ibidem, s. 222—228.

¹⁴ Ibidem, s. 228—246.

¹⁵ Y. Nielsen (utg.). Aktstykker fra 1814. Utgivne efter Originaler og Koncepter i Arkivet i St. Petersburg. — «Historiske Samlinger», III Bind, Christiania, 1914, s. 179—244.

¹⁶ Ibidem, s. 181—204.

инструкции К. В. Нессельроде русскому посланнику в Стокгольме Г. А. Строганову¹⁸. Из них наибольший интерес представляет первая — от 16(28) января 1814 г., в которой содержалась положительная оценка русским правительством Кильского мирного договора. Вторая инструкция касалась замены Строганова на посту посланника в Швеции П. К. Сухтеленом. В четвертой и пятой частях опубликованы донесения русских представителей при ставке Карла-Юхана П. К. Сухтелена (за июль-декабрь 1814 г.)¹⁹ и его сына П. П. Сухтелена (за октябрь 1814 г.)²⁰. Большая часть этих донесений помещена полностью, а сокращения проведены по тому же принципу, что и в письмах Александра — ряд документов дан в извлечениях, в аннотированной форме передано содержание отрывков, не имевших отношения к Скандинавии. В целом вторая из рассмотренных нами публикаций И. Нильсена рисует широкую картину русско-шведских отношений в 1814 г., имевших первостепенное значение для судьбы норвежского государства. Из этих материалов можно извлечь представляющие значительный интерес сведения о внешнеполитической деятельности шведского правительства, о его норвежской программе, о планах расчленения Дании, о внешнеполитических разногласиях в шведской правящей верхушке. Документы опубликованы по-французски. Общий вступительный очерк И. Нильсена, краткие введения в каждую часть и аннотированные отсылки даны по-норвежски.

Материалы, выявленные И. Нильсеном в русских архивах, представляют собой ценный источник не только для изучения норвежской буржуазной революции 1814 года, но и для освещения русско-скандинавских отношений в тот период, тем более, что в отечественной историографии эти сюжеты не раскрыты с достаточной полнотой.

---

¹⁷ Y. Nielsen (utg.), Aktstykker fra 1814 ..., s. 205—208.

¹⁸ Ibidem, s. 209—210.

¹⁹ Ibidem, s. 211—233.

²⁰ Ibidem, s. 234—240.

NORRA AJALOOLASE INGVAR NIELSENI ARHIIVINDUSLIKUD UURIMUSED VENEMAAL

V. ROGINSKI

Resümee

Ülevaates käsitletakse norra mõõdukalt konservatiivse ajaloolase uurimusi 1896. ja 1908. a. Riiklikus arhiivis Peterburis, mille eesmärgiks oli 1814. a. Rootsi-Norra uniooni kohta käivate vene diplomaatiliste dokumentide väljaselgitamine. Iseloomustatakse I. Nielsenini vene arhiivide põhjal avaldatud publikatsioone, 1897. a. avaldas I. Nielsen esimese reisi tulemusena vene kindrali, tulevase dekabristi M. F. Orlovi 1814. a. mai-augusti Kopenhaageni ja Kristiaania missiooni materjalid. Teise tulemusena publitseeriti 1914. a. Aleksander I kirjavahetus Rootsi kroonprints Karl-Johaniga (Bernadotte), K. V. Nesselrode instrüktatsioonid vene saadikule Stokholmis G. A. Stroganovile, vene esindajate raport Karl-Johani erruminekust puhul P. K. Suhtelenile ja P. P. Suhtelenile. I. Nielsenini poolt väljaselgitatud ja avaldatud dokumentidel on suur tähtsus mitte ainult uniooni, vaid ka Norra 1814. a. kodanliku revolutsiooni ajaloo allikana, aga samuti selle perioodi vene-skandinaavia suhete valgustamisel — teemad, milliseid ei ole veel täielikult käsitletud vene historiograafias.

DEN NORSKE HISTORIKERN INGVAR NIELSENS ARKIVFORSKNINGAR I RYSSLAND

V. ROGINSKI

Resumé

I noten granskas resultatene av den norske moderate konservative historikern I. Nielsens forskning i Statsarkivet i Petersburg 1896 och 1908, förknippade med upptäckten av ryska diplomatiska dokument om den svensk-norska unionens historia 1814.

Publikationer, gjorda av I. Nielsen på basis av de ryska arkiven, tas upp till granskning. I. Nielsens första besök resulterade i publiceringen av materialen om den ryske generalen och blivande dekabristen M. F. Orlovs uppdrag i Köpenhamn och Christiania i maj-augusti 1814. Till följd av det andra besöket utgavs 1914 Alexander I:s brevväxling med den svenske kronprinsen Karl-Johan (Bernadotte), K. V. Nesselrodes instruktioner till det ryska sändebudet i Stockholm G. A. Stroganov, de ryska representanterna P. K. Suchtelens och P. P. Suchtelens rapporter från Karl-Johans huvudkvarter.

De dokument, som upptäckts och publicerats av I. Nielsen utgör en viktig källa för historien inte bara om unionen utan också om den norska borgerliga revolutionen 1814 samt för belysningen av de rysk-skandinaviska relationerna under denna period — ett tema som ännu inte fullständigt belysts av den inhemska historieskrivningen.

V. РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

«ИСТОРИЯ ШВЕЦИИ» — МОСКВА, «НАУКА»,
1974, 719 стр.

Эта книга является первым коллективным марксистско-ленинским обобщающим трудом по истории Швеции — наиболее крупной страны Северной Европы.

Ее составление обусловлено: с одной стороны, — научной зрелостью советских историков, изучающих историю Швеции, с другой, — ростом интереса советской общественности к прошлому и настоящему шведского народа — стране, с которой успешно развиваются экономические, политические и культурные связи Советского Союза.

Книга рассчитана прежде всего на широкие круги советских историков, а также на всех тех, кто интересуется проблемами скандинавистики. В ней история Швеции прослеживается с первобытных времен до начала 70-х годов XX века. Редколлегия «Истории Швеции» верно подчеркивает основное направление марксистских исследователей: «Составителей «Истории Швеции» больше всего интересовала ее социально-экономическая и гражданская история, чем военно-дипломатическая»¹.

Введение и 14 глав с их разделами содержат огромный и систематизированный материал. Эта работа была под силу только серьезному, слаженному коллективу.

Во введении показан путь развития исторических знаний о Швеции. Шведская историография прослеживается с XIII в. до наших дней (А. С. Кан). Русская дореволюционная и советская историография дает хорошее представление о проделанной исследователями работе до составления «Истории Швеции» (Г. А. Некрасов). Сюда включена и прибалтийская историография (Х. А. Пийримяэ).

Характерно, что в последующих главах авторы стремятся выявить своеобразие исторического развития Швеции. Однако не всегда это возможно, так как их лимитируют источники, которые иногда ограничены. Например, описание первобытного общества в Швеции, которое дано главным образом на основе

---

¹ История Швеции. М., «Наука», 1974, стр. 5.

орудий труда и способов погребения, мало чем отличается от описания этой формации у других народов, но при описании перехода от первобытно-общинного строя к феодализму авторы отмечают особенности этого процесса. Отличительные черты подчеркиваются и при переходе от феодализма к капитализму и т. д.

В книге большое внимание уделяется новейшей истории и современному этапу истории Швеции.

Отрадно, что народным движениям периода феодализма (восстание XV в. под руководством Энгельбректа и др.) дана новая убедительная интерпретация. Значительное внимание уделяется рабочему движению и его особенностям, созданию и деятельности социал-демократической партии. Вскрывается оппортунизм руководства этой партии.

Авторы показали, как рождалась Коммунистическая партия Швеции, в каких трудных условиях она боролась за интересы рабочего класса.

В ряде глав авторы, опираясь на новые исследования и архивный материал, правдиво показали исторические связи Швеции с Россией и с народами Советского Союза.

В 14-й главе — «Из истории культуры» — рассказывается о развитии языка, литературы и искусства Швеции, в основном с XVIII в. до наших дней.

Знаменательно то, что «История Швеции» вышла в год пятидесятилетия установления дипломатических отношений между СССР и Швецией.

Выход в свет «Истории Швеции» является ценным достижением советских историков-скандинавистов, она поможет читателям лучше узнать историю нашего северного соседа.

«ROOTSI AJALUGU» («ИСТОРИЯ ШВЕЦИИ»)

H. MOOSBERG

Resümee

«Rootsi ajalugu» on nõukogude ajaloolaste esimene marksistlik venekeelne kollektiivne raamat, mis hõlmab Rootsi ajalugu ürgkogukonna ajast kuni XX saj. 70-ndate aastateni.

«SVERIGES HISTORIA» («ИСТОРИЯ ШВЕЦИИ»)

H. MOOSBERG

Resumé

«Sveriges historia» är den första marksistiska boken om Sveriges historia i ryska språken skrivit av ett författarskollektiv. Boken omfattar Sveriges historia från urgamla tiden till 1970-åren.

«ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ОТКРЫТИЙ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ»

(Сборник статей, под ред. И. П. Шаскольского)

Географическое общество СССР выпустило в свет специальный сборник, посвященный истории географических знаний о европейском Севере. В издании помещено несколько исследований, принадлежащих перу как ведущих скандинавистов нашей страны, так и начинающих историков.

Сборник открывается статьей М. А. Когана «Открыли ли норманны Америку?» В своей статье автор подробно останавливается на историографии вопроса. М. А. Коган приводит различные гипотезы об открытии «нового света» викингами. Сам автор считает возможными плавание викингов (точнее, норвежцев) к берегам Америки и основания ими поселений в районе о-ва Ньюфаундленд. Тщательно анализирует автор и предположения об открытии Америки египтянами, финикийцами и другими древними народами. М. А. Коган опровергает эти предположения как бездоказательные, весьма основательно полагая, что героическая экспедиция Тура Хейердала на «Ра I» и «Ра II» все же не подтверждает открытия древними египтянами «нового света»¹.

Более обоснованным автор считает предположение о достижении американского континента в районе побережья Тихого океана японцами. Археологические находки подтверждают их появление в Америке. В заключение М. А. Коган дает формулировку самого понятия термина «открытие». Он пишет: «Очевидно открытием можно считать только двухсторонний акт — контакт народов различных континентов (или стран). Открытие — это начало контактов экономического и культурного порядка, начало совместного исторического развития стран —

---

¹ Впрочем, вопреки распространенному заблуждению, этого не утверждает и сам организатор экспедиции, почетный член Географического общества СССР Т. Хейердал. Он настаивает лишь на том, что объективных мореходно-технических препятствий для заокеанского путешествия у древних обитателей Средиземноморья не было (прим. ред.).

открывшей и открытой. Поэтому открытием следует считать только такое достижение населенного региона, после которого открылся обмен культурами, началась миграция населения и т. д. Первооткрытие необитаемых районов — это перводостижение, а не открытие в строгом значении слова».

Исходя из этого положения, автор вправе считать, что Америку открыли не норманны, а протомонгольские, индейские племена, выходцы из Азии, когда заселяли новый материк примерно 20—35 тыс. лет тому назад. «Эти азиатские племена и были первыми людьми в Америке — они ее заселили. Они ее открыли».

В статье М. Б. Свердлова рассмотрены известия письменных и эпиграфических источников, отражающих знания древних скандинавов о географии Восточной Европы. На материале хроник, географических сочинений, саг и рунических надписей автор показал, что в этом круге памятников отразились сведения о севере Восточной Европы (Бьярмия) и прежде всего о северо-западных районах Древнерусского государства (водные пути, княжества, города, скрытые сведения о ладожских порогах и т. д.). В статье рассматриваются также вопросы датировки и степени достоверности отдельных известий.

Статья Е. А. Савельевой «Морская карта» Олауса Магнуса и ее значение для европейской картографии» посвящена историко-географическим трудам известного шведского ученого XVI в. Впервые в советской историографии дан анализ карты, определены ее источники. Особое место в работе отведено изображению на этой карте Русского государства. Е. А. Савельева провела тщательное исследование сведений Олауса Магнуса о территории «Московии» конца XV — начала XVI вв.

Работа К. Н. Вальдмана «Об изображении Белого моря на картах XV—XVI вв.» посвящена вопросу об эволюции изображения побережья и акватории залива Ледовитого океана, получившего название «Белое море». Статья базируется на некоторых материалах западноевропейской картографии (карты Клаудуса Клавуса, Олауса Магнуса, Герарда Меркатора и др.).

Исследование И. П. Шаскольского «Финляндский источник по географии северной России и Финляндии середины XVI в.» содержит публикацию перевода записи устного рассказа карельского крестьянина Ноусиа, путешествовавшего в районе пограничных территорий русской и шведской Карелии. Впервые в истории отечественной историографии этот ценный источник был переведен на русский язык и снабжен обстоятельными комментариями.

Представляет значительный интерес статья И. В. Фаренгольц «Неопубликованные письма А. Э. Норденшельда к А. М. Сибирякову». Работа содержит неизвестные до настоящего времени

сведения о проектах плавания по северному морскому пути из Атлантики к берегам Сибири и в Тихий океан.

Работа Т. А. Алимовой «Сотрудничество ученых России и Скандинавии в исследовании северных районов Европы (конец XIX — начало XX вв.)» затрагивает актуальные вопросы международного сотрудничества по исследованию и освоению европейского Севера. На основе архивных документов автор рассказывает о целом ряде экспедиций, посвященных изучению геофизики, гидрографии, биологии района Шпицбергена, Баренцова моря, Северного и Балтийского морей.

«GEOGRAAFILISTE TEADMISTE JA AVASTUSTE AJALUGU PÕHJA-EUROOPAS»

(ARTIKLITE KOGUMIK. TOIMET. I. P. ŠASKOLSKI)

J. LIMONOV

Resümee

Kogumikus on avaldatud juhtivate ja ka algajate nõukogude ajaloolaste uurimusi.

Kogumiku avaartikliks on M. A. Kogani «Kas normannid avastasid Ameerika?». Autor analüüsib hoolikalt normannide, egiptlaste, foiniiklaste, jaapanlaste jt. rahvaste hüpoteese Ameerika avastamise kohta. Andes oma definitsiooni terminile «avastamine, peab M. A. Kogan Ameerika avastajateks almongoolia ja india hõime, kes asustasid uut mandrit umbes 20—35 tuhat aastat tagasi.

M. B. Sverdlovi artiklis analüüsitakse kirjalikke ja epigraafilisi allikaid muistsete skandinaavlaste teadmiste kohta Ida-Euroopa geograafiast.

E. A. Saveljeva töö «O. Magnuse «merekart» ning selle tähtsus Euroopa kartograafias» on pühendatud XVI saj. tuntud rootsi õpetlase ajaloolis-geograafilistele töödele.

K. N. Valdmanni töö «Valge mere kujutamisest XV—XVI saj. kaartidei» on pühendatud Jäämere lahe ranniku ja akvatooriumi kujutamise arengule. Seda lahte hakati nimetama Valgeks mereks.

I. P. Šaskolski uurimuses «XVI saj. keskpaiga Soome ja Põhja-Venemaa geograafia soome allikas» avaldatakse Vene ja Rootsi Karjala piiriäärsetel aladel reisinud Karjala talupoja suulise jutustuse tõlge. Allikas on tõlgitud vene keelde ning on esmakordselt kommentaaridega varustatud.

Tähelepandavat huvi pakub I. V. Farengholtzi artikkel «A. E. Nordenschildi avaldamata kirjad A. M. Sibirjakovile», mis sisaldab seni tundmata andmeid Põhja mereteet laevatamise projektidest Atlantikast Siberisse ja Vaiksele ookeanile.

T. A. Alimova töö «Vene ja Skandinaavia teadlaste koostöö Euroopa põhja-piirkondade uurimisel (XIX saj. lõpp — XX saj. algus)» annab ülevaate ekspeditsioonidest, mis korraldati Schpizbergeni, Barentsi ning Põhja- ja Balti mere piirkondade geofüüsika, hüdrograafia ja bioloogia uurimiseks.

«NORDENS GEOGRAFI- OCH UPPTÄCKTSHISTORIA»

(ARTIKELSAMLING. REDAKTIONEN VERKSTÄLLD AV
I. P. ŠHASKOLSKIJ)

J. LIMONOV

Resumé

Den här publikationen innehåller några avhandlingar av såväl ledande som begynnande sovjetiska historiker.

Samlingen inleds med en artikel författad av M. A. Kogan, som heter «Upptäckte norrmanen Amerika?» Författaren analyserar utförligt hypoteserna om att Amerika upptäcktes av norrman, egyptier, fenicier, japaner och andra folkslag. Med sin definition av termen «upptäckt» anser M. A. Kogan, att Amerika upptäcktes av protomongoliska och indianska stammar, som befolkade den nya kontinenten för ungefär 20—35 000 år sedan.

I M. B. Sverdlovs artikel behandlas skriftliga och epigrafiska källor, som återspeglar fornskandinavernas kunskaper om Östeuropas geografi.

E. A. Saveljevas artikel «Olaus Magnus Havskarta och dess betydelse för den europeiska kartografin» är tillägnad den kände, svenske 1500-talsvetenskapsmannens historisk-geografiska verk.

K. N. Valdmans arbete «Om avbildandet av Vita Havet på kartorna under 14—1500-talen» utforskar frågan om evolutionen i avbildandet av det kustområde och den bukts vattensektor i Ishavet, som fått benämningen «Vita Havet».

I. P. Schaskolskijs avhandling «En finländsk källa om geografin i Nordryssland och Finland i mitten på 1500-talet» innehåller en översättning av den karelske bonden Nousias nedtecknade muntliga berättelse, vilken färdats i ryska och svenska Karelens gränstrakter. Denna källa har för första gången översatts till ryska och är försedd med utförliga kommentarer.

Av betydande intresse är I. V. Farenholz artikel «A. E. Nordenskölds opulcerade brev till A. M. Sibirjakov», som innehåller hittills okända uppgifter om projekt för segling längs den norra sjövägen från Atlanten till Sibirien och till Stilla havet.

T. A. Alimovas arbete «Samarbetet mellan Rysslands och Skandinavien vetenskapsmän i utforskningen av Europas norra områden (slutet av 1800-början av 1900-talet)» berättar om en hel rad expeditioner i syfte att utforska geofysiken, hydrografen och biologin i området kring Spetsbergen, Barents hav, Nord- och Östersjön.

С. И. КОЧКУРКИНА. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ
В X—XIII ВВ. Л., «НАУКА», 1973, 149 стр.

Уже более ста лет продолжают исследования курганных некрополей по рекам Ояти, Паше, Сяси на юго-восточном побережье Ладожского озера. Своеобразие погребальных обрядов, обильный инвентарь давно привлекают к себе внимание археологов, историков, этнографов.

Книга С. И. Кочкуркиной обобщает и систематизирует огромный материал, накопленный в результате раскопок 1143 курганов. Этот материал, освещенный в различных публикациях, а также неизданный (коллекция А. М. Линевского), теперь объединен и доступен.

Книга состоит из четырех глав и приложения (тринадцати таблиц). В главе I дается краткая история археологического исследования Юго-Восточного Приладожья. Особо отмечены работы Н. Е. Браденбурга (1895 г.) и В. И. Равдоникаса, составивших эпохи в изучении культуры курганов Приладожья.

Глава II посвящена погребальным обрядам. Автор использовал здесь данные только по 345 памятникам (668 погребений), о которых сохранились дневниковые записи. Взяв за основу типологии погребального обряда способ захоронения (сожжение, ингумация), С. И. Кочкуркина учитывает и другие признаки: одиночность или ярусность захоронений (в насыпи, на горизонте, в могильной яме), ориентировку; наличие очага и очажного инвентаря, костей животных, деревянных конструкций (ладья, сруб), покрытий из бересты; погребальный инвентарь. Составленные ею таблицы (IX—XIII) и карты (рис. 2—5) дают отчетливое представление о разнообразии погребальных обрядов, их локализации, эволюции во времени. Они содержат документальный материал для вывода об этническом составе захороненных, которые будут сделаны в главе IV.

В главе III дается классификация и датировка погребального инвентаря. Вещевой материал всех раскопанных курганов подвергнут статистической обработке, отдельные категории предметов картографированы. Обилие монет (142 экз.), западноевропейских фибул (119) и оружия создают надежную основу

для датировки курганных комплексов (таблицы I—V). Время появления курганов определяется X веком. Тем самым опровергаются мнения Н. Е. Браденбурга и Я. В. Станкевич относительно более ранней даты — VIII — 1-я половина IX в. Лишь один курган (Усть-Рыбежна 19) С. И. Кочкуркина относится к IX в. Однако эта дата спорна, поскольку тип найденного в кургане меча (тип Е по Я. Петерсену) позволяет датировать и это погребение X веком (А. Н. Кирпичников). Наиболее поздние погребения относятся к XII—XIII вв.

Предыдущие исследователи отмечали смешанный финно-скандинавский и финно-славянский характер инвентаря курганов. С. И. Кочкуркина расчленила этот инвентарь, выделила вещи несомненно местного, финского происхождения. Она показала также меняющуюся роль скандинавского и финского элементов в курганах X и XI вв. и возрастающее значение славянской культуры в курганах XI—XIII вв.

Глава IV «Этническая принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья» наиболее интересна. Сопоставляя погребальные обряды с сопровождающим инвентарем, С. И. Кочкуркина делает выводы об этническом составе погребенных. К этнически определяющим вещам местного, финского происхождения она относит прежде всего женские украшения: бронзовые подвески в виде уточек, подвески, изображающие четвероное животное с кругом на голове¹, подвески-ключи, бронзовые бусы-флакончики. По своему происхождению эти изделия X—XI вв. связаны с бассейном р. Оять, а затем распространились на остальные районы Приладожья. К числу характерных местных украшений можно было бы добавить также игольники и нагрудные пряжки. Бронзовые игольники сложных форм, несомненно, производились местными финскими мастерами. За пределами территории веси они встречены единично. Характерно, что игольники иногда снабжались типично финскими шумящими привесками.

Нагрудные пряжки являлись не только украшением, но и существенной деталью женской одежды. Если рассмотреть только женские погребения XI—XII вв. с местными типами пряжек (подковообразными и кольцевидными), то можно заметить любопытную деталь: в десяти случаях пряжки лежали попарно на груди, на уровне ключиц, а в девяти погребениях было по одной пряжке, у плеча. Вероятно, такое расположение пряжек связано с древним типом одежды (юбка на лямках и юбка на одной лямке), характерных для западных финнов и эстонцев.

---

¹ С. И. Кочкуркина называет эту подвеску «собачкой». Но массивная голова животного с характерным выступом внизу, вроде бородки, напоминает лося.

К числу местных бытовых предметов следует отнести и пластинчатые огнива. Все они найдены в мужских погребениях с меридиональной ориентировкой. Еще А. А. Спицын называл их одним из наиболее характерных предметов «культуры приладожских курганов». Этот местный финский инвентарь сопровождает курганы с очагами, с меридиональной, преимущественно южной, ориентировкой погребенных, с многоярусными захоронениями. С. И. Кочкуркина особо выделила район р. Оять, где финно-угорские черты погребального обряда и инвентаря проявлялись наиболее ярко и сохранялись дольше.

Опираясь на совокупность археологических, исторических и лингвистических данных, С. И. Кочкуркина связывает финский этнос, так ярко проступающий в приладожских курганах, с всейю. Археологические исследования на территории соседнего Белозерья подтверждают близость оятской и судской веси².

В то же время группа курганов на восточном берегу Ладожского озера (по рекам Видлице и Олонке) в погребальном обряде и инвентаре содержит, по мнению С. И. Кочкуркиной, ряд черт, сближающих их с кексгольмскими могильниками карел. По подсчетам С. И. Кочкуркиной (таблица VII), финскими являются 70,8% этнически определяемых погребений. 4,4% или 17 погребений С. И. Кочкуркина на основании некоторых деталей погребального обряда, скандинавского набора украшений и наличия железных гривен отнесла к скандинавским (таблица VI). Этот раздел работы С. И. Кочкуркиной уже в рукописи вызвал возражения³. Н. В. Тухтина, признавая скандинавским лишь одно захоронение в ладье (Усть-Рыбежна 19), считает, что нет никаких оснований для выделения скандинавских погребений в Юго-Восточном Приладожье⁴. Вряд ли эта негативная позиция встретит поддержку у исследователей.

Действительно, процесс слияния скандинавов с местным населением был настолько интенсивным, что уже в курганах X в. можно проследить лишь элементы скандинавского обряда, инвентарь же, как правило, смешан. Тем не менее, дальнейшие исследования, несомненно, пойдут (да и сейчас ведутся) по линии самого пристального внимания к деталям обряда и инвентаря для выявления новых подробностей, характеризующих скандинавский и финский этнос.

24,8% погребений среди этнически определяемых принадлежали, по мнению С. И. Кочкуркиной, славянам (таблица VII).

² Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. — СА, 1962, 3; Н. В. Тухтина. Новый памятник веси на р. Суде. — «Ежегодник ГИМ. 1965—1966». М., 1970, стр. 62—69.

³ Н. В. Тухтина. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. — Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 162—181.

⁴ Там же, стр. 165.

Чрезвычайно интересно проследить, как выявилась эта цифра. Среди захоронений X в. славянские погребения не выделены. В курганах XI в. с трупоположениями их всего 6. Но среди погребений XI—XII и XIII вв. насчитывается уже около ста славянских. Проникновение славян отмечено распространением височных колец и серег, одиночными захоронениями с западной ориентировкой в могильных ямах. Влияние славян на материальную культуру и погребальный обряд финнов, по наблюдению С. И. Кочкуркиной, непрерывно возрастало, несмотря на то, что в этническом отношении еще в XII в. они составляли меньшинство.

Работа С. И. Кочкуркиной является ценным вкладом в исследование Юго-Восточного Приладожья. Жаль, что невелик иллюстрационный материал.

S. I. KOTŠKURKINA. «KIRDE-LAADOGA X—XIII SAJ.»

(«TEADUS», L. 1973)

L. GOLUBEVA

Resümee

S. I. Kotškurkina raamatus üldistatakse ja süstematiseeritakse 1143 kääpa ulatuslik arheoloogiline materjal. Andmed, mida on tutvustatud mitmetes publikatsioonides, aga samuti avaldamata materjalid (A. M. Linevski kogu) on nüüd tervikuna kättesaadavad.

Raamatus on neli peatükki koos lisadega (13 tabelit).

I peatükis antakse Kirde-Laadoga arheoloogilise uurimise lühike ajalugu. II peatükk on pühendatud matmisviisidele. III peatükis esitatakse matusepaikade inventari klassifikatsioon ja dateering. IV peatükis esitab autor järeldused, toetudes arheoloogilistele, ajaloolistele ja lingvistilistele andmetele, mate-tute etnilise koosseisu kohta.

S. I. KOTJKURKINA. «SYDÖSTRA LADOGAOMRÅDET UNDER
900—1200-TALEN»

(FÖRLAGET «NAUKA», L., 1973)

L. GOLUBJEVA

Resumé

S. I. Kotjkurkinas bok berikar och systematiserar det väldiga material, som samlats efter utgrävningarna av 1143 gravhögar. Detta material, som belysts i olika publikationer samt opublicerat (A. M. Linjevskijs kollektion), är nu sammanställt och tillgängligt.

Boken består av fyra kapitel och bilagor (13 tabeller).

I det första kapitlet ges en kort historisk översikt av de arkeologiska utforskningarna av sydöstra Ladogaområdet. Det andra kapitlet är tillägnat begravningsstederna. I kapitel tre ges en klassificering och datering av gravinventariet. Med stöd av samlade arkeologiska, historiska och lingvistiska fakta drar S. I. Kotjkurkina i det fjärde kapitlet slutsatser angående de begravnings-etniska sammansättning.

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ XVI ВЕКА

(Knud Rasmussen. Die livländische Krise 1554—1561. Københavns Universitets Slaviske Institut. Studier I). Universitetsforlaget i København 1973. 242 S.)

В середине XVI века стало ясно, что раздробленная и ослабленная Ливонская конфедерация долго просуществовать уже не сможет. В связи с тем, что в ее дальнейшей судьбе были заинтересованы все восточноевропейские государства, ливонский или балтийский вопрос стал в то время одной из главных международных проблем. Возникновению и начальной стадии так называемого ливонского кризиса (1554—1561 гг.) посвящена докторская диссертация датского историка Кнута Расмуссена, опубликованная недавно в серии трудов славянского института Копенгагенского университета.

Книга написана на основе большого количества документальных материалов. Большая часть использованных автором документов уже давно опубликована, однако Расмуссену удалось в результате своих изысканий в архивах Швеции, Дании, Польши, ФРГ и ГДР обнаружить значительное количество новых документов, не введенных до него в научный оборот. В виде микрофильма использованы также некоторые материалы ЦГАДА СССР, освещающие русско-датские отношения.

Здесь мы отметим в основном те новые положения диссертации, где автор расходится с более или менее установившимися в литературе мнениями.

В начальной части книги рассматривается международное положение в Восточной Европе в то время, когда рижский архиепископ назначил своим преемником (коадьютором) Христофера — брата герцога Мекленбургского и родственника короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа. Автором так называемого коадьюторского плана Расмуссен считает прусского герцога Албрехта, который стремился присоединить Ливонию к Польше, ибо пропрусская Ливония в составе Польши должна была резко усилить влияние самого Албрехта на польское государство.

В нескольких главах Расмуссен анализирует цели и мотивы других восточноевропейских государств в коадьюторском конфликте. По его мнению, присоединение Ливонии было бы для Польши и Литвы опасно, так как оно могло привести к войне с Россией. Однако в то же время Сигизмунд II Август пытался сделать Орден своим союзником в случае войны с Московским государством. Объявление войны Ордену и сосредоточение литовских войск на ливонской границе было лишь военной демонстрацией. Нажим России на Ливонию на переговорах 1557 г. был в интересах Сигизмунда II Августа, так как толкал Орден на сближение с Польшей—Литвой. Король Польши даже спровоцировал русское давление на Ливонию тем, что не поддержал агрессивных планов против России своего потенциального союзника — крымского хана.

На первых порах активное участие в коадьюторском конфликте принимала и Дания. Прусский герцог видел в Дании своего союзника, но фактически она не сыграла предназначенной ей герцогом Албрехтом роли. По обоснованному мнению Расмуссена, датская внешняя политика представляла собой компромисс между двумя противоположными трактовками стоящих перед государством проблем. Канцлер Йохан Фрийс и влиятельная группа членов государственного совета всячески добивались укрепления позиций Дании на восточных берегах Балтики. Король Кристиан III видел основную опасность для страны, и в особенности — для своей династии, в притязаниях на датский престол дочерей свергнутого в 1523 г. Кристиана II: жены курфюрста пфальцского и лотарингской герцогини — и боялся, что прибалтийская политика ослабит Данию для борьбы с опасностью с юга.

Ливонский орден преследовал во время коадьюторского конфликта две цели: предотвратить возникновение иностранного господства в Ливонии и упрочить влияние Ордена в конфедерации, ослабив при этом положение рижского архиепископа. Однако Орден не был в силах достичь этих целей без помощи извне.

Россия в середине 50-х годов XVI в. сосредоточила свои силы на борьбе с татарскими ханствами на востоке и юге. Поэтому она избегала конфронтации с Польшей и Литвой. Но новая международная обстановка на юге, начавшаяся в результате окончания в 1555 г. семилетней турецко-персидской войны, заставила Россию отодвинуть «крымские дела» на второй план. Мирная инициатива Крымского ханства в Москве в декабре 1556 г. убедила Ивана IV в том, что южные границы его государства на некоторое время вне опасности. Поэтому, полагает Расмуссен, на переговорах в Москве в феврале 1557 г. русское правительство оказывало сильное давление на Ливонию и искусно добилось создания удобного повода для вмешательства в ливонские дела в будущем. Однако автор книги уверен в том,

что воевать с Польшей из-за Ливонии Иван IV не собирался. Расмуссен видит подтверждение вышесказанному прежде всего в приказе Ивана IV от апреля 1557 г. о строительстве Ивангородской гавани. Отсюда Расмуссен заключает, что царь намеревался направить русскую торговлю с Западом мимо ливонских городов — значит, был готов отказаться от своих ливонских планов. Автор книги подвергает критике некоторые положения американского историка В. Кирхнера (перенявшего их из более ранней исторической литературы), что условия Посвольского мирного договора были продиктованы Сигизмундом II Августом и что в результате этого договора Ливония попала под польско-литовский протекторат. По мнению Расмуссена, реституция архиепископа Вильгельма подняла международный престиж Сигизмунда II Августа. Но реальные выгоды, полученные Польшей в результате этого договора, были незначительны: на военную поддержку со стороны Ордена в случае войны с Россией Польша могла рассчитывать лишь через 12 лет.

Большое значение в развитии ливонского кризиса Расмуссен придает деятельности крымского хана. Девлет-Гирей, не найдя поддержки своим агрессивным планам против России со стороны Сигизмунда II Августа, стал с конца 1556 г. искать сближения с царем. Кульминационным пунктом этой политики был опустошительный поход татар в подвластные польскому королю Подолию и Волинию в конце 1557 г. Таким образом, Сигизмунд II Август был вынужден заботиться о своих южных границах, и Иван IV решил использовать благоприятную внешнеполитическую ситуацию. Расмуссен утверждает, что царь принял решение начать войну с Ливонией не в ноябре, а лишь в середине декабря 1557 г.: на переговорах 8—11 декабря русские представители еще проявляли готовность пойти навстречу ливонской стороне, однако 16 декабря их поведение стало уже совсем иным. Причина такой перемены заключается, по мнению Расмуссена, в том, что в середине декабря царь убедился в существовании враждебных отношений между крымскими татарами и Польшей—Литвой. Последние были настолько озабочены южными проблемами, что решились протестовать против вторжения русских войск в Ливонию лишь через год после начала Ливонской войны, когда Сигизмунд II Август сумел восстановить с крымским ханом дружеские отношения. Расмуссен утверждает, что датировка похода татар под Тулу началом 1558 г. является ошибочной — фактически же этот поход, означавший новую перемену в политике Крыма, имел место в конце 1558 г.

Интересно, хотя и не совсем убедительно, утверждение Расмуссена о том, что в правительственных кругах Московского государства в 1550-е годы по внешнеполитическим вопросам серьезных разногласий не было. Внешняя политика Избранной

рады, считает Расмуссен, не преследовала особых интересов боярства и была направлена как на юг — против татар, так и на запад — против Ордена и Польши—Литвы. Расхождение же во взглядах наметилось лишь весной 1560 г.: по мнению Расмуссена, вопрос заключался не в том, направлять ли силы государства против запада или же против юга — расхождение имелось в оценке возможных последствий продолжения Ливонской войны. Из послания Сигизмунда II Августа от 8 декабря 1559 г., по существу являвшегося ультиматумом, Адашев и его сторонники заключили, что продолжение Ливонской войны сделает войну с Польшей неизбежной. Царь, тоже не желавший в данной ситуации воевать с Польшей, сделал ставку на сильную партию мира в Литве и пытался разными дипломатическими маневрами укрепить надежду на сохранение мира в польско-литовском лагере. По мнению Расмуссена, литовские магнаты были более всего заинтересованы в судьбе Риги и Даугавского бассейна, и пока эти территории не находились в опасности, магнаты пытались избежать крупных военных расходов. Надежды царя на первых порах оправдались. Правда, в третьем квартале 1560 г. в Литве велась интенсивная подготовка к войне, но после того, как 1 октября Сигизмунду II Августу было передано послание царя с предложением заключить брак между царем и сестрой короля, военные мероприятия снова приостановились.

Напряженная дипломатическая борьба между двумя основными соперниками в ливонском кризисе — Россией и Польшей—Литвой — дала возможность реализовать свои планы Дании, которая, как полагает Расмуссен, играла в этом кризисе лишь второстепенную роль, равно как и Швеция. Швеция же видела опасность для своих интересов не в военных успехах русских войск в Ливонии, а в датской экспансии на восточном берегу Балтийского моря. Датская и шведская интервенция, в особенности же — отрицательный ответ Московского государства на новые польско-литовские предложения заставляли Сигизмунда II Августа действовать более решительно. После заключения соглашений о подчинении Ордена и рижского архиепископа Сигизмунду II Августу война между Россией и Польшей—Литвой стала неизбежной. Ливонский кризис вступил в новую фазу.

Таково основное содержание монографии Расмуссена. Она, безусловно, представляет очень большой интерес для всех, занимающихся политической историей Восточной Европы. Правда, не все положения автора в достаточной мере аргументированы — иногда чувствуется, что автор слишком увлекается своими рабочими гипотезами. Некоторые же факты интерпретируются не совсем правильно: например, трудно поверить, что указ царя о строительстве Ивангородской гавани свидетельствует об отказе от активной политики в Ливонии. Обезопасить таким образом торговлю с Западом было бы просто невозможно. Сомни-

тельным является также утверждение Расмуссена, что Иван IV лишь в середине декабря 1557 г. решил начать войну с Ливонией. Во всяком случае, сосредоточение русских войск на ливонской границе началось значительно раньше.

Автор заранее оговаривает, что он не будет рассматривать внутреннее положение в Ливонии. К сожалению, вследствие этого народы Прибалтики выступают лишь как объекты истории. В действительности же борьба эстонских и латышских крестьян против немецких феодалов играла немаловажную роль в разрушении Ливонской конфедерации. Напомним здесь лишь крестьянское восстание в Западной Эстонии осенью 1560 г., очень обеспокоившее герцога Магнуса (что известно из писем герцога его брату — датскому королю Фредерику II).

Иногда чувствуется и недостаточное знание соответствующей советской исторической литературы; иной раз общепринятые уже в более ранней литературе положения связываются с именем более позднего автора. Встречаются и некоторые неправильные формы географических названий: Overpall (вместо Oberpahlen), Torwo (вместо Tarvast), Sonnenburg (вместо Soneburg) и т. д.

Однако, несмотря на некоторые спорные положения и недостатки, книга Расмуссена является серьезным и доброкачественным исследованием, которое во многом поможет изучению большой и сложной исторической проблемы.

VAARTUSLIK UURIMUS XVI SAJ. RAHVUSVAHELISTE SUHETE VALLAST

H. LIGI

Resümee

Retsensioonis vaadeldakse Kopenhaageni ajaloolase Knut Rasmussen'i uurimust «Die livländische Krise 1554—1561». (Kopenhagen 1973). Selles esitab Knut Rasmussen, osalt uudsele faktilisele materjalile tuginedes, ka oma seisukoha Liivi sõja eelsündmuste ja algperioodi selle käsitle kohta, mis on olemas varasemas ajalookirjanduses. Retsensent refereerib monograafia põhi-seisukohti, leiab need olevat põhjendatud ja annab tööle positiivse hinnangu. Mõned raamatus esitatud seisukohad ei ole aga retsensendi arvates põhjendatud, esineb üksikuid kergekäelisi järeldusi. Kohati annab tunda vastava nõukogude kirjanduse vähene tundmine.

EN VÄRDEFULL AVHANDLING OM DE INTERNATIONELLA RELATIONERNA PÅ FEMTONHUNDRATALET

H. LIGI

Resumé

I recensionen behandlas den danske historikern Knut Rasmussens avhandling «Die livländische Krise 1554—1561» (Köpenhamn 1973). Med stöd av nytt faktamaterial framhåller Knut Rasmussen också sin ståndpunkt beträffande den behandling av Livländska krigets förhistoria och inledningsperiod, som existerar i tidigare historisk litteratur. Recensenten refererar monografins grundteser, finner dem väl motiverade och ger en positiv bedömning av arbetet. Recensenten framhåller emellertid, att inte alla teser, som uppställs i boken, är tillräckligt argumenterade. Det förekommer vissa lättsinniga slutsatser. Här och där framkommer också bristande kunskaper i motsvarande sovjetisk litteratur.

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СИМПОЗИУМ СОВЕТСКИХ И ФИНСКИХ ИСТОРИКОВ

14—16 января 1974 г. в Москве состоялся очередной, 4-й, симпозиум историков СССР и Финляндии¹. Руководителем финской делегации был профессор Хельсинкского университета П. Ренвалл. Делегация состояла из девяти известных финских историков: профессоров О. Вехвилайнена, Х. Киркинена, Э. Кууйо, Т. Полвинена, Л. А. Пунтила, П. Томмила и докторов П. Ромми и О. Юссила. От Советского Союза в работе симпозиума участвовало около 20 ученых из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Тарту и Таллина: доктора исторических наук Ю. С. Кукушкин (председатель советского оргкомитета симпозиума), И. М. Бобович, В. М. Бовыкин, А. Вассар, С. Вахтре, П. А. Зайончковский, А. С. Кан, К. Сийливаск, Э. В. Тарвел, И. П. Шаскольский, канд. ист. наук Х. Арумяэ, М. Н. Власова, В. Труммал, В. М. Холодковский и др.

Открывая симпозиум, академик-секретарь отделения истории АН СССР Борис Александрович Рыбаков приветствовал всех участников, обратил особое внимание на многовековое мирное сосуществование древнеславянских и финно-угорских племен. В Восточной Европе они взаимно ассимилировались, заимствовали друг у друга навыки экономической и культурной жизни и помогали друг другу, когда кто-то из них оказывался в беде.

Б. А. Рыбаков сказал: «Это, конечно, представляет очень большой интерес и с точки зрения этногенеза, с точки зрения истории, — взаимодействия разных народов и племен. И наш симпозиум является показателем доброй воли финского народа и народов СССР. Они хотят совместно, в дружеской обстановке изучать многочисленные проблемы, которые возникают перед нами».

На симпозиуме обсуждались три проблемы: «Участие восточно-балтийских племен в разрешении балтийского вопроса в XII—XIII веках», «Царизм и общественно-политическое дви-

---

¹ Об этом симпозиуме см. краткие обзоры Н. П. Разова в журн. «Новая и новейшая история», 1974, № 3, и С. А. Грина в «Вестнике Академии наук СССР», 1974, № 7.

жение в Финляндии в конце XIX века» и «Проблемы европейской безопасности в 30-е годы XX века. Уроки истории». По каждой проблеме обсуждались два доклада (один от советских, другой от финских историков).

По первой проблеме совместный доклад представили профессор Х. Киркинен (Йоэнсуу) и Э. Кууйо (Хельсинки) на тему «Участие балтийских и финских племен в разрешении территориальных вопросов в районе Балтийского моря в XII—XIII веках». Докладчики, дав обзор политического положения, сложившегося в Прибалтике в XII—XIII вв. (в основном в Карелии и Эстонии) в результате завоевательных походов немецких крестоносцев, Дании и Руси, подчеркнули, что в политической истории часто отмечается только борьба между Западом и Востоком и замалчивается роль и стремления в этой борьбе местного населения. Финские историки пытались ответить на вопрос, каким образом финские племена принимали участие в разрешении крупных политических проблем в районе Балтийского моря. На юге и западе Финляндии племена суоми и хямэ участвовали в завоевательных походах шведов вплоть до побережья Ладоги и Ингерманландии. Карелы в XII в. сражались в союзе с Новгородом против хямэ и шведов, исходя из экономических, политических и военных интересов Новгорода. Последний стремился обеспечить себе в лице карел надежного союзника. Таким образом, суоми и хямэ участвовали в проведении политики Швеции, а карелы выступали в интересах политики Новгорода.

Оба докладчика стремились дать свое толкование термина «чудь». По их мнению, финские исследователи используют этот термин как обобщающий для обозначения прибалтийско-финских племен, советские же историки — только для обозначения эстов.

С советской стороны по этой проблеме был представлен доклад члена-корр. АН ЭССР А. Вассара и д-ра ист. наук Э. Тарвела (Таллин) на тему «Борьба восточно-балтийских племен с немецко-скандинавской агрессией в XII—XIII вв.». Докладчики обратили особое внимание на общие экономические и общественно-политические черты народов, проживавших на восточном побережье Балтийского моря в период их перехода к феодализму и борьбы с германско-скандинавской агрессией. При этом особое внимание было обращено на два момента: соотношение борющихся сил в Прибалтике (в том числе и в Пруссии) во время агрессии и направление этой агрессии на разных исторических этапах.

Поднятые докладчиками вопросы вызвали оживленный обмен мнениями. Выступило более 15 человек (И. П. Шаскольский, В. Труммал, К. Сийливак и др.). И. П. Шаскольский отметил плодотворные достижения параллельных исследований

советских и финских ученых по рассматриваемой проблеме. Опровергнута злополучная теория буржуазной историографии о делении народов на исторические и неисторические. Все народы — исторические, участвуют в творении истории — и великие, и малые. Э. Тарвел подчеркнул, что в немецко-скандинавской феодальной агрессии существенную роль сыграли торговые интересы немецкого купечества, стремившегося обеспечить себе путь от Риги к Пскову и Новгороду. Внутренние противоречия между рижским епископом и Орденом меченосцев были второстепенными. С. Вахтре, одоббив доклад А. Вассара и Э. Тарвела, предложил в будущем продолжать исследование международных связей народов Прибалтики периода XII—XIII веков.

Многие выступающие высказали свое мнение о термине «чудь»: В. Труммал, Э. Тарвел и некоторые другие отметили, что советские историки давно разделяют двоякое значение этого термина. Проф. Х. А. Моора писал, что, по-видимому, к «чуди» летописцы относили не только эстов, но и водь, а также неизвестные нам племена, жившие за Чудским озером.

Сложилось общее мнение, что исторический термин «чудь» использовался двояко: 1) для обозначения финно-угорских племен в широком смысле и 2) для обозначения эстов.

По второй проблеме были представлены доклады доц. П. Ромми (Тампере) «Царизм и движение фенноманов в Финляндии в 1880—1890-е годы» и доц. Л. Суни (Петрозаводск) «Царизм и общественно-политическое движение в Финляндии в 1880—1890-е годы». Доц. П. Ромми охарактеризовала позиции различных политических групп, прежде всего фенноманов, по отношению к царизму. Она отметила также, что в конце 1880-х годов наблюдался быстрый рост политических группировок и дифференциация их взглядов и что трудно всегда найти причины образования этих групп, союзов. Вначале они были небольшими, организационно неоформленными, проявляли себя главным образом через печать (газеты). Их разделяли в основном национальные границы. Однако П. Ромми рассматривает эти группы и с социальной точки зрения. Так, движение фенноманов было вначале направлено против шведского языка и культуры, против верхушки шведоманов. В 1890-е годы противоречия между конституционалистами и фенноманами заключались только в различной тактике. Соответственно своим взглядам, обе группировки пытались защищать финляндскую государственность, которая была жертвой внешнего насилия.

Доц. Л. Суни, характеризуя политику царизма по отношению к Финляндии в XIX веке, подчеркнул, что уступки царизма в пользу финляндской автономии делались в кризисные для царского правительства моменты, и каждый раз, когда давле-

ние на автономию усиливалось, оно обуславливалось стабилизацией внутренней и внешней политики царизма. По мнению докладчика, с этими двумя вопросами тесно связаны конкретные исторические условия в Финляндии: партийно-политическая борьба, успехи развития капитализма, соответствующая этому строю идеология и др. Автор осветил и те причины, которые обусловили сотрудничество финноманов с царским правительством.

Оба доклада как бы дополнили друг друга и послужили основой для оживленного обмена мнениями (участвовало 19 человек). Некоторые выступления были сделаны в форме мини-докладов (выступления В. Холодковского, К. К. Сийливаска, П. Томмила, Т. Полвинена и др.). Выступавшие высказали много интересных мыслей. Так, К. К. Сийливаск (Тарту) отметил характерную особенность внутренней политики царского правительства 1880—1890-х гг. — наступление реакции, русификацию окраин и малых народов. Реакция наступала в Финляндии, Прибалтике, Польше и др. местах, однако проявлялась по особому в различных районах. П. Томмила (Турку) выразил свое удовлетворение докладом Л. Суни, который ввел в научный оборот новый ценный архивный материал, что очень важно и для дальнейшего взаимного сотрудничества. П. Томмила считает, что царское правительство было довольно слабым, оно не могло найти корни финского сопротивления, которое изображалось в рапортах генерал-губернатора Бобрикова как единое мощное движение. В действительности такого единого мощного движения не было. Различные группы и партии имели свои интересы и тактику борьбы. В. М. Холодковский (Москва), характеризуя позиции старофинской партии, сказал, что она стремилась своеобразной политикой умиротворения и уступок царизму избежать конфликтов с Россией и тем самым сохранить автономию, хотя бы и ограниченную. Старофинны считали, что конфликты могли бы привести к поражению Финляндии и лишению автономии. М. Н. Власова, одобрив доклады П. Ромми и Л. Суни, дополнила их рядом интересных положений.

Итак, участники симпозиума узнали много интересного о социальной базе движения финноманов и их сотрудничестве с царизмом.

Большой интерес вызвала третья проблема, так как вопрос о безопасности Европы остается актуальным и сегодня. Докладчиком с финской стороны был О. Вехвилайнен (Тампере). В докладе «Проблема европейской безопасности в 30-х годах (особенно в Восточной и Северной Европе)» оратор показал значение борьбы за безопасность для всех народов, особенно европейских, после первой мировой войны, когда начался новый этап в развитии международных отношений. Характерными

рубежами являются, по его мнению, ленинский Декрет о мире и стремление некоторых общественных слоев капиталистических стран предотвратить в будущем войну созданием такой международной организации, которая смогла бы гарантировать независимость и территориальную неприкосновенность как больших, так и малых государств. Такая организация в виде Лиги наций была создана. Автор дал обстоятельный анализ антагонистических противоречий капиталистических государств, которые лишили Лигу наций действенной силы против агрессоров, особенно в 1930-е гг., что и привело ко второй мировой войне.

Советский представитель В. Сиполс (Москва) в докладе «Проблема безопасности на востоке и севере Европы в 30-х годах XX в.» обратил особое внимание на борьбу Советского Союза за коллективную безопасность, так как только коллективное решительное выступление против организаторов войны смогло бы обуздать агрессоров. Однако многочисленные предложения Советского Союза заключить такие договоры между крупными и малыми европейскими государствами (в их же интересах) отвергались из-за капиталистической сущности внешней политики этих государств (за исключением договоров с Литвой, Латвией, Эстонией и Югославией, заключенных уже после начала второй мировой войны).

В ряде выступлений по этим докладам были подняты новые аспекты проблемы. В частности, А. С. Кан говорил об историко-научной базе исследуемой проблемы. Он считает, что «вопросы международных отношений тридцатых годов уже приобрели такую историческую дистанцию, что их можно было бы изучать с доступом ученых к неопубликованным документам». А. С. Кан требует от историков сугубой объективности в исследовании внешней политики своих стран. Он отмечает, что среди дипломатических документов 30-х годов больше всего опубликовано германских (т. е. побежденной стороны), затем американских, английских, французских. Фундаментальная публикация советских дипломатических документов доведена до середины тридцатых годов. Кое-что вошло в публикацию «Советский Союз в борьбе за мир и безопасность». В скандинавских странах и Финляндии в этом отношении сделано еще сравнительно мало.

Н. Д. Смирнова дополнила доклад О. Вехвиляйнена характеристикой политики Италии, искавшей в 1920—1930-х гг. такого союзника, который мог бы способствовать осуществлению вполне определенных захватнических планов. Интересным является ее сравнение судеб малых стран Юго-Восточной Европы и малых стран Северной Европы, которые в период агрессивной активности фашистской Германии были связаны в единый комплекс.

Отрадно отметить, что в области проблемы европейской безопасности мнения советских и финских историков совпадали.

Подводя итоги симпозиума, д-р ист. наук А. С. Кан (Москва) отметил, что в ходе активных дискуссий были подняты новые проблемы и задачи исследования и что симпозиум принес пользу для обеих сторон. Он несомненно способствовал взаимному сближению мнений историков двух соседних государств.

Было решено следующий симпозиум советских и финских историков провести в Хельсинки в 1975 г. Для обсуждения на будущем симпозиуме выдвинуты следующие проблемы: 1) Феодализм в Прибалтике, Финляндии и Северной России, 2) Революционные события 1905—1907 гг. в России и Финляндии, их исторические предпосылки и 3) Фашизм в Прибалтике и Финляндии в 1920—1930-е годы.

NOUKOGUDE JA SOOME AJALOOLASTE SÜMPOOSIUM

U. TEISTRE

Resümee

14.—16. jaan. 1974. a. toimus Moskvas IV NSVL ja Soome ajaloolaste sümpoosium, mille tööst võttis osa 9 väljapaistvat soome ajaloolast eesotsas prof. P. Renvalliga ning umbes 20 nõukogude teadlast. Sümpoosiumil oli arutlusel 3 probleemi: «Ida-Balti hõimude osavõtt Balti küsimuse lahendamises XII—XIII saj.»; «Tsarism ja ühiskondlik-poliitiline liikumine Soomes XIX saj. lõpul» ja «Julgeoleku probleemid XX saj. 30. aastatel. Ajaloo õppetunnid». Iga probleemi kohta kuulati 2 ettekannet — üks nõukogude, teine soome ajaloolaselt. Elava diskussiooni käigus tõstatati uusi probleeme ning ülesandeid. Sümpoosium aitas kahtlemata kaasa kahe naaberriigi ajaloolaste lähenemisele.

Järgmine nõukogude ja soome ajaloolaste sümpoosium otsustati pidada Helsingis 1975. a., kus tulevad arutlusele järgmised probleemid: 1) feodalism Baltikumis, Soomes ja Põhja-Venemaal; 2) 1905.—1907. a. revolutsioonilised sündmused Venemaal ja Soomes, nende ajaloolised eeldused ja 3) fašism Baltikumis ja Soomes 1920.—1930. a.

DE SOVJETISKA OCH FINSKA HISTORIKERNAS SYMPOSIUM

U. TEISTRE

Resumé

Mellan den fjortonde och sextonde januari 1974 ägde i Moskva det fjärde symposiet rum mellan de sovjetiska och finska historikerna. På det deltog nio kända finska historiker under ledning av professor P. Renvall och närmare tjugo sovjetiska vetenskapsmän.

På symposiet diskuterades tre problem: de östbaltiska stammarnas deltagande i lösandet av Östersjöfrågan på 11—1200-talet; tsarismen och den samhällspolitiska rörelsen i Finland i slutet av 1800-talet; säkerhetsproblem på 1930-talet. Historiens erfarenheter.

Varje problem ägnades två föreläsningar. Den ena hölls av en sovjetisk historiker, den andra av en finsk. Under de aktiva diskussionerna togs nya problem och forskningsuppgifter upp. Symposiet främjade utan tvekan ett ömsesidigt närmande av ställningstagandena mellan de båda grannstaternas historiker.

Man beslöt att hålla nästa symposium mellan sovjetiska och finska historiker i Helsingfors 1975. Till diskussion under det kommande symposiet har man uppställt följande problem: 1) Feodalismen i Baltikum, Finland och norra Ryssland. 2) Revolutionära händelser 1905—07 i Ryssland och Finland, deras historiska förutsättningar. 3) Fascismen i Baltikum och Finland på 1920—30-talet.

СЕМЕН МАКСИМОВИЧ МИРНЫЙ

24 ноября 1973 года в Москве на 77-м году жизни скончался С. М. Мирный — старый большевик, дипломат и журналист. В советское время его деятельность была тесно связана со Скандинавией.

С. М. Мирный родился в латышском городке Грива в семье служащего лесничества. Он рано оставил отчий дом и уехал в Ригу, где учился в гимназии. Уже там проявились его недюжинные лингвистические способности, поражающие всех, кто с ним работал или просто знал его. Он овладевает латышским, древнегреческим, латинским, немецким, французским языками, а впоследствии также тремя скандинавскими, испанским, итальянским, болгарским и турецким языками.

Великая Октябрьская социалистическая революция определила весь жизненный путь Мирного, навсегда связала его с Коммунистической партией, членом которой он стал в 1918 году. В годы революции и гражданской войны С. М. Мирный выполняет ответственные поручения партии. Так, в 1919 году, по заданию ЦК РКП(б), он уезжает на подпольную работу в Крым. Здесь С. М. Мирный познакомился с А. М. Коллонтай, с которой впоследствии ему пришлось работать в Норвегии и Швеции. После захвата белыми Крыма С. М. Мирный был направлен Исполкомом Коминтерна в монархическую Болгарию для установления связей с Дм. Благоевым и Болгарской компартией (тесняков). С тех пор на протяжении многих лет С. М. Мирный участвовал в болгарском революционном движении, работал в подполье и был впоследствии награжден высшим орденом Народной Болгарии — орденом Георгия Димитрова.

С 1926 года по 1937 год С. М. Мирный находился на дипломатической работе. Половину этого периода он провел в Скандинавии. С 1927 по 1931 гг. он являлся первым секретарем полпредства в Норвегии, а в 1937 г. — советником полпредства в Стокгольме. В Осло он энергично и искусно выполнял обязанности советского дипломата в стране, лишь недавно признавшей СССР, был ближайшим помощником А. М. Коллонтай.

При прямом участии С. М. Мирного успешно развивались торгово-экономические и культурные связи обеих стран; сложились тесные, доверительные отношения с деятелями рабочего движения и левой интеллигенцией Норвегии; в 1928 г. он вместе со всеми работниками полпредства вплотную участвовал в подготовке известной экспедиции ледокола «Красин» по спасению разбившегося в Арктике дирижабля Нобиле. Общеизвестны его заслуги в создании необходимых и благоприятных условий для первого выступления советских историков на Международном конгрессе исторических наук в Осло¹.

Позже, в 1930-е годы, по-прежнему связанный по работе со Скандинавией, С. М. Мирный старался поддерживать и расширять дружеские узы с общественными деятелями, представителями культуры, завоевывая тем самым новых друзей для нашей страны. Тесные личные контакты он поддерживал с норвежским писателем-антифашистом Н. Григом, прогрессивным историком, позже министром иностранных дел Норвегии Х. Куттом, норвежским художником Х. Сёренсеном, шведским социалистом и пацифистом К. Линдхагеном и др.

С первых дней Великой Отечественной войны С. М. Мирный в возрасте 45 лет ушел добровольцем на фронт, закончил войну в Берлине, был ранен. В послевоенные годы он преподавал скандинавские языки на курсах МИДа (1946—1949 гг.), писал статьи и комментарии по скандинавской тематике для журналов и радио, а с 1955 г. до последнего дня своей жизни работал главным библиографом Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Опираясь на свои разносторонние познания в области скандинавистики, он отдал много сил пополнению этого крупнейшего советского книгохранилища скандинавскими книгами и периодикой. То, что ныне Ленинская библиотека стала одним из лучших собраний литературы на скандинавских языках за пределами самих северных стран, — в немалой степени заслуга С. М. Мирного. Революционер-интернационалист, советский дипломат, проживший насыщенную и славную жизнь, Семен Максимович отличался удивительной скромностью, простотой, отзывчивостью. Историки-скандинависты будут помнить своего старшего товарища, который охотно и щедро делился своими обширными знаниями о людях, событиях, книгах и ценными личными воспоминаниями.

---

¹ См.: «Документы об участии советских ученых в VI Международном конгрессе исторических наук». — «Советские архивы», 1973, № 6, стр. 50—56.

М. П. ГАНЗЕН-КОЖЕВНИКОВА

19 октября 1974 г. в Ленинграде скончалась Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова, педагог и переводчик, много сделавшая для сближения культур народов Скандинавии и СССР. Болью отзовется эта весть в сердцах знавших ее.

Марианна Петровна продолжила дело своих родителей, которые всю жизнь трудились, чтобы русский и скандинавские народы больше знали друг о друге. Петр Готфридович Ганзен, выходец из Дании, называвший Россию своей второй родиной, и Анна Васильевна, его супруга, перевели на русский язык целую библиотеку скандинавской литературы, многие тома которой перепечатываются в неизменном виде и по сей день.

Участвуя сначала в переводческой деятельности своих родителей, Марианна Петровна стала затем работать самостоятельно и перевела произведения многих писателей Дании и других скандинавских стран, причем если ее первый перевод увидел свет в 1912 году, то на последнем значится — 1972.

Главным своим делом в жизни М. П. Ганзен-Кожевникова считала педагогическую работу. Более пяти десятилетий работала она сначала в средней школе, затем в высших учебных заведениях, где преподавала биологию (по образованию она была биологом), а позже иностранные языки, которых она знала немало.

В 1947 году в Ленинградском университете открылось первое в СССР отделение датского языка и литературы. Марианна Петровна стала его первым преподавателем. Многие специалисты по датскому языку, работающие в СССР и за рубежом, преподаватели и переводчики, журналисты и библиотекари с благодарностью вспоминают своего учителя.

Марианна Петровна всегда была человеком долга, человеком-гражданином. В тяжелые годы войны с 1941 по 1945 годы она была на фронтах переводчиком, иметь дело приходилось со многими языками, с разными видами перевода.

Другой ее характерной чертой было громадное трудолюбие и упорство. «Учиться никогда не поздно», — повторяла Марианна Петровна своим ученикам. И ее собственная жизнь

подтверждала справедливость этих слов. В возрасте 45 лет она поступила на заочное отделение языкового вуза и окончила его. В возрасте 51 года она поступила в аспирантуру, и лишь война помешала учебе. А в возрасте 58 лет она начала работать на датском отделении Ленинградского университета и работала еще 16 лет.

Последние годы Марианна Петровна была на пенсии, но отдых не признавала. Консультировала научных работников и переводчиков, публиковала рецензии, статьи и переводы. В 18-м номере «Скандинавского сборника» опубликована ее рецензия на книгу о Х. К. Андерсене.

В июне 1974 г. на филологическом факультете Ленинградского университета собрались ученики и коллеги М. П. Ганзен-Кожевниковой, чтобы поздравить ее с 85-летием. Прозвучало много сердечных слов. Пришло поздравление и из Дании, из Общества датско-советской дружбы, в котором говорилось об искренних, горячих чувствах датчан к «этому на редкость цельному, умному и сердечному человеку». Письмо сообщало: «учитывая неоценимый вклад в дело распространения знания о датском языке в Ленинградском университете, блистательные переводы, героическую службу в Советской Армии, общество решило избрать Марианну Петровну своим почетным членом».

Марианна Петровна продолжала работать вплоть до самых последних дней. Свою последнюю консультацию она провела накануне кончины.

Светлый образ Марианны Петровны Ганзен-Кожевниковой будет жить среди ее учеников и товарищей по работе, среди всех, кому дорого дело советско-скандинавских связей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдусин Даниил Антонович, 1918 г. рожд., д-р ист. наук. Профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. Основная проблематика работ: история раннего русского феодализма, норманский вопрос, археология древнерусских городов, общие проблемы археологии. Автор книг «Археология СССР», «Полевая археология СССР» и многих статей.

Булкин Василий Александрович, 1945 г. рожд., ассистент кафедры археологии исторического факультета ЛГУ. Основное направление научно-исследовательской работы: проблемы расселения славян в пределах лесной зоны Восточной Европы и формирования городских центров.

Вайну Херберт Мартович, 1929 г. рожд., журналист, внешнеполитический комментатор Эстонского радио и телевидения. Занимается исследованием немецко-финских отношений в годы второй мировой войны.

Возгрин Валерий Евгеньевич, 1939 г. рожд. Младший научный сотрудник ЛОИИ АН СССР. Темы исследования: внешняя политика скандинавских стран в нач. XVIII в., экономическая история Дании в XVI—XVIII вв.

Голубева Леонилла Анатольевна, 1909 г. рожд., канд. ист. наук. Ст. научный сотрудник Института археологии АН СССР. Специалист по славяно-русской и угро-финской археологии. Автор крупной монографии «Весь и славяне на Белом озере в X—XIII вв.»

Закс Владимир Андреевич, 1946 г. рожд. Ассистент кафедры всеобщей истории Калининского госуниверситета. Занимается проблемами правового мышления древних норвежцев.

Каллус Хелью Айновна, 1942 г. рожд. Мл. научный сотрудник сектора истории капитализма АН ЭССР. Направление научно-исследовательской работы: политическая история Швеции после второй мировой войны.

Кальюнди Евгений Алексеевич, 1931 г. рожд. Сотрудник Республиканского реставрационного управления Госстроя ЭССР, главный специалист по истории архитектуры. Тема исследований: средневековое оборонное зодчество.

Карлсен Аксель Владимир, 1945 г. рожд. Мл. научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. Тема исследования: политика и идеология Социалистической народной партии Дании (1958—1973 гг.).

Кирпичников Анатолий Николаевич, 1929 г. рожд., канд. ист. наук. Ст. научный сотрудник Института археологии АН СССР, зав. сектором славяно-финской археологии. Специалист по средневековой русской культуре, зани-

мается историей русского военного дела. Автор многих статей и книг по русским древностям, в том числе четырехтомника о древнерусском оружии, и монографий о крепости Орешек и Кирилло-Белозерском монастыре.

Кочкуркина Светлана Ивановна, 1940 г. рожд., канд. ист. наук. Мл. научный сотрудник ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР. Основная тема исследования: памятники эпохи средневековья в Карелии. Автор монографии «Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв.»

Лиги Херберт Мадисович, 1928 г. рожд., д-р ист. наук. Профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ТГУ. Специалист по истории СССР и всеобщей истории. Автор ряда монографий об экономике и общественных отношениях в Прибалтике в эпоху феодализма.

Лимонов Юрий Александрович, 1933 г. рожд., канд. ист. наук. Мл. научный сотрудник ЛОИИ. Направление научно-исследовательской работы: история культурных связей России с зарубежными странами в XIV—XVII вв.

Мельникова Елена Александровна, 1941 г. рожд., канд. филол. наук. Младший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Тема исследования: русско-скандинавские отношения до середины XIII в.

Мосберг Хильда Ивановна, 1903 г. рожд., член-корр. АН ЭССР, д-р ист. наук, профессор кафедры истории СССР ТГУ. Специалист по истории Эстонии, историографии истории СССР и ЭССР. Автор значительного количества монографий и статей.

Некрасов Георгий Александрович, 1916 г. рожд., д-р ист. наук. Ст. научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор ряда работ по истории Швеции и России нового времени, русско-шведским отношениям и международным связям XVII и XVIII вв., историографии и источниковедению.

Оятева Елена Ивановна, 1923 г. рожд. Ст. научный сотрудник отдела истории первобытной культуры и искусства Гос. Эрмитажа. Основное направление научно-исследовательской деятельности: изучение археологических коллекций древней кожаной обуви. Автор ряда публикаций по коллекциям кожаных изделий из средневековых русских городов, а также ряда статей о методике технологического анализа и исторического синтеза изучаемого явления.

Павулан Вилнис Вильгельмович, 1938 г. рожд., канд. ист. наук. Доцент кафедры всеобщей истории Латвийского госуниверситета им. П. Стучки. Главное направление исследовательской работы: история путей сообщения в Латвии в эпоху феодализма. Автор монографии «Пути сообщения в Латвии в XIII—XVII вв.» и ряда научных и научно-популярных статей.

Пййримяэ Хельмут Аугустович, 1930 г. рожд., канд. ист. наук. Доцент кафедры всеобщей истории Тартуского госуниверситета. Основное направление исследований: государственное хозяйство Швеции и торговля прибалтийских городов в XVI—XVII вв. Автор книги «Вопросы торговли в русско-шведских экономических отношениях в 1661—1700 гг.» и ряда статей по этим вопросам.

Рогинский Вадим Вадимович, 1945 г. рожд., канд. ист. наук. Мл. научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР (группа по истории скандинавских стран и Финляндии). Основное направление научно-исследовательской работы: новая история скандинавских стран, русско-скандинавские отношения в новое время.

Рябошанко Юрий Борисович, 1947 г. рожд. Аспирант Института истории АН СССР. Занимается исследованием истории русско-шведских отношений; основное направление работы: внедрение достижений специальных исторических дисциплин и их применение при анализе международных отношений России XVI—XVII в., в частности со Швецией.

Сванидзе Ада Анатольевна, 1929 г. рожд., канд. ист. наук. Ст. научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. Основное направление научно-исследовательской работы: история средневековья Швеции. Автор ряда монографий и статей.

Тейстре Урве Вяйновна, 1938 г. рожд. Мл. научный сотрудник сектора истории капитализма АН ЭССР. Тема исследования: финская автономия (конец XIX — нач. XX в.).

Тойвере Людмила Михайловна, 1936 г. рожд. Ст. преп. Таллинского политехнического института. Основное направление научно-исследовательской работы: научное воздействие прибавочной стоимости в условиях современного капитализма (на примерах северных стран).

Янсон Кайдо Карлович, 1940 г. рожд. Ст. преп. кафедры всеобщей истории Тартуского госуниверситета. Занимается исследованием эстонско-скандинавских отношений в 1917—1925 гг.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В XI—XX ВЫПУСКАХ «СКАНДИНАВСКОГО СБОРНИКА»

(Римскими цифрами обозначаются выпуски, арабскими —
страницы)

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1. Андреев Ю. В. (Москва). Роль инвестиций в экономике скандинавских стран. 1967, XII, 11—18.
Andrejev, J., Resümee. Investeeringute osa Skandinaaviamaade majanduses, 18.
Andrejev, J., Resümè. Investeringsarnas roll i de skandinaviska ländernas näringsliv, 18.
2. Бобович И. М. (Ленинград). Борьба за ограничение финского экспорта в Россию — составная часть «финляндской» программы русского империализма. 1966, XI, 19—30.
Bobovitš, I., Resümee. Võitlus Soome ekspordi piiramise eest Venemaal kui vene imperialismi «soome programmi» koostisosa, 31.
Bobovitj, I., Resümè. De ryska monopolens kamp mot import av finländska industriprodukter före det första världskriget, 32.
3. Вабар М. М. (Таллин). Экономическое развитие Северной Финляндии. 1968, XIII, 66—73.
Vabar, M., Resümee. Põhja-Soome majanduslik areng, 74.
Vabar, M., Resümè. Den ekonomiska utvecklingen i norra Finland, 74.
4. Вабар М. М. (Таллин). Советская Эстония в экономических отношениях СССР с Финляндией. 1971, XVI, 7—30.
Vabar, M., Resümee. Nõukogude Eesti osa NSV Liidu majanduslikes suhetes Soomega, 31.
Vabar, M., Resümè. ESSR:s andel i den sovjetisk-finska handelsförbindelserna, 32.
5. Власенко Е. А. (Москва). Особенности развития целлюлозно-бумажной промышленности стран Северной Европы (Финляндии, Швеции, Норвегии) после второй мировой войны. 1971, XVI, 33—45.
Vlassenko, J., Resümee. Tselluloosi- ja paberitööstuse arengu iseärasustest Põhja-Euroopa maades (Soomes, Rootsis, Norras) pärast Teist maailmasõda, 46.
Vlasenko, J., Resümè. Särengheter i pappersmassaindustrins utveckling i de nordeuropeiska länderna (Finland, Sverige, Norge) efter Andra världskriget, 47.
6. Герчикова И. Н. (Москва). Государственно-монополистический капитализм во внешней торговле Швеции. 1970, XV, 36—45.
Gertšikova, I., Resümee. Riiklik-monopolistlik kapitalism Rootsi väliskaubanduses, 46.
Gertjikova, I., Resümè. Den statsmonopolistiska kapitalismen i Sveriges utrikeshandel, 47.

7. Карпов Л. Н., Лебедева С. Л., Соколов М. Н. (Москва). Послевоенные тенденции в развитии и размещении производительных сил северных районов Норвегии, Швеции и Финляндии. 1968, XIII, 51—64.
 Карпов, Л., Lebedeva, S., Sokolov, M., Resümee. Nihked Norra, Rootsi ja Soome lähis-polaaralade tootlike jõudude arengus ja paigutuses pärast Teist maailmasõda, 65.
 Карпов, Л., Lebedeva, S., Sokolov, M., Resümè. Förskjutningar i produktivkrafternas utveckling och lokalisering i de norska, svenska och finska nordkalottområdena efter andra världskriget, 65.
8. Какк Л. Ю. (Таллин). Некоторые выводы об исследовании семейных расходов сельского населения Финляндии. 1968, XIII, 89—94.
 Kahk, L., Resümee. Mõningaid järeldusi Soome maelanikkonna kulutuste uurimusest, 95.
 Kahk, L., Resümè. Några slutsatser om en utredning av den finländska landsbygdsbefolkningens utgifter, 95—96.
9. Кирт А. И. (Таллин). О роли государственных финансов в экономике Финляндии (1950—1970 гг.). 1972, XVII, 7—13.
 Kirt, A., Resümee. Riikliku rahanduse osast Soome majanduses 1950.—1970. a., 14.
 Kirt, A., Resümè. Om den statliga finansens roll i Finlands ekonomi (1950—1970), 15.
10. Конахин В. В. (Москва). Роль государственного сектора в экономике современной Швеции и проблемы демократической национализации. 1974, XIX, 30—38.
 Konahhin, V., Resümee. Riikliku sektori osa Rootsi majanduses ja demokraatliku natsionaliseerimise probleemid, 39.
 Konachin, V., Resümè. Den statliga sektors roll i den svenska ekonomin och den demokratiska nationaliserings problem, 39.
11. Корнилов Г. Д. (Петрозаводск). Отношение финских политических партий к планам русско-финляндского таможенного объединения. 1910—1914. 1970, XV, 25—33.
 Kornilov, H., Resümee. Soome poliitiliste parteide suhtumine Vene-Soome tollikoondise plaanidesse aastail 1910—1914, 34.
 Kornilov, G., Resümè. Finlands politiska partiers förhållanden till planerna om en rysk-finsk tullunion 1910—1914, 34.
12. Лебедева С. Л. (Москва). Опыт классификации промышленных центров Швеции. 1967, XII, 19—31.
 Lebedeva, S., Resümee. Rootsi tööstuskeskuste klassifitseerimise katse, 31.
 Lebedeva, S., Resümè. Erfarenheter från klassificering av industricentra i Sverige, 31.
13. Лооне Л. А. (Тарту). Труды историков-экономистов Лундского университета. 1968, XIII, 199—208.
 Loone, L., Resümee. Lundi ülikooli majandusajaloolaste töödest, 209.
 Loone, L., Resümè. Arbeten i ekonomihistoria vid Lunds universitet, 209—210.
14. Лугус О. А. (Таллин). Качественные изменения в комплексном использовании древесины в Финляндии. 1968, XIII, 76—86.
 Lugus, O., Resümee. Kvalitatiivsed muutused puidu kompleksel kasutamisel Soomes, 87.
 Lugus, O., Resümè. Kvalitativa förändringar vid träets komplexanvändning i Finland, 87—88.
15. Маде Т. Р. (Таллин). Внешнеэкономические связи промышленности Финляндии. 1974, XIX, 40—50.
 Made, T., Resümee. Soome tööstuse majanduslikud välissidemed, 51.
 Made, T., Resümè. Den finska industrins utrikesekonomiska förbindelser, 52.

16. Мартынов В. Д. (Москва). Арендные отношения в современной Швеции. 1966, XI, 7—16.
Martõnov, V., Resümee. Rendisuhted kaasaegses Rootsis, 17.
Martynov, V., Resümè. Arrendeförhållandena i dagens Sverige, 18.
17. Павулан В. В. (Рига). Политика шведской администрации в Видземе XVII в. в отношении путей сообщения, транзита и дорожного хозяйства. 1971, XVI, 48—59.
Pavulans, V., Resümee. Rootsi administratsiooni poliitika Liivimaa Läti osas 17. saj. ühendusteede, transiidi ja maanteedeasjanduse suhtes, 60.
Pavulans, V., Resümè. Svenska administrationens politik i Vidzeme på 16-hundratalet beträffande kommunikationsleder, transit och vägväsende, 61.
18. Палли Х. Э. (Таллин). Об экономическом положении Эстонии в первой половине Северной войны (1700—1710). 1966, XI, 33—58.
Palli, H., Resümee. Eesti majanduslikust olukorrast Põhjasõja esimesel poolel (1700—1710), 59.
Palli, H., Resümè. Den ekonomiska situationen i Estland under första hälften av Nordiska kriget (1700—1710), 59.
19. Пийримяэ Х. А. (Тарту). О состоянии нарвской торговли в начале XVII века. 1966, XI, 82—108.
Piirimäe, H., Resümee. Narva kaubandusest XVII sajandi algul, 109.
Piirimäe, H., Resümè. Handelsförhållandena i Narva i början av 1600-talet, 109.
20. Пийримяэ Х. А. (Тарту). Удельный вес различных стран Западной Европы в торговле эстонских городов в XVII веке. 1970, XV, 7—22.
Piirimäe, H., Resümee. Lääne-Euroopa eri maade osatähtsus Eesti linnade kaubanduses 17. sajandil, 23.
Piirimäe, H., Resümè. Olika västeuropeiska staters andel i handeln med de estniska städerna på 1600-talet, 23.
21. Пийримяэ Х. (Тарту). Результаты применения электронно-вычислительной техники для анализа государственного хозяйства Эстляндии в период шведского господства в XVII веке. 1975, XX, 7—19.
Piirimäe, H., Resümee. Elektronarvuti kasutamise tulemusi Rootsi võimu perioodi Eestimaa riigimajanduse uurimisel (XVII sajandil), 20.
Piirimäe, H., Resümè. Resultaten av tillämpningen av elektronisk datateknik för analys av statshushållningen i Estland under det svenska herraväldet på sextonhundratalet, 20.
22. Сванидзе А. А. (Москва). Хозяйство Вадстеновского монастыря в XV веке. 1966, XI, 111—127.
Svanidze, A., Resümee. Wadstena kloostri majandus XV sajandil, 123.
Svanidze, A., Resümè. Vadstenaklosters hushåll på 1400-talet, 128.
23. Тойвере Л. (Таллин). Регулирование сельскохозяйственного производства в Финляндии и его результаты (60-е — нач. 70-х гг.). 1975, XX, 22—32.
Toivere, L., Resümee. Põllumajandusliku tootmise reguleerimine ja selle tulemused Soomes, 33.
Toivere, L., Resümè. Regleringen av jordbruksproduktionen och dess följder i Finland, 33.
24. Чернышева О. В. (Москва). Государственное регулирование экономики Швеции во время второй мировой войны. 1974, XIX, 7—27.
Tšernõšova, O., Resümee. Rootsi majanduse riiklik reguleerimine Teise maailmasõja ajal, 28.
Tjernysjova, O., Resümè. Den statliga regleringen av den svenska ekonomin under det andra världskriget, 28—29.

25. Шаскольский И. П. (Ленинград). Восстановление русской торговли с шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира. 1966, XI, 61—79.
Saskolski, I., Resümee. Vene kaubanduse taastamine Rootsi valdustega esimestel aastatel pärast Stolbovo rahu, 80.
Sjaskolskij, I., Resumè. Återställandet av den ryska handeln med de svenska besittningarna under de första åren efter freden i Stolbovo, 80.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

26. Боровков Г. А. (Москва). Борьба финских социал-демократов за самоопределение Финляндии (апрель — декабрь 1917 г.). 1968, XIII, 99—115.
Borovkov, G., Resümee. Soome sotsiaaldemokraatide võitlus Soome enesemääramise eest (aprill-detsember 1917), 116.
Borovkov, G., Resümee. De finska socialdemokraternas kamp i frågan om Finlands självbestämmande (april-december 1917), 116—117.
27. Боровков Г. А. (Москва). Из истории рабочего движения Финляндии (1918—1924). 1970, XV, 73—87.
Borovkov, G., Resümee. Soome töölislükumise ajaloost (1918—1924), 88.
Borovkov, G., Resumè. Ur den finska arbetarrörelsens historia (1918—1924), 88.
28. Боровков Г. А. (Москва). Парламентаризм и финское рабочее движение (1919—1923 гг.). 1972, XVII, 129—148.
Borovkov, G., Resümee. Parlamentarism ja Soome töölislükumine (1919—1923), 149.
Borovkov, G., Resumè. Parlamentarismen och den finska arbetarrörelsen (1919—1923), 149.
29. Вайну Х. М. (Таллин). Из истории «большой стратегии» правителей Финляндии в первой половине 1941 года. 1970, XV, 103—119.
Vainu, H., Resümee. Soome juhtide «suurest strateegiast» 1941. aasta esimesel poolel, 120.
Vainu, H., Resumè. Om de finska statsledarnas «stora strategi» under första halvåret 1941, 120.
30. Вайну Х. М. (Таллин). Блокада Ленинграда и Финляндия. 1972, XVII, 151—164.
Vainu, H., Resümee. Leningradi blokaad ja Soome, 165.
Vainu, H., Resumè. Leningradblockaden och Finland, 166.
31. Возгрин В. Е. (Ленинград). Травентальский договор 1770 г. и его значение в истории Северной войны. 1975, XX, 82—92.
Vozgrin, V., Resümee. Traventali leping ning selle tähtsus Põhjasõjas, 93.
Vozgrin, V., Resumè. Freden i Traventhal och dess betydelse i det Stora Nordiska krigets historia, 93.
32. Гуревич А. Я. (Москва). Начало эпохи викингов (проблемы духовной жизни скандинавов IX века. Факты и гипотезы). 1967, XII, 128—146.
Gurevitš, A., Resümee. Viikingite ajastu algus (Skandinaavialaste vaimse elu probleemid IX sajandil. Faktid ja hüpoteesid), 147.
Gurevitj, A., Resumè. Vikingatidens början. (Problemet om skandinavernas andliga liv under 800-talet. Fakta och hypoteser), 148.

33. Енсен А. (Дания). В. И. Ленин и Дания. 1971, XVI, 65—83.
Jensen, A., Resümee. V. I. Lenin ja Taani, 84.
Jensen, A., Resümee. V. I. Lenin och Danmark, 84.
34. Жигунов Е. К. (Москва). П. Л. Лавров и русская эмиграция о финляндском вопросе. 1972, XVII, 81—91.
Zigunov, J., Resümee. P. Lavrov ja vene emigratsioon Soome küsimusest, 92.
Zigunov, I., Resümee. P. Lavrov och den ryska emigrationen om den finska frågan, 93.
35. Закс В. А. (Калинин). Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII—XIII вв. 1975, XX, 37—46.
Saks, V., Resümee. Õiguslikud tavad ja kujutelmad Kirde-Norras XII—XIII saj., 47.
Zaks, V., Resümee. De rättsliga sederna och föreställningarna i nordvästra Norge under 11—1200-talen, 47.
36. Казакова Н. А. (Ленинград). Дания и Новгород в 20-х годах XV века. 1972, XVII, 19—28.
Kazakova, N., Resümee. Taani ja Novgorod 1420-ndatel aastatel, 29.
Kazakova, N., Resümee. Danmark och Novgorod på 1420-talet, 29.
37. Каллус Х. А. (Таллин). Некоторые аспекты частичной конституционной реформы в современной Швеции. 1975, XX, 98—106.
Kallus, H., Resümee. Tänapäeva Rootsi konstitutsioonireformi mõningaid aspekte, 107.
Kallus, H., Resümee. Några aspekter på den partiella författningsreformen i det nutida Sverige, 107.
38. Калъюнди Е. А. (Таллин), Кирпичников А. Н. (Ленинград). Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции. 1975, XX, 68—80.
Kaljundi, J. ja Kirpitsnikov, A., Resümee. Ingerimaa ja Karjala kindlused 1681. a. (Erik Dahlbergi ettekanne Rootsi valitsusele), 81.
Kaljundi, J. och Kirpitjnikov, A., Resümee. Ingermanlands och Karelens fästningar år 1681. (Erik Dalbergs rapport till den svenska regeringen), 81.
39. Карлсен А.-В. (Москва). Социалистическая народная партия Дании и «новые левые». 1975, XX, 108—119.
Carlsen, A., Resümee. Taani Sotsialistlik Rahvapartei ja «uued pahempoolsed», 120.
Carlsen, A., Resümee. SF og «det nye venstre» i Denmark, 121.
40. Карпова Р. Ф. (Ленинград). Признание СССР де-юре Норвегией, Швецией и Данией. 1967, XII, 92—104.
Karpova, R., Resümee. NSV Liidu tunnistamine Norra, Rootsi ja Taani poolt de jure, 105.
Karpova, R., Resümee. Erkännandet av Sovjetunionen de jure från norsk, svensk och dansk sida, 105.
41. Катунцева Н. М. (Москва). К вопросу о национальном самоопределении Финляндии в 1917 г. 1971, XVI, 86—101.
Katuntseva, N., Resümee. Soome rahvuslikust enesemääramisest 1917. a., 102.
Katuntseva, N., Resümee. Om förverkligandet av Finlands nationella självständighet år 1917, 102.
42. Коган М. А. (Ленинград). Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струэнзе (1770—1772). 1967, XII, 107—125.
Kogan, M., Resümee. Valgustatud absolutism Taanis, Struensee reformid (1770—1772), 126.
Kogan, M., Resümee. Den upplysta absolutismen i Danmark. Struensees reformer (1770—1772), 126.

43. Кудрина Ю. В. (Москва). Датская нелегальная печать в годы немецкой оккупации (1940—1945). 1967, XII, 69—89.
Kudrina, J., Resümee. Taani illegaalne ajakirjandus okupatsiooniaastail 1940—1945, 90.
Kudrina, J., Resümee. Den illegala pressen i Danmark under den tyskskupationen 1940—1945, 90.
44. Лооне Л. А. (Тарту). О связях А. И. Герцена и Н. П. Огарева с Финляндией. 1970, XV, 189—197.
Loone, L., Resümee. A. Herzeni ja N. Ogarjovi sidemetest Soomega, 198.
Loone, L., Resümee. Om A. Herzens och N. Ogarjovs förbindelser med Finland, 199.
45. Менгер М. (ГДР). Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны. 1972, XVII, 110—127.
Menger, M., Resümee. Soome saksa imperialismi sõjapoliitikas Esimese maailmasõja alguses, 128.
Menger, M., Resümee. Finland i den tyska imperialismens krigspolitik i början av första världskriget, 128.
46. Мысливченко А. Г. (Москва). Проблемы современной буржуазной философии в странах Северной Европы. 1967, XII, 35—51.
Mõslivtšenko, A. Resümee. Kaasaegse kodanliku filosoofia probleemid Põhja-Euroopa maades, 52.
Myslivtjenko, A., Resümee. Den moderna borgerliga filosofins problem i Norden, 52.
47. Носков А. М. (Москва). Освобождение северных районов Норвегии в 1944 году. 1971, XVI, 103—118.
Noskov, A., Resümee. Norra põhjarajoonide vabastamisest 1944. a., 119.
Noskov, A., Resümee. Befrielsen av Norges nordliga regioner år 1944, 119.
48. Пашуто В. Т. (Москва). Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. 1970, XV, 51—61.
Pašuto, V., Resümee. Vene-skandinaavia suhted ja nende koht varakeskaegse Euroopa ajaloos, 62.
Pašuto, V., Resümee. De rysk-skandinaviska förhållandena och deras plats i Europas tidigare medeltidshistoria, 62.
49. Поршнев Б. Ф. (Москва). Московское «Великое посольство» в Швецию в 1633 году. 1972, XVII, 30—64.
Poršnev, B., Resümee. Moskva «suur saatkond» Rootsi 1633. aastal, 65.
Porsjnev, B., Resümee. Moskvass «stora beskickning» till Sverige år 1633, 65.
50. Роотс Л. К. (Тарту). Копенгагенская конференция 1856—1857 гг. и отмена зундских пошлин. 1972, XVII, 67—78.
Roots, L., Resümee. 1856.—1857. Kopenhaageni konverents ja Sundi tollide kaotamine, 79.
Roots, L., Resümee. Köpenhamnkongressen 1856—1857 och avskaffande av Sundstullen, 80.
51. Рябошапко Ю. Б. (Москва). Вопросы торговли в Тавзинском договоре 1595 г. в связи с внутренней политикой правящих кругов Швеции. 1975, XX, 60—66.
Rjabošapko, J., Resümee. Kaubanduse küsimused 1595. a. Täyssina lepingus seoses rootsi valitsevate ringkondade sisepoliitikaga, 67.
Rjabošapko, J., Resümee. Handelsfrågor i Teusinafredsavtalet 1595 i anslutning till de styrande svenska kretsarnas intrikespolitik, 67.

52. Саломаа Э. (Финляндия). Путь Финляндии от союза с фашизмом к демократическому развитию. 1966, XI, 151—165.
Salomaa, E., Resümee. Soome areng fašismilt demokraatia teele, 166.
Salomaa, E., Resümee. Finlands väg från förbund med fascismen till en demokratisk utveckling, 166.
53. Сарв Х. В. (Тарту). О лапуаском движении в Финляндии. 1970, XV, 89—100.
Sarv, H., Resümee. Lapuallikumisest Soomes, 101.
Sarv, H., Resümee. Om lapporörelsen i Finland, 102.
54. Сванидзе А. А. (Москва). О движущих факторах общественного развития Швеции в период Кальмарской унии (конец XIV — начало XVI вв.). 1975, XX, 48—58.
Svanidze, A., Resümee. Rootsi ühiskondliku arengu liikumapanevatest jõududest Kalmari uniooni perioodil, 59.
Svanidze, A., Resümee. Om de drivande faktorerna i den svenska samhällsutvecklingen under Kalmarunionen, 59.
55. Свердлов М. Б. (Ленинград). Скандинавы на Руси в XI в. 1974, XIX, 55—68.
Sverdlov, M., Resümee. Skandinaavlased Vana-Vene riigis XI saj., 69.
Sverdlov, M., Resümee. Skandinaver i Ryssland under 1000-talet, 69.
56. Тейстре У. В. (Таллин). Вопросы об общегосударственном законодательстве и наступление царизма на финляндскую автономию в 1907—1910 гг. 1972, XVII, 94—107.
Teistre, U., Resümee. Üldriikliku seadusandluse küsimus ja tsarismi pealetung Soome autonoomiale 1907.—1910. a., 108.
Teistre, U., Resümee. Till frågan om rikslagstiftningen och tsarismens angrepp mot Finlands autonomi 1907—1910, 108.
57. Тимашкова О. К. (Москва). Шведская социал-демократия прежде и теперь. 1967, XII, 54—66.
Timaškova, O., Resümee. Rootsi sotsiaaldemokraatia enne ja nüüd, 67.
Timaškova, O., Resümee. Den svenska socialdemokratin tidigare och nu, 67.
58. Хельбе А. Р. (Таллин). О борьбе революционных социал-демократов против правых и центристов в социал-демократической партии Финляндии в 1917—1918 гг. 1974, XIX, 85—106.
Helbe, A., Resümee. Revolutsiooniliste sotsiaaldemokraatide võitlusest parempoolsete ja tsentristide vastu Soome Sotsiaaldemokraatlikus Parteis a. 1917—1918, 107.
Helbe, A., Resümee. Om de revolutionära social-demokraternas kamp mot höger- och centerfraktionen inom det finska socialdemokratiska partiet 1917—1918, 108.
59. Хювönen А. (Финляндия). Создание Коммунистической партии Финляндии. 1968, XIII, 118—125.
Huvönen, A., Resümee. Soome Kommunistliku Partei asutamisel, 126.
Huvönen, A., Resümee. När Finlands kommunistiska parti bildades, 126.
60. Чернышева О. В. (Москва). Рабочее движение в Швеции в 1933—1935 гг. 1966, XI, 168—190.
Tšernõšova, O., Resümee. Töölisliikumine Rootsis 1933—1935. aastail, 191.
Tjernysjova, O., Resümee. Arbetarrörelsen i Sverige åren 1933—1935, 191.
61. Чернышева О. В. (Москва). Социальные реформы шведских социал-демократов в 1930-е годы. 1968, XIII, 128—137.
Tšernõšova, O., Resümee. Rootsi sotsiaaldemokraatia sotsiaalsed reformid 1930-tel aastatel, 138.

Tjernysjova, O., Resümè. Den svenska socialdemokratin's sociala reformer på 1930-talet, 138.

62. Шаскольский И. П. (Ленинград). Русско-норвежский договор 1326 года. 1970, XV, 63—71.
Saskolski, I., Resümee. 1326. a. Vene-Norra leping, 72.
Sjaskolskij, I., Resümè. Rysk-norska fördraget av år 1326, 72.
63. Шаскольский И. П. (Ленинград). Вопросы торговли в русско-шведских дипломатических отношениях на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в. 1974, XIX, 70—83.
Saskolski, I., Resümee. Kaubanduse küsimused Vene-Rootsi diplomaatilistes suhetes XVII saj. 20.—30. aastatel, 84.
Sjaskolskij, I., Resümè. Frågor rörande handeln i de rysk-svenska diplomatiska förbindelserna mellan 1620- och 1630-talet, 84.
64. Яансон К. К. (Тарту). Об отношениях Эстонии и Швеции в 1920—1922 годах. 1974, XIX, 109—120.
Jaanson, K., Resümee. Eesti ja Rootsi suhetest a. 1920.—1922, 121.
Jaanson, K., Resümè. Om Estlands och Sveriges relationer under 1920—1922, 121.
65. Яансон К. К. (Тарту). О долге буржуазной Эстонии Дании в 1919 г. 1975, XX, 93—96.
Jaanson, K., Resümee. Kodanliku Eesti võlast Taanile 1919. aastal, 97.
Jaanson, K., Resümè. Om det borgerliga Estlands skuld till Danmark 1919, 97.

3. АРХЕОЛОГИЯ

66. Авдусин Д. А. (Москва). Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу. 1975, XX, 147—156.
Avdusin, D., Resümee. Varjaagide küsimuse arheoloogiliste allikate uurimisest, 157.
Avdusin, D., Resümè. Om studiet av arkeologiska källor i varjag-frågan, 157.
67. Булкин В. А. (Ленинград). Большие курганы Гнёздовского могильника, 1975, XX, 134—145.
Bulkin, V., Resümee. Gnjozdovo kääbaskalmistu normanni muistised (Suurte kääbaste materjalide alusel), 146.
Bulkin, V., Resümè. Gnjozdov-gravens normanska fornfynd (Efter material om de stora gravhögarna), 146.
68. Давидан О. И. (Ленинград). К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией. (По материалам нижнего слоя Староладожского городища). 1971, XVI, 134—144.
Davidan, O., Resümee. Muistse Laadoga kontaktidest Skandinaaviaga, 145.
Davidan, O., Resümè. Till frågan om det forntida Ladogas kontakter med Skandinavien, 146.
69. Кирпичников А. Н. (Ленинград). Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. 1966, XI, 249—295.
Kirpitšnikov, A., Resümee. IX—XIII saj. Ida-Euroopa mõõgaterade pealkirjad ja märgid, 296.
Kirpitjnikov, A., Resümè. Inskriptioner och tecken på östeuropeiska svärdsblad 800—1200-talet, 297.
70. Корзухина Г. Ф. (Ленинград). О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги. 1971, XVI, 123—131.

- Korzuhhina, G., Resümee. Mõningatest ekslikest seisukohtadest Vana-Laadoga materjalide interpreteerimisel, 132.
- Korzuchina, G., Resümè. Om några felaktiga ställen i interpretationen av Gammal-Ladogas material, 132.
71. Кочкуркина С. И. (Петрозаводск). Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X—XI вв. (По материалам курганов юго-восточного Приладожья). 1970, XV, 145—161.
- Kotškurkina, S., Resümee. Laadoga kaguranniku rahvastiku side-met läänepoolsete maadega X—XI sajandil (Laadoga kaguranniku matu-sematerjalide alusel), 162.
- Kotjkurkina, S., Resümè. Ladogas syd-östra strandområdes förbindel-ser med länder i väst under 900—1000-talet (Efter material från traktens gravplatslämningar), 162.
72. Кочкуркина С. И. (Петрозаводск). Памятники типа Линनावуори в Карелии, 1975, XX, 167—172.
- Kotškurkina, S., Resümee. Maalinna muistised Karjalas, 173.
- Kotjkurkina, S., Resümè. Linnavuori i Karelen, 173.
73. Лебедев Г. С. (Ленинград). Шведские погребения в ладье VII—XI веков. XIX, 155—185.
- Lebedev, G., Resümee. Rootsi paat-mattused VII—XI saj., 186.
- Lebedev, G., Resümè. De svenska båtgravarna under 600—1000-talen, 186—187.
74. Мельникова Е. А. (Москва). Свидетельства скандинавских рунических надписей XI—XII вв. о народах Восточной Европы. 1975, XX, 158—165.
- Melnikova, J., Resümee. XI—XII saj. skandinaavia ruunikirjad Ida-Euroopa rahvastest, 166.
- Melnikova, J., Resümè. De skandinaviska runskrifternas vittnesmål om folken i Östeuropa på 1000—1100-talet, 166.
75. Оятева Е. И. (Ленинград). Осебергская обувь (Опыт исторического исследования). 1975, XX, 125—132.
- Ojateva, J., Resümee. Osebergi jalanõud (Ajaloolise uurimise katse), 133.
- Ojateva, J., Resümè. Åsebergsskorna (Försök till historiskt utforskning), 133.
76. Панкрушев Г. А. (Петрозаводск). Неолитические стоянки с керамикой типа Сперрингс в Карелии и Финляндии. 1967, XII, 209—222.
- Pankrušev, G., Resümee. Sperringsi tüüpi keraamikaga neoliitilised asulad Karjalas ja Soomes, 223.
- Pankrusjev, G., Resümè. Neolitiska lägerplatser med keramik av Sperrings-typ i Karelen och Finland, 223.
77. Потин В. М. (Ленинград). Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI—XVII вв. 1974, XIX, 188—214.
- Potin, V., Resümee. Skandinaavia mündid Vene riigi territooriumil ja vene mündid Skandinaavias XVI—XVII saj., 215.
- Potin, V., Resümè. Skandinaviska mynt på den ryska statens territorium och ryska mynt i Skandinavien under 1500—1600-talet, 215—216.
78. Серебрянный Л. Р. (Москва). Проблема первичного заселения Скандинавии в свете палеографических данных. 1967, XII, 225—236.
- Serebrjannõi, L., Resümee. Skandinaavia esmase asustamise probleem paleograafiliste andmete valgusel, 237.
- Serebrjannyi, L., Resümè. Problemet om den första kolonisationen av Skandinavien i ljuset av paleogeografiska data, 237.
79. Сымонович Э. А. (Москва). Культура полей погребений и готская проблема в первой половине I тысячелетия н. э. 1970, XV, 125—142.

Sõmonovitš, E., Resümee. Matuseväljade kultuur ja gootide probleem I aastatuhande esimesel poolel m.a.j., 143.

Symonovitj, E., Resümè. Gravplatskultur och goterproblemet under de fem första seklerna efter vår tideräknings början, 143.

80. Титов Ю. В. (Петрозаводск). О культуре племен с асбестовой керамикой. 1974, XIX, 134—153.

Titov, J., Resümee. Asbestkeraamika hõimude kultuurist, 154.

Titov, J., Resümè. Om stamkultur med asbestkeramik, 154.

4. ЭТНОГРАФИЯ

81. Анохин Г. И. (Москва). Общинные традиции фарерского крестьянства. 1967, XII, 173—183.

Anohhin, G., Resümee. Färi saarte talupoegkonna kogukondlikud traditsioonid, 184.

Anochin, G., Resümè. Böndernas byalagsmässiga traditioner på Färöarna, 184.

82. Лутс А. А. (Тарту). Связи населения северного побережья Эстонии с Финляндией (середина XIX в. — 1930-е годы). 1970, XV, 164—172.

Luts, A., Eesti põhjaranniku elanike suhted Soomega (XIX sajandi keskelt 1930-ndate aastateni), 173.

Luts, A., Resümè. De estniska nordkustbornas förbindelser med Finland under 1800-talet och andra halften av första hälften av 1900-talet, 173.

83. Морозова М. Н. (Москва). Об изучении шведской этнографии учеными Швеции. 1967, XII, 241—248.

Morozova, M., Resümee. Rootsi etnograafia uurimisest Rootsi teadlaste poolt, 249.

Morozova, M., Resümè. Om svenska vetenskapsmäns etnografiska forskning, 249.

84. Стродс Х. П. (Рига). Научные связи латышских и шведских этнографов в 20—30 гг. XX века. 1974, XIX, 217—223.

Strods, H., Resümee. Lāti ja rootsi etnograafide teaduslikud sidemed XX saj. 20.—30. aastatel, 224.

Strods, H., Resümè. De lettiska och svenska etnografernas vetenskapliga förbindelser under 1920—30-talet, 224.

85. Чарнолуцкий В. В. (Москва). О культе Мяндаша. 1966, XI, 301—314.

Tšarnoluski, V., Resümee. Mändaši kultusest, 315.

Tjarnoluskij, V., Resümè. Om Mändasjkulten, 315.

5. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

86. Анацкий И. Н. (Москва). Об освоении иностранных слов исландским языком. 1969, XIV, 84—97.

Anatski, I., Resümee. Islandi keele laensõnadest, 98.

Anatski, I., Resümè. Till frågan om lån av främmande ord i isländskan, 98.

87. Аракин В. Д. (Москва). Об атрибутивных словосочетаниях в шведских рунических памятниках IX—XII веков. 1973, XVIII, 66—71.

Arakin, V., Resümee. Täiendilistest sõnaühenditest IX—XII saj. rootsi ruunikirjades, 72.

Arakin, V., Resümè. Om attributiva ordgrupper i svenska runinskrifterna av 8—11 hundratalen, 72.

88. Берков В. П. (Ленинград). Некоторые вопросы изучения грамматики современного норвежского языка. 1969, XIV, 122—130.
 Berkov, V., Resümee. Mõningaid tänapäeva norra keele grammatika uurimise küsimusi, 131.
 Berkov, V., Resümee. Några frågor om det moderna norska språkets grammatikforskning, 131.
89. Берков В. П. (Ленинград). Перфектный пассив в норвежском языке. 1973, XVIII, 88—92.
 Berkov, V., Resümee. Passiivi täisminevik norra keeles, 93.
 Berkov, V., Resümee. Perfektum-passivum i norsk, 93.
90. Васильева И. Г. (Москва). О некоторых особенностях сочетаний причастий II с наречиями типа *af, om, op, ned, ind* в современном датском языке. 1969, XIV, 194—201.
 Vassiljeva, I., Resümee. Mõningateist II partsiibi ja *af, om, op, ned, ind* jne. tüüpi määrsõnade ühendite eripärasustest tänapäeva taani keeles, 202.
 Vasiljeva, I. Resümee. Om några egenskaper av particip II i förbindelse med ord av typen *af, om, op, ned, ind* m. fl. i danskan, 202.
91. Введенская Н. А. (Ленинград). «Двойное» отрицание в датском языке. 1969, XIV, 213—222.
 Vvedenskaja, N., Resümee. Kahekordne eituse taani keeles, 223.
 Vvedenskaja, N., Resümee. Den dubbla negationen i danskan, 224.
92. Воронкова Г. В. (Ленинград). История возникновения шипящего в норвежском языке. 1969, XIV, 133—143.
 Voronkova, G., Resümee. Sibilandi tekkimise ajalugu norra keeles, 144.
 Voronkova, G., Resümee. Sibilantens uppkomsthistoria i norska språket, 144.
93. Воронкова Г. В. (Ленинград). О классификациях норвежских согласных. 1973, XVIII, 54—58.
 Voronkova, G., Resümee. Norra kaashäälikute klassifikatsioonidest, 59.
 Voronkova, G., Resümee. Om klassificeringar av de norske konsonanterna, 59.
94. Гвоздецкая Н. Ю. (Москва). Конструкция древнеисландских предложений с глаголами *heita* и *kalla* (к проблеме неполных предложений). 1973, XVIII, 73—80.
 Gvozdetskaja, N., Resümee. Vana-islandi lausekonstruktsioon verbiga *heita* ja *kalla*, 81.
 Gvozdetskaja, N., Resümee. *Heita-* och *kalla-*konstruktioner i fornisländskan, 81.
95. Ершова И. А. (Москва). Специфика распределения общегерманской лексики в скандинавском ареале. 1969, XIV, 25—38.
 Jeršova, I., Resümee. Üldgermaani sõnavara jagunemise omapärast skandinaavia arealis, 39.
 Jersjova, I., Resümee. Det allmångermanska ordförrådets fördelnings specifikation i den skandinaviska arealen, 39.
96. Ефремова И. Б. (Ленинград). К вопросу о модификации словесных тонов в восточно-норвежском произношении в связи с коммуникативными типами. 1969, XIV, 146—156.
 Jefremova, I., Resümee. Sõna intonatsioonide modifikatsioonist idanorra häälduses seoses kommunikatsioonitüüpidega, 157.
 Jefremova, I., Resümee. Till frågan om ordstonernas modifikation i det östnorska uttalet i samband med kommunikativa typer, 157.
97. Жаров Б. С. (Ленинград). Глагол-заместитель в датском языке. 1969, XIV, 203—210.

- Zarov, B., Resümee. Tegusõnaline asesõna taani keeles, 211.
 Zjarov, B., Resümè. Verbala ersättningsord i danskan, 211.
98. Жаров Б. С. (Ленинград). Об одном фонетическом изменении в современном датском языке. 1973, XVIII, 60—64.
 Zarov, B., Resümee. Uhest foneetika-alasest muutusest tänapäeva taani keeles, 65.
 Zjarov, B., Resümè. Om en fonetisk förändring i den moderna danskan, 65.
99. Звегинцева И. Г. (Москва). О некоторых семантических группах глагольных единиц с af в современном датском языке. 1973, XVIII, 94—97.
 Zvegintseva, I., Resümee. Mõningatest verbimoodustuste semantilisest alagruppidest af'ga, 98.
 Zvegintseva, I., Resümè. Om nogle semantiske grupper af verbale helheder med af, 98.
100. Каллистова И. В. (Ленинград). О некоторых случаях употребления артикля в шведском языке. 1969, XIV, 176—180.
 Kallistova, I., Resümee. Mõningatest artikli tarvitamise juhtudest rootsi keeles, 181.
 Kallistova, I., Resümè. Om några frågor rörande användningen av artikel i svenskan, 181.
101. Клычков Г. С. (Москва). Просодическая аспирация в исландском и фарерском языках и северо-западный ареал индоевропейских языков. 1973, XVIII, 49—52.
 Klõtškov, G., Resümee. Prosoodiline aspiratsioon islandi ja fääri keeltes ning indoeuroopa keelte loodearealis, 53.
 Klytsjkov, G., Resümè. Den prosodiska aspirationen i isländskan och färöiskan och den nordvästra grenen av de indoeuropeiska språken, 53.
102. Ковязин В. Б. (Ленинград). Установление и интерпретация классов шведских глаголов в отношении индуктивности. 1973, XVIII, 121—128.
 Kovjazin, V., Resümee. Rootsi tegusõnade induktiivsusklasside määramine ja nende interpreteerimine, 129.
 Kovjazin, V., Resümè. De svenska verbens klasser enligt induktivitet, 129.
103. Комарова О. А. (Ленинград). Предложения с придаточным реального условия в современном норвежском языке. 1973, XVIII, 99—108.
 Komarova, O., Resümee. Laused reaalse tingimuse lisandiga tänapäeva norra keeles, 109.
 Komarova, O., Resümè. Reala konditionalsatser i nutida norska språket, 109.
104. Кузьменко Ю. К. (Ленинград). Дорсальные согласные в шведском языке. 1972, XVII, 214—225.
 Kuzmenko, J., Resümee. Dorsaalsed konsonandid rootsi keeles, 226.
 Kuzmenko, J., Resümè. Dorsala konsonanter i svenskan, 226.
105. Кузьменко Ю. К. (Ленинград). Палатализация дентальных в скандинавских языках. 1973, XVIII, 43—47.
 Kuzmenko, J., Resümee. Hammashäälikute palatalisatsioon skandinaavia keeltes, 48.
 Kuzmenko, J., Resümè. Uppkomsten av palataliserade dentaler i nordiska språk, 48.
106. Либман А. С. (Ленинград). Преаспирация в исландском языке. 1969, XIV, 106—121.
 Liberman, A., Resümee. Preaspiratsioon islandi keeles, 122.
 Liberman, A., Resümè. Preaspirationen i isländska språket, 122.

107. Либерман А. С. (Ленинград). Изучение исландской фонетики. I (библиографический обзор). 1969, XIV, 55—82.
 Liberman, A., Resümee. Islandi foneetika uurimisest. I (bibliograafiline ülevaade), 83.
 Liberman, A., Resümee. Om forskningen av det isländska språkets fonetik. I (bibliografisk översikt), 83.
108. Либерман А. С. (Ленинград). Изучение исландской фонетики. II (библиографический обзор). 1972, XVII, 181—212.
 Liberman, A., Resümee. Islandi foneetika uurimisest. II (bibliograafiline ülevaade), 213.
 Liberman, A., Resümee. Om forskning av det isländska språkets fonetik. II (bibliografisk översikt), 213.
109. Лукашова Е. А. (Москва). О некоторых особенностях норвежской рыбохозяйственной терминологии. 1973, XVIII, 136—140.
 Lukašova, J., Resümee. Norra kalamajandusliku terminoloogia mõningatest iseärasustest, 141.
 Lukasjova, J., Resümee. Om några särdrag i det norske fiskets terminologi, 141.
110. Малослова-Лашанская С. С. (Ленинград). Семантические взаимоотношения локальных предлогов в шведском языке. 1969, XIV, 159—166.
 Maslova-Laşanskaja, S., Resümee. Lokaalprepositsioonide semantilistest suhetest rootsi keeles, 167.
 Maslova-Lasjanskaja, S., Resümee. De lokala prepositionernas semantiska relationer i svenskan, 167.
111. Маслова-Лашанская С. С. (Ленинград). О процессе наименования. 1973, XVIII, 130—134.
 Maslova-Laşanskaja, S., Resümee. Nomindeerimise protsessist, 135.
 Maslova-Lasjanskaja, S., Resümee. Om benämningsprocessen, 135.
112. Петров С. В. (Новгород). О происхождении слова «ать». 1969, XIV, 51—53.
 Petrov, S., Resümee. Sõna «ать» päritolust, 54.
 Petrov, S., Resümee. Om ordet «ать» och dess etymologi, 54.
113. Попов О. К. (Москва). О моделировании сложных слов в современном шведском языке (на материале сложных именных моделей). 1969, XIV, 169—173.
 Popov, O., Resümee. Liitsõnade modelleerimisest tänapäeva rootsi keeles, 174.
 Popov, O., Resümee. Om de sammansatta ordens modellering i det moderna svenska språket, 174.
114. Раевский М. В. (Тула). Фонология и структурная типология (на материале скандинавских языков). 1969, XIV, 40—49.
 Rajevski, M., Resümee. Keelte fonoloogia ja struktuurne tüpoloogia (skandinaavia keelte materjalide alusel), 50.
 Rajevskij, M., Resümee. Fonologin och den strukturella språktypologin (på basis av material om de skandinaviska språken), 50.
115. Раевский М. В. (Тула). К проблеме скандинавского уmlаута на i. 1973, XVIII, 37—41.
 Rajevski, M., Resümee. Skandinaavia i-umlaudi probleemist, 42.
 Rajevskij, M., Resümee. Angående problemet om nordiska i-omljudet, 42.
116. Соонтак Я. Х. (Тарту). О некоторых формальных критериях определения иноязычных слов в шведском языке. 1971, XVI, 191—194.
 Soontak, J., Resümee. Mõnedest formaalsetest võõrsõnade määramise kriteeriumidest rootsi keeles, 195.
 Soontak, J., Resümee. Om några formella kriterier för identifiering av främmande ord i svenskan, 195.

117. Соонтак Я. Х. (Тарту). О роли английских заимствований в шведской прессе. 1972, XVII, 227—236.
Soontak, J., Resümee. Inglise laensõnad rootsi ajakirjanduses, 237.
Soontak, J., Resümee. Om de engelska lånordens roll i svensk press, 237.
118. Стеблин-Каменский М. И. (Ленинград). Древнеисландская топонимика как материал к истории имени собственного. 1969, XIV, 99—104.
Steblin-Kamenski, M., Resümee. Vana-islandi toponomastika pärisnimele ajaloo materjalina, 105.
Steblin-Kamenski, M., Resümee. Den gammallandska toponomastiken som material för historieforskning om egennamnen, 105.
119. Толстая Н. Н. (Ленинград). Футуральный презенс в современном шведском языке. 1973, XVIII, 115—119.
Tolstaja, N., Resümee. Futuraalse tähendusega preesens rootsi keeles, 120.
Tolstaja, N., Resümee. Presens med futural betydelse i svenska, 120.
120. Халипов С. Г. (Ленинград). Залоговое значение возвратных глаголов в современном шведском языке. 1969, XIV, 183—192.
Halipov, S., Resümee. Enesekohaste tegusõnade tegumoline tähendus tänapäeva rootsi keeles, 193.
Chalipov, S., Resümee. De reflexiva verbens genus betydelse i den moderna svenskan, 193.
121. Щур Г. С. (Москва). Об инфинитиве I, образованном от личных форм в датском и шведском. 1966, XI, 236—246.
Štur, G., Resümee. Isikulistest vormidest moodustatud I infinitiiv taani ja rootsi keeles, 247.
Štjur, G., Resümee. Om infinitiv I, som bildats från finita former, i svenskan och danskan, 248.
122. Щур Г. С. (Москва). Об одном синтаксическом заимствовании в шведском из нижненемецкого. 1973, XVIII, 110—113.
Štur, G., Resümee. Ühest alam-saksa süntaktilisest laensõnast rootsi keeles, 114.
Šhtjur, G., Resümee. Om ett syntaktiskt lån i svenskan från plåttyskan, 114.
123. Якуб В. Л. (Москва). О выражении будущего времени в современном исландском языке. 1973, XVIII, 82—86.
Jakub, V., Resümee. Tuleviku väljendamisest tänapäeva islandi keeles, 87.
Jakub, V., Resümee. Fremtiden i islandsk, 87.

6. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

124. Адмони В. Г. (Ленинград). Роман Иенса Якобсена «Нильс Лунне». 1969, XIV, 229—236.
Admoni, V., Resümee. Jens Peter Jacobseni roman «Niels Lyhne», 237.
Admoni, V., Resümee. Jens Peter Jacobsens roman «Niels Lyhne», 237.
125. Брауде Л. Ю. (Ленинград). «Сара о Фритьофе» Э. Тегнера и ее исландские источники. 1966, XI, 224—234.
Braude, L., Resümee. E. Tegnéri «Frithiofi saaga» ja selle islandi allikad, 235.
Braude, L., Resümee. «Frithiofs saga» av E. Tegnér och dess isländska källor, 235.
126. Брауде Л. Ю. (Ленинград). Современная скандинавская литература в русском детском и юношеском чтении. 1969, XIV, 367—377.

- Braude, L., Resümee. Kaasaegne Skandinaavia laste- ja noorsookirjandus vene keeles, 378.
- Braude, L., Resümee. Modern skandinavisk barn- och ungdomslitteratur i Sovjetunionen (på ryska), 378.
127. Брауде Л. Ю. (Ленинград). Творчество Туве Янссон и скандинавская сказочная традиция. 1973, XVIII, 225—234.
- Braude, L., Resümee. Tove Janssoni looming ja skandinaavia muinajututraditsioon, 235.
- Braude, L., Resümee. Tove Janssons arbeten och den skandinaviska sagotraditionen, 235.
128. Гуревич А. Я. (Москва). К истолкованию «Песни о Риге». 1973, XVIII, 159—174.
- Gurevitš, A., Resümee. «Riigri laulu» tõlgendamisest, 175.
- Gurevitš, A., Resümee. Angående tolkningen av «Rigstula», 175.
129. Еремеева-Мельникова Е. А. (Москва). Некоторые проблемы скандинавского средневекового эпоса. 1969, XIV, 354—365.
- Jeremejeva-Melnikova, J., Resümee. Möningaid keskaegse skandinaavia eepose probleeme, 366.
- Jeremejeva-Melnikova, E., Resümee. Några av det medeltida skandinaviska eposets problem, 366.
130. Китлов А. А. (Москва). Об исторической концепции Х. К. Лакснесса в трилогии «Исландский колокол». 1969, XIV, 324—333.
- Kitlov, A., Resümee. H. K. Laxnessi ajaloolisest kontseptsioonist trioloogias «Islandi tornikell», 334.
- Kitlov, A., Resümee. Om H. K. Laxness historiska konceptioner i trilogin «Islandsklukkan», 334.
131. Куняева Н. Ю. (Москва). Последний роман Яльмара Бергмана. 1969, XIV, 295—300.
- Kunjaeva, N., Resümee. Hjalmar Bergmani viimane romaan, 301.
- Kunjaeva, N., Resümee. Hjalmar Bergmans sista roman, 301.
132. Куприянова И. П. (Ленинград). Ханс Шерфиг о судьбах искусства в буржуазном обществе (романы «Мертвец» и «Пропавшая обезьяна»). 1969, XIV, 254—263.
- Kuprijanova, I., Resümee. Hans Scherfig kunsti saatusest kodanlikus ühiskonnas (romaanid «Surnud mees» ja «Kadunud ahv»), 264.
- Kuprijanova, I., Resümee. Hans Scherfig om konstens öde i det borgerliga samhället (Romanerna «Den döde Mand» och «Den fortabte Abe»), 264.
133. Куприянова И. П. (Ленинград). Итоги сомнений и поисков (Заметки о последнем периоде творчества Кая Мунка). 1970, XV, 200—217.
- Kuprijanova, I., Resümee. Kahtluse ja otsingutega (Märkmeid Kaj Munki viimasest loominguperioodist), 218.
- Kuprijanova, I., Resümee. Resultat av tvivel och sökande (Anteckningar om Kaj Munks sista skaparperiod), 218.
134. Куприянова И. П. (Ленинград). Драматическая тетралогия К. Э. Соий «Игра в жмурки, или так может случиться!». 1973, XVIII, 212—223.
- Kuprijanova, I., Resümee. K. E. Soya dramaatilise tetraloogia «Pimesikumäng ehk Nii võib juhtuda!», 224.
- Kuprijanova, I., Resümee. K. E. Soyas dramatiska tetralogi: «Blindebuk elle sådan kan det gå!», 224.
135. Мелетинский Е. М. (Москва). Мифологические повествовательные песни «Эдды» и ранние формы эпоса. 1969, XIV, 334—351.
- Meletinski, J., Resümee. «Edda» jutustavad mütoloogilised laulud ja eepose varased vormid, 352.
- Meletinskij, J., Resümee. «Eddans» episka mytologiska sånger och eposets tidigare former, 352.

136. Мелетинский Е. М. (Москва). О семантике мифологических сюжетов в древнескандинавской (эддической) поэзии и прозе. 1973, XVIII, 145—156.
Meletinski, J., Resümee. Mütoloogiliste süžeede semantikast muinas-skandinaavia (Edda) poeesias ja proosas, 157.
Meletinskij, E., Resümè. Om de mytologiska ämnenas semantik i den fornnordiske poetiska och prosaiska Eddan, 158.
137. Моричева М. Д. (Ленинград). А. Стриндберг о Лье Толстом. 1969, XIV, 302—311.
Moritševa, M., Resümee. A. Strindberg L. Tolstoist, 312.
Moritjeva, M., Resümè. A. Strindberg om L. Tolstoj, 312.
138. Неустроев В. П. (Москва). Генрик Ибсен и идеи социализма. 1971, XVI, 167—188.
Neustrojev, V., Resümee. Henrik Ibsen ja sotsialismiideed, 189.
Neustrojev, V., Resümè. Henrik Ibsen och socialismens ide, 189.
139. Павлов И. Г. (Москва). Драмы Пера Лагерквиста 30-х годов. 1969, XIV, 284—293.
Pavlov, I., Resümee. Pär Lagerkvisti 1930-ndate aastate draamad, 294.
Pavlov, I., Resümè. Pär Lagerkvists 1930-tals drama, 294.
140. Петров С. В. (Новгород). Поэзия древнеисландских скальдов и понятие народности в искусстве. 1973, XVIII, 176—193.
Petrov, S., Resümee. Muinas-islandi skaldide poeesia ja rahvuslik mõiste kunstis, 194.
Petrov, S., Resümè. De gamla isländska skaldernas poesi och det folkliga begreppet inom konsten, 194.
141. Попова Л. Ф. (Ленинград). Только борьба (О романе датского писателя Х. Кирка «Раб»). 1972, XVII, 238—245.
Порова, Л., Resümee. Ainult võitlus (Taani kirjaniku H. Kirki romaani «Ori»), 246.
Порова, Л., Resümè. Endast kamp (om den danske författaren H. Kirks roman «Slaven»), 246.
142. Сильман Т. И. (Ленинград). Наблюдения над синтаксическим стилем сказок Андерсена. 1969, XIV, 266—273.
Silman, T., Resümee. Anderseni muinasjuttude süntaktilisest keelest, 274.
Silman, T., Resümè. Om det syntaktiska språket i Andersens sagor, 274.
143. Храповицкая Г. Н. (Москва). О некоторых особенностях символики в драматургии Г. Ибсена. 1969, XIV, 313—322.
Hrapovitskaja, G., Resümee. Sümboolika mõningatest iseärasustest H. Ibseni dramaturgias, 323.
Hrapovitskaja, G., Resümè. Om symbolikens vissa särdrag i H. Ibsens dramaturgi, 323.
144. Храповицкая Г. Н. (Москва). Индивидуальная психология и социальная проблематика в творчестве Х. Крога (1920—1930-е годы). 1973, XVIII, 202—210.
Hrapovitskaja, G., Resümee. Individuaalne psühholoogia ja sotsiaalne problemaatika H. Krogi loomingus (1920.—30. aastad), 211.
Hrapovitskaja, G., Resümè. Den individuella psykologin och den sociala problematiken i H. Krogs verk under 1920—30 talet, 211.
145. Чернявский Е. М. (Москва). Типология комедий Хольберга. 1969, XIV, 275—281.
Tšernjavski, J., Resümee. L. Holbergi komöödiade tüpoloogia, 282.
Tjernjavskij, E., Resümè. Typologin av holbergska komedier, 282.
146. Чирков Н. М. (Москва). Генрик Ибсен и Август Стриндберг. 1966, XI, 197—221.
Tširkov, N., Resümee. Henrik Ibsen ja August Strindberg, 222.
Tjirkov, N., Resümè. Henrik Ibsen och August Strindberg, 222.

147. Шарыпкин Д. М. (Ленинград). Георг Брандес и Тургенев. 1968, XIII, 166—182.
Sagõrkin, D., Resümee. Georg Brandes ja Turgenev, 183.
Sjarypkin, D., Resümè. Georg Brandes och Turgenev, 183.
148. Шарыпкин Д. М. (Ленинград). «Рек Боян и Ходына...» (к вопросу о поэзии скальдов и «Слове о полку Игореве»). 1973, XVIII, 195—200.
Sagõrkin, D., Resümee. «Ütlesid Bojan ja Hodõna...» Lisaks küsimusele skaldide poeesiast ja «Loost Igori sõjaretkest», 201.
Sjarypkin, D., Resümè. «Förtalde Bojan och Hodyna...» Angående frågan om de fornnordiska skaldernas poesi och «Kvådet om Igors härfärd», 201.
149. Шатков Г. В. (Москва). Основные проблемы литературы датского и норвежского Сопротивления (1940—1945). 1969, XIV, 238—251.
Satkov, G., Resümee. Taani ja Norra vastupanuliikumise kirjandus, 252.
Sjatkov, G., Resümè. Den danska och norska motsänds rörelsens förlagsverksamhet, 252.
150. Шатков Г. В. (Москва). Прогрессивные скандинавские писатели и публицисты о В. И. Ленине. 1971, XVI, 149—164.
Satkov, G., Resümee. Progressiivsed skandinaavia kirjanikud ja publitsistid V. I. Leninist, 165.
Sjatkov, G., Resümè. Progresiva Skandinaviska författare och publicister om Lenin, 165.

7. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

151. Безрукова М. И. (Москва). Карл Миллес — скульптор-монументалист. 1967, XII, 162—170.
Bezrukova, M., Resümee. Skulptor ja monumentalist Carl Milles, 171.
Bezrukova, M., Resümè. Carl Milles — skulptör och monumentalist, 171.
152. Безрукова М. И. (Москва). О значении творчества Э. Мунка. 1968, XIII, 157—163.
Bezrukova, M., Resümee. E. Munchi loomingu tähtsusest, 164.
Bezrukova, M., Resümè. E. Munchs skapelser och deras betydelse, 164.
153. Безрукова М. И. (Москва). Политическая карикатура и сатира Херлуфа Бидструпа. 1971, XVI, 224—240.
Bezrukova, M., Resümee. Herluf Bidstrupi poliitiline karikatuur ja satiir, 241.
Bezrukova, M., Resümè. Herluf Bidstrups politiska karikatyr och satir, 241.
154. Вийдалепп Р. Я. (Таллин). Финский музыковед А. О. Вяйзянен — собиратель эстонских народных мелодий. 1972, XVII, 169—176.
Viidalepp, R., Resümee. Soome muusikateadlane A. O. Väisänen Eestis rahvaviise kogumas, 177.
Viidalepp, R., Resümè. Den finska musikforskaren A. O. Väisänen i Estland för att samla in folkvisor, 177.
155. Кроль А. Е. (Ленинград). Картины скандинавских художников в собрании Эрмитажа. 1967, XII, 185—194.
Kroll, A., Resümee. Skandinaavia kunstnike maalid Ermitaažis, 195.
Krol, A., Resümè. Skandinaviska konstnärers verk i Eremitagets samlingar, 195.

156. Кроль А. Е. (Ленинград). Александр Рослин и его работа в Петербурге. 1970, XV, 219—231.
Krol, A., Resümee. Alexander Roslin ja tema tegevus Peterburis, 232.
Krol, A., Resümè. Alexander Roslin och hans arbete i Petersburg, 232.
157. Фарбштейн А. А. (Ленинград). Ингмар Бергман как философ и моралист. 1968, XIII, 141—154.
Farbštein, A., Resümee. Ingmar Bergman kui filosoof ja moralist, 155.
Farbsjtein, A., Resümè. Ingmar Bergman som filosof och moralist, 155.

8. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

158. Анохин Г. И. (Москва). Вклад Е. А. Рыдзевской в советскую скандинавистику. 1970, XV, 177—186.
Anochhin, G., Resümee. J. A. Rõdzevskaja osa nõukogude skandinavistikas, 187.
Anochin, G., Resümè. E. A. Rydsevskajas insats för den sovjetiska skandinavistiken, 188.
159. Белов М. И. (Ленинград). Связи Советской России и Норвегии в Арктике в первые годы Советской власти. 1967, XII, 151—161.
Belov, M., Resümee. Nõukogude Venemaa ja Norra sidemed Arktikas nõukogude võimu esimestel aastatel, 160.
Belov, M., Resümè. Förbindelserna mellan Sovjetryssland och Norge i Arktis under sovjetmaktens första år, 160.
160. Васильев Б. А. (Ленинград). Проблема сохранения исторически сложившегося облика крупных городов в скандинавских странах и Финляндии. 1970, XV, 234—242.
Vassiljev, B., Resümee. Skandinaaviamaade ja Soome suurlinnade ajalooliselt väljakujunenud välisilme säilitamisest, 243.
Vasiljev, B., Resümè. Problemet att bevara de större städernas centrum i deras historiska gestaltning i de Skandinaviska länderna och i Finland, 243.
161. Сванидзе А. А. (Москва). Опыт исследования демографии шведского города XV в. (по материалам Памятных книг города Кальмара). 1967, XII, 250—257.
Svanidze, A., Resümee. Rootsi XV saj. linna demograafia uurimise katse (Kalmari linna Märkmeteraamatute materjalide alusel), 258.
Svanidze, A., Resümè. Erfarenheter av den demografiska undersökningen av svenska städer på 1400-talet (efter material ur Kalmars stads Tänkeböcker), 259.
162. Соколов Е. М. (Москва). Модернизация общеобразовательной школы в скандинавских странах. 1971, XVI, 243—269.
Sokolov, J., Resümee. Üldharidusliku kooli moderniseerimisest Skandinaaviamaades, 271.
Sokolov, J., Resümè. Grundskolans modernisering i de skandinaviska länderna, 271.

9. БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

163. Берков В. П. (Ленинград). Работы советских ученых в области скандинавского языкознания. 1968, XIII, 37—47.
Berkov, V., Resümee. Skandinaavia keelte uurimine Nõukogude Liidus, 48.
Berkov, V., Resümè. Sovjetiska forskningar om de skandinaviska språken, 48.

164. Кан А. С. (Москва). Обзор шведских архивных источников по истории поместья XVIII—XIX веков. 1973, XVIII, 259—266.
 Кан, А., Resümee. Ulevaade rootsi arhiivide materjalidest suurmõisa ajaloo kohta XVIII—XIX saj., 267.
 Кан, А., Resümee. En översikt över storgodsens historiska urkunder under 1700—1800-talen i svenska arkiv, 267.
165. Ковалевский С. Д. (Москва). О чем говорится в XI главе раздела о наследовании Эстэ́талага (новое толкование текста) 1966, XI, 130—146.
 Kovalevski, S., Resümee. Millest räägitakse Östgötalageni pärimusõiguse XI peatükis (teksti uus tõlgendus), 147.
 Kovalevskij, S., Resümee. Vad sägs i XI kapitlet i delen om arvet i Östgötalagen? (ny tolkning av texten), 147.
166. Колмаков П. К. (Москва). Исторические загадки, связанные с жизнью, деятельностью и судьбой печатника века инкунабул Бартоломея Готана. 1967, XII, 197—208.
 Kolmakov, P., Resümee. Trükkal Bartholomeus Gothani elu, tegevuse ja saatusega seotud ajaloolised mõistatused, 207.
 Kolmakov, P., Resümee. Historiska gåtor, som hänger samman med boktryckaren Bartholomaeus Gothans liv, verksamhet, och öde under inkunablernas århundrade, 207.
167. Колмаков П. К. (Москва). Библиография по истории, экономике и культуре Швеции (1946—1967). 1970, XV, 311—337.
 Kolmakov, P., Resümee. Rootsi ajaloo, majanduse ja kultuuri alaste nõukogude tööde bibliograafia (1946—1967), 338.
 Kolmakov, P., Resümee. Bibliografi om Sveriges historia, ekonomi och kultur, 338.
168. Либерман А. С. (Ленинград). Рукопись «Саги о Стурлунгах» в Ленинградской государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1973, XVIII, 253—257.
 Liberman, A., Resümee. Käsikiri «Sturlunga-Saga» Leningradi M. J. Saltõkov-Ššedrini nimelises Riiklikus Avalikus Raamatukogus, 258.
 Liberman, A., Resümee. Et ms. av «Sturlunga-Saga» på Offentliga Bibliotheket i Leningrad, 258.
169. Лимонов Ю. А. (Ленинград). «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея. 1967, XII, 260—269.
 Limonov, J., Resümee. Petrus Petrejuse «Moskva Suurvürstiriigi ajalugu», 270.
 Limonov, J., Resümee. Historien om det stora furstendömet Moskva av Petrus Petrejus, 270.
170. Ляблинская А. Д., Шаркова И. С. (Ленинград). Датские автографы в коллекции П. К. Сухтелена. 1974, XIX, 125—132.
 Ljublinskaja, A., Šarkova, I., Resümee. Taani autogrammid P. K. Suchteleni kollektsoonis, 133.
 Ljublinskaja, A., Šarkova, I., Resümee. Danska autografer i P. K. Suchtelens kollektion, 133.
171. Некрасов Г. А. (Москва). Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. 1968, XIII, 11—34.
 Nekrassov, G., Resümee. Skandinaaviamaade ja Soome ajaloo uurimise problematika ja organiseerimine Nõukogude Liidus, 35.
 Nekrassov, G., Resümee. Problematik och organisering av forskningen kring de skandinaviska ländernas och Finlands historia i Sovjetunionen, 35.
172. Некрасов Г. А. (Москва). Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР (Продолжение). 1969, XIV, 11—20.
173. Некрасов Г. А. (Москва). Архивы СССР и их значение для исследования русско-скандинавских отношений и истории скандинавских стран и Финляндии XIV—XIX вв. 1972, XVII, 272—279.

- Nekrassov, G., Resümee. NSV Liidu arhiivid ja nende tähtsus XIV—XIX saj. Vene-Skandinaavia suhete ning Skandinaaviamaade ja Soome ajaloo uurimisel, 280.
- Nekrasov, G., Resumê. Sovjetiska arkiv och deras betydelse vid utforskningen av de rysk-skandinaviska förbindelserna på 1300—1800-talet samt vid forskningen i Skandinaviska länders och Finlands historia, 280.
174. Опубликованные работы М. И. Стеблин-Каменского. 1973, XVIII, 29—33.
175. Павулан В. В. (Рига). Шведские форожные карты как источник для изучения истории Латвии. 1975, XX, 185—190.
Pavulans, V., Resümee. Rootsi Vidzeme maanteekaardid Läti ajaloo allikana, 191.
Pavulans, V., Resumê. Svenska vägkartor över Vidzeme som on kalla för studium av Lettlands historia, 191.
176. Рогинский В. В. (Москва). Архивные изыскания норвежского историка Ингвара Нильсена в России. 1975, XX, 192—196.
Roginski, V. Norra ajaloolase Ingvar Nilseni arhiivinduslikud uurimused Venemaal, 197.
Roginskij, V., Resumê. Den norske historikern Ingvar Nilsens arkivforskningar i Ryssland, 197.
177. Савельева Е. А. (Ленинград). Россия на карте Олауса Магнуса. 1971, XVI, 205—212.
Saveljeva, J., Resümee. Venemaa Olaus Magnuse kaardil, 213.
Saveljeva, E., Resumê. Ryssland på Olaus Magnus karta, 213.
178. Свердлов М. Б. (Ленинград). Известия о русско-скандинавских связях в хронике Адама Бременского. 1967, XII, 271—277.
Sverdlov, M., Resümee. Andmed vene-skandinaavia suhetest Breмени Adama kroonikas, 278.
Sverdlov, M., Resumê. Underrättelser om rysk-skandinaviska förbindelser i Adam av Bremens krönika, 278.
179. Серебрянный Л. Р. (Москва). Из истории географического изучения Дании. 1968, XIII, 187—196.
Serebrjannõi, L., Resümee. Taani geograafia tundmaõppimise ajaloost, 197.
Serebrjannyi, L., Resumê. Den danska geografins historia, 197.
180. Шафрановская Т. К. (Ленинград). Лоренц Ланг и значение его дневников. 1971, XVI, 215—222.
Safranovskaja, T., Resümee. Lorenz Lang ja tema päevikute tähtsusest, 223.
Sjafranovskaja, T., Resumê. Lorenz Lang och betydelsen av hans dagböcker, 223.

10. РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

181. Алексеев Ю. Г. (Ленинград). А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. 1970, XV, 256—261.
Aleksejev, J., Resümee. A. J. Gurevitš. Feodaalse Norra vabad talupojad, 262.
Aleksejev, J., Resumê. A. J. Gurevitj. Det feodala Norges fria bönder, 262.
182. Безрукова М. И. (Москва). О книге Рольфа Стенерсена «Эдвард Мунк». 1974, XIX, 231—234.
Bezrukova, M., Resümee. Stenersen Rolf. Edvard Munch, 235.
Bezrukova, M., Resumê. Stenersen Rolf. Edvard Munch, 235.

183. Бобович И. М. (Ленинград). К вопросу о присоединении Финляндии к России. 1970, XV, 247—254.
Bobovits, I., Resümee. Soome ühendamisest Venemaaga, 255.
Bobovits, I., Resümé. Till frågan om Finlands införlivande med Ryssland, 255.
184. Вага В. Я. (Тарту). Н. Ф. Хомуцкий. Стокгольм. Архитектура и строительство городов мира. Ленинград, 1969. 1971, XVI, 284—287.
Vaga, V., Resümee. N. Homutetski. Stokholm, 288.
Vaga, V., Resümé. N. Homutetski. Stockholm, 288.
185. Вага В. Я. (Тарту). Армин Туулзе и его новая книга. 1971, XVI, 290—296.
Vaga, V., Resümee. Armin Tuulse ja ta uus raamat «Romansk konst i Norden», 297.
Vaga, V., Resümé. Armin Tuulse och hans nya bok «Romansk konst i Norden», 297.
186. Ганзен-Кожевникова М. П. (Ленинград). Л. Ю. Брауде. Ханс Кристиан Андерсен. 1973, XVIII, 244—245.
Ganzen-Kozhevnikova, M., Resümee. Л. Ю. Брауде. Ханс Кристиан Андерсен, 246.
Ganzen-Kozhevnikova, M., Resümé. Л. Ю. Брауде. Ханс Кристиан Андерсен, 246.
187. Голубева Л. А. (Москва). С. И. Кочкуркина. «Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв.» Л., «Наука», 1973. 1975, XX, 209—212.
Golubeva, L., Resümee. S. I. Kotškurkina. «Kirde-Laadoga X—XIII saj.» («Teadus», L., 1973), 213.
Golubeva, L., Resümé. S. I. Kotškurkina. «Sydöstra Ladogaområdet under 900—1200-talen», 213.
188. Гуревич А. Я. (Москва). М. И. Стеблин-Каменский. Культура Исландии. 1969, XIV, 381—383.
Gurevits, A., Resümee M. I. Steblin-Kamenski. Islandi kultuur, 384.
Gurevits, A., Resümé. M. I. Steblin-Kamenskij. Islands kultur, 384.
189. Кан А. С. (Москва). Первая советская книга по истории шведского средневековья. 1970, XV, 263—268.
Kan, A., Resümee. Esimene nõukogude raamat rootsi keskaja ajaloost, 269.
Kan, A., Resümé. Den första utgåvan i Sovjetunionen om svensk medeltidshistoria, 269.
190. Конкка У. С. (Петрозаводск). О 1-й книге восьмитомной истории финляндской литературы («Неписаная литература»). 1966, XI, 319—332.
Konkka, U., Resümee. 8-kõitelise Soome kirjanduse ajaloo esimene raamat («Kirjapanemata kirjandus»), 333.
Konkka, U., Resümé. Om det första av de åtta banden om den finländska litteraturens historia («Den oskrivna litteraturen»), 334.
191. Лиги Х. М. (Тарту). Ценный труд по истории международных отношений XVI века. 1975, XX, 214—218.
Ligi, H., Resümee. Väärtuslik uurimus XVI saj. rahvusvaheliste suhete vallast, 219.
Ligi, H., Resümé. En värdefull avhandling om de internationella relationerna på femtonhundratalet, 219.
192. Лимонов Ю. А. (Ленинград). «История географических значений и открытий на Севере Европы» (Сборник статей под ред. И. П. Шаскольского). 1975, XX, 204—206.
Limonov, J., Resümee. «Geograafiliste teadmiste ja avastuste ajalugu Põhja-Euroopas» (Artiklite kogumik. Toimet. I. P. Šaskolski), 207.
Limonov, J., Resümé. «Nordens geografi- och upptäcktshistoria» (Artikelsamling. Redaktionen verkställd av I. P. Schaskolski), 207.
193. Мальц А. Э. (Тарту). Что всего дороже? Сборник скандинавских народных сказок. (Перевод и обработка Л. Брауде и Ф. Зологоровской. Л., «Детская литература», 1969). 1973, XVIII, 242.

- Malts, A., Resümee. Skandinaavia muinasjuttude kogu «Mis on kõige kallim?», 243.
- Malts, A., Resümè. En samling skandinaviska sagor kallad «Vad är allra dyrast?», 243.
194. Мартынов В. Д. (Москва). Интересное исследование по географии Исландии (Л. Р. Серебрянный. Исландия. Страна, люди, хозяйство. М., 1969). 1972, XVII, 255—258.
- Martõnov, V., Resümee. Huvitav uurimus Islandi geograafiast, 259.
- Martynov, V., Resümè. Ett intressant forskningsarbete om Islands geografi, 259.
195. Мосберг Х. И. (Тарту). История Швеции. М., «Наука», 1974, XX, 201—202.
- Moosberg H., Resümee. «Rootsi ajalugu», 203.
- Moosberg H., Resümè. «Sveriges historia», 203.
196. Никитин А. Л. (Москва). Новые горизонты в исследовании первобытного искусства (К. Д. Лаушкин. Онежское святилище, I, II части. Таллин, «Сканд. сборник», № IV, V — 1959, 1962). 1966, XI, 335—340.
- Nikitin, A., Resümee. Uusi seisukohti ürgkogukondliku kunsti uurimisel, 341.
- Nikitin, A., Resümè. Nya horisonter i utforskningen av den förhistoriska konsten, 342.
197. Носков А. М. (Москва). Примечательный труд в советской скандинавистике. 1970, XV, 270—273.
- Noskov, A., Resümee. Silmapaistev töö nõukogude skandinavistikas, 274.
- Noskov, A., Resümè. Ett framstående forskningsarbete inom den sovjetiska skandinavistiken, 274.
198. Пийримяэ Х. А. (Тарту). Новая книга Арнольда Соома о торговле Таллина в XVI в. 1971, XVI, 275—281.
- Piirimäe, H., Resümee. Arnold Soomi uus raamat Tallinna kaubandusest XVII saj., 282.
- Piirimäe, H., Resümè. Arnold Sooms nya bok om Tallins handel på 1600-talet, 282.
199. Пирогов Г. Н. (Москва). О книге О. В. Чернышевой «Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны. 1929—1939». 1974, XIX, 227—229.
- Pirogov, G., Resümee. O. V. Tšernõšova raamatust «Töölisliikumine Rootsis Teise maailmasõja eel. 1929—1939», 230.
- Pirogov, G., Resümè. Om O. V. Tjernysjovas bok «Arbetarrörelsen i Sverige före det andra världskriget 1929—1939», 230.
200. Пуллат Р. (Таллин). Пяйвиё Томмила. Плавание крестьян Абоского и Пориского леннов в Россию в 1840—1850 гг. 1967, XII, 281—284.
- Pullat, R., Resümee. Päiviö Tommila. Turu ja Pori lääni talupoegade purjereketk Venemaale aastail 1840—1850, 283.
- Pullat, R., Resümè. Päiviö Tommila. Seglatser, som Åbo och Björneborgs läns bönder företog till Ryssland under åren 1840—1850, 283.
201. Раудар М. Н. (Тарту). «Звезда» № 10, 1972. 1973, XVIII, 247—248.
- Raudar, M., Resümee. «Zvezda» nr. 10, 1972, 249.
- Raudar, M., Resümè. ZVEZDA 10:nde nummer av år 1972, 249.
202. Сарв Х. В. (Тарту). Книга о борьбе финских интернационалистов за власть Советов. (М. М. Коронен. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Лениздат, 1969). 1972, XVII, 249—253.
- Sarv, H., Resümee. Raamat soome internatsionalistide võitlusest nõukogude võimu eest, 254.
- Sarv, H., Resümè. Boken om de finska internationalisternas kamp för sovjetmakt, 254.
203. Сванидзе А. А. (Москва). Учебное пособие по шведскому источниковедению. 1974, XIX, 236—242.

- Svanidze, A., Resümee. Lars-Arne Norborgi õppevahendist, 243.
 204. Svanidze, A., Lars-Arne Norborg — källor till Sveriges historia, 243.
 Сванидзе А. А. (Москва). Новая советская книга по истории Норвегии. 1974, XIX, 244—249.
 Svanidze, A., Resümee. Uus nõukogude raamat Norra ajaloost, 250.
 Svanidze, A., Resümee. En ny sovjetisk bok om Norges historia, 250.
 205. Соонтак Я. Х. (Тарту). О. К. Попов, Н. М. Попова. Шведский язык. 1970, XV, 292.
 Soontak, J., Resümee. Rootsi keele õpik, 293.
 Soontak, J., Resümee. Lärobok i svenska, 293.
 206. Фарбштейн А. А. (Ленинград). Две чешские монографии об Ингмаре Бергмане. 1970, XV, 275—280.
 Farbštejn, A., Resümee. Kaks tšehhi monograafiat Ingmar Bergmanist, 281.
 Farbsjtejn, A., Resümee. Två tjeckiska monografier om Ingmar Bergman, 281.
 207. Фарбштейн А. А. (Ленинград). Словарь писателей Северной Европы. 1970, XV, 289—290.
 Farbštejn, A., Resümee. Põhja-Euroopa kirjanike leksikon, 291.
 Farbsjtejn, A., Resümee. Lexikon med nordeuropeiska författare, 291.
 208. Чернышева О. В. (Москва). Кнут Бекстрём. История рабочего движения в Швеции (1902—1917). 1968, XIII, 211—215.
 Tšernšova, O., Resümee. Knut Bäckström. Rootsi töölisliikumise ajalugu (1902—1917), 216.
 Tjernysjova, O., Resümee. Knut Bäckström. Arbetarrörelsen i Sverige (1902—1917), 216.
 209. Шаскольский И. П. (Ленинград). Рабочее движение в скандинавских странах и Финляндии. Сборник статей. (М., «Наука», 1965). 1967, XII, 285—289.
 Saskolski, I., Resümee. Kogumik «Töölisliikumine Skandinaaviamaades ja Soomes», 289.
 Sjaskolskij, I., Resümee. Samlingsverket «Arbetarrörelsen i Skandinavien och Finland», 289.
 210. Яансон К. К. (Тарту). Аннотация на монографию финского ученого Ё. Калела «Соседи на разных путях». 1973, XVIII, 239—240.
 Jaanson, K., Resümee. Annotatsioon soome teadlase J. Kalela monograafiale «Naabrid eri teedel», 241.
 Jaanson, K., Resümee. Annotation till den finske forskaren J. Kalelas monografi «Grannar på skilda vägar», 241.

11. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

211. Алас А. (Таллин). М. И. Стеблин-Каменский — профессор университета. 1973, XVIII, 17—18.
 212. Арумэе Х. (Тарту). О III симпозиуме советских и финских историков. 1973, XVIII, 268—272.
 Арумэе, Н., Resümee. Nõukogude ja Soome ajaloolaste III sümpoosion Helsingis, 273.
 Арумэе, Н., Resümee. De sovjetiska och finska historikernas III symposium i Helsingfors, 273.
 213. Берков В. П. (Ленинград). М. И. Стеблин-Каменский. 1971, XVI, 196—200.
 Berkov, V., Resümee. Mihhail Steblin-Kamenski, 201.
 Berkov, V., Resümee. Mihhail Steblin-Kamenskij, 201.
 214. Берков В. П., Либерман А. С. (Ленинград). В аспирантуре у М. И. Стеблин-Каменского. 1973, XVIII, 15—16.
 215. Иванова И. П. (Ленинград). М. И. Стеблин-Каменский как фонолог. 1973, XVIII, 19—21.

216. Кузьмин А. И. (Москва). Николай Максимович Чирков. 1966, XI, 195—196.
217. Мосберг Х. И., Сарв Х. В. (Тарту). Об издании собрания «Скандинавского сборника» в Грейфсвальде. 1970, XV, 282—287.
Moosberg, H., Sarv, H., Resümee. «Skandinaavia kogumiku» sösarväljaanne Greifswaldist, 288.
Moosberg, H., Sarv, H., Resümê. Parallellutgåva till «Skrifter om Skandinavien» i Greifswald, 288.
218. Мосберг Х. И. (Тарту). О II симпозиуме советских и финских историков. 1970, XV, 297—306.
Moosberg, H., Resümee. Nõukogude ja soome ajaloolaste II sümposionist, 307.
Moosberg, H., Resümê. Andra mötet av sovjetiska och finska historiker, 307.
219. Мосберг Х. И. (Тарту). VI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. 1974, XIX, 256—264.
Moosberg, H., Resümee. Üleliiduline Skandinaaviamaade ja Soome uurimise konverents, 265.
Moosberg, H., Resümê. Sjätte allsovjetiska konferensen för studier av Skandinavien och Finland, 265.
220. Некрасов Г. А. (Москва). Б. Ф. Поршнев как историк-скандинавист. 1975, XX, 177—183.
Nekrassov, G., Resümee. B. F. Poršnev ajaloolase-skandinavistina, 184.
Nekrassov, G., Resümê. B. F. Porsjnev som historiker-skandinavist, 184.
221. Рогинский В. В. (Москва). V Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. 1972, XVII, 267—270.
Roginski, V., Resümee. V üleliiduline skandinavistikaalane konverents, 271.
Roginskij, V., Resümê. V allsovjetiska skandinavistikkonferensen, 271.
222. Сарв Х. В. (Тарту). Научная конференция «Борьба за мир и безопасность в районе Балтийского моря. 1945—1970». 1972, XVII, 263—265.
Sarv, H., Resümee. Teaduslik konverents «Võitlus rahu, julgeoleku eest Läänemere basseinis 1945—1970», 266.
Sarv, H., Resümê. Vetenskaplig konferens på temat «Kamp för fred och säkerhet i Östersjöområdet 1945—1970», 266.
223. Сванидзе А. А. (Москва). Вторая конференция по истории стран южной и восточной Балтики. 1973, XVIII, 274—275.
Svanidze, A., Resümee. Teine teaduslik konverents teemal «Feodalismi ja kapitalismi arenguprobleeme Läänemeremaades», 276.
Svanidze, A., Resümê. Andra vetenskapliga konferensen på temat «Feodalismens och kapitalismens utvecklingsproblem i Östersjöländerna», 276.
224. Смирницкая О. А. (Москва). М. И. Стеблин-Каменский как переводчик и редактор переводов памятников древнеисландской литературы. 1973, XVIII, 22—26.
225. Тейстре У. (Таллин). Симпозиум советских и финских историков. 1975, XX, 223—228.
Teistre, U., Resümee. Nõukogude ja soome ajaloolaste sümposion, 229.
Teistre, U., Resümê. De sovjetiska och finska historikernas symposium, 229.
226. Харальдсон Х. (Исландия). М. И. Стеблин-Каменский и исландцы. 1973, XVIII, 13—14.
227. Шаскольский И. П. (Ленинград). Первый и второй советско-финские симпозиумы по социально-экономической истории. 1974, XIX, 253—254.
Saskolski, I., Resümee. Nõukogude-Soome esimene ja teine sotsiaal-majandusajaloo sümposion, 255.
Sjaskolskij, I., Resümê. Det första och andra sovjetisk-finska symposiet i samhälls-ekonomisk historia, 255.

12. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

228. Сведения об авторах. 1966, XI, 343—344.
229. Сведения об авторах. 1967, XII, 290—292.
230. Сведения об авторах. 1968, XIII, 217—218.
231. Сведения об авторах. 1969, XIV, 386—388.
232. Сведения об авторах. 1970, XV, 344—346.
233. Сведения об авторах. 1971, XVI, 299—300.
234. Сведения об авторах. 1972, XVII, 284—285.
235. Сведения об авторах. 1973, XVIII, 277—279.
236. Сведения об авторах. 1974, XIX, 266—267.
237. Сведения об авторах. 1975, XX, 234—236.

13. НЕКРОЛОГИ

238.

М. П. Ганзен-Кожевникова

 1975, XX, 232—233.
239.

Лейда Александровна Лооне

 1970, XV, 342—343.
240.

Юлиус Карлович Мадисон

 1970, XV, 340—341.
241.

Семен Максимович Мирный

 1975, XX, 230—231.
242.

Стефаун Эйнарссон (Stefán Einarsson)

 1972, XVII, 282—283.

СОДЕРЖАНИЕ — SISUKORD — INNEHÅLL

I. Социально-экономические отношения

<i>X. Пийримяэ.</i> (Тарту). Результаты применения электронно-вычислительной техники для анализа государственного хозяйства Эстляндии в период шведского господства в XVII веке	7
<i>H. Piirimäe.</i> Elektronarvuti kasutamise tulemusi Rootsi võimu perioodi Eestimaa riigimajanduse uurimisel (XVII saj.)	20
<i>H. Piirimäe.</i> Resultaten av tillämpningen av elektronisk datateknik för analys av statshushållningen i Estland under det svenska herraväldet på sextonhundratalet	20
<i>Л. Тойвере</i> (Таллин). Регулирование сельскохозяйственного производства в Финляндии и его результаты (60-е — нач. 70-х гг.)	22
<i>L. Toivere.</i> Põllumajandusliku tootmise reguleerimine ja selle tulemused Soomes	33
<i>L. Toivere.</i> Regleringen av jordbruksproduktionen och dess följder i Finland	33

II. Социально-политические отношения

<i>B. A. Закс</i> (Калинин). Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII—XIII вв.	37
<i>V. Zaks.</i> Oiguslikud tavad ja kujutelmad Kirde-Norras XII—XIII saj.	47
<i>V. Zaks.</i> De rättsliga sederna och föreställningarna i nordvästra Norge under 11 — 1200-talen	47
<i>A. A. Сванидзе</i> (Москва). О движущих факторах общественного развития Швеции в период Кальмарской унии (конец XIV — начало XVI в.)	48
<i>A. Svanidze.</i> Rootsi ühiskondliku arengu liikumäpanevatest jõududest Kalmarini uniooni perioodil	59
<i>A. Svanidze.</i> Om de drivande faktorerna i den svenska samhällsutvecklingen under Kalmarunionen	59
<i>Ю. Б. Рябошапко</i> (Москва). Вопросы торговли в Тязвинском договоре 1595 г. в связи с внутренней политикой правящих кругов Швеции	60
<i>J. Rjabošapko.</i> Kaubanduse küsimused 1595. a. Täyssina lepingus seoses Rootsi valitsevate ringkondade sisepoliitikaga	67
<i>J. Rjabošapko.</i> Handelsfrågor i Teusinafredsavtalet 1595 i anslutning till de styrande svenska kretsarnas intrikespolitik	67
<i>Е. А. Кальюнди</i> (Таллин), <i>А. Н. Кирпичников</i> (Ленинград). Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции	68
<i>J. Kaljundi ja A. Kirpitsnikov.</i> Ingerimaa ja Karjala kindlused 1681. a. (Erik Dahlbergi ettekanne Rootsi valitsusele)	80
<i>J. Kaljundi och A. Kirpitjnikov.</i> Ingermanlands och Karelens fästningar år 1681. (Erik Dalbergs rapport till den svenska regeringen)	80

<i>В. Е. Возгрин</i> (Ленинград). Травентальский договор 1700 г. и его значение в истории Северной войны	81
<i>V. Vosgrin</i> . Traventali leping ning selle tähtsus Põhjasõjas	92
<i>V. Vozgrin</i> . Freden i Traventhal och dess betydelse i det Stora Nordiska krigets historia	92
<i>К. К. Яансон</i> (Тарту). О долге буржуазной Эстонии Дании в 1919 г.	94
<i>K. Jaanson</i> . Kodanliku Eesti võlast Taanile 1919. aastal	97
<i>K. Janson</i> . Om det borgerliga Estlands skuld till Danmark 1919	97
<i>Х. А. Каллус</i> (Таллин). Некоторые аспекты частичной конституционной реформы в современной Швеции	98
<i>H. Kallus</i> . Tänapäeva Rootsi osalise konstitutsioonireformi mõningaid aspekte	107
<i>H. Kallus</i> . Några aspekter på den partiella författningsreformen i dagens Sverige	107
<i>А. В. Карлсен</i> (Москва). Социалистическая народная партия Дании и «новые левые»	108
<i>A. Carlsen</i> . Taani Sotsialistlik Rahvapartei ja «uued pahempoolsed»	120
<i>A. Carlsen</i> . SF og «det nye venstre» i Danmark	121

III. Археология

<i>Е. И. Оятева</i> (Ленинград). Осебергская обувь. (Опыт исторического исследования)	125
<i>J. Ojateva</i> . Osebergi jalanõud (Ajaloolise uurimise katse)	133
<i>J. Ojateva</i> . Åsebergsskorna (Försök till historisktm utforskning)	133
<i>В. А. Булкин</i> (Ленинград). Большие курганы Гнёздовского могильника	134
<i>V. Bulkin</i> . Gnjozdovo kääbaskalmistu normanni muistised (Suurte kääbaste materjalide alusel)	146
<i>V. Bulkin</i> . Gnjozdov-gravens normanska fornfynd (Efter material om de stora gravhögarerna)	146
<i>Д. А. Авдусин</i> (Москва). Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу	147
<i>D. Avdusin</i> . Varjaagide küsimuse arheoloogiliste allikate uurimisest	157
<i>D. Avdusin</i> . Om studiet av arkeologiska källor i varjag-frågan	157
<i>Е. А. Мельникова</i> (Москва). Свидетельства скандинавских рунических надписей XI—XII вв. о народах Восточной Европы	158
<i>J. Melnikova</i> . XI—XII saj. skandinaavia ruunikirjad Ida-Euroopa rahvastest	166
<i>J. Melnikova</i> . De skandinaviska runskrifternas vittnesmål om folken i Östeuropa på 1000—1100-talet	166
<i>С. И. Кочкуркина</i> (Петрозаводск). Памятники типа Линनावуори в Карелии	167
<i>S. Kotškurkina</i> . Maalinn Karjalas	173
<i>S. Kotjkurkina</i> . Linnavuori i Karelen	173

IV. Источниковедение, историография

<i>Г. А. Некрасов</i> (Москва). Б. Ф. Поршнев как историк-скандинавист	177
<i>G. Nekrasov</i> . B. F. Poršnev ajaloolase-skandinavistina	184
<i>G. Nekrasov</i> . B. F. Porshnev som historiker-skandinavist	184
<i>В. В. Павулан</i> (Рига). Шведские дорожные карты как источник для изучения истории Латвии	185

V. Pavulans. Rootsi Vidzeme maanteekaardid Läti ajaloo allikana . . .	191
V. Pavulans. Svenska vägkartor över Vidzeme som en källa för studium av Lettlands historia	191
B. B. Рогинский (Москва). Архивные изыскания норвежского историка Ингвара Нильсена в России	192
V. Roginski. Norra ajaloolase Ingvar Nielseni arhiivinduslikud uurimused Venemaal	197
V. Roginskij. Den norske historikern Ingvar Nilsens arkivforskningar i Ryssland	197

V. Рецензии, аннотации

X. И. Мосберг (Тарту). «История Швеции». М., «Наука», 1974 . . .	201
H. Moosberg. «Rootsi ajalugu»	203
H. Moosberg. «Sveriges historia»	203
Ю. А. Лимонов (Ленинград). «История географических знаний и от- крытий на Севере Европы» (Сборник статей под ред. И. П. Шас- кольского)	204
J. Limonov. «Geograafiliste teadmiste ja avastuste ajalugu Põhja-Euroo- pas» (Artiklite kogumik. Toimet. I. P. Saskolski)	207
J. Limonov. «Nordens geografi- och upptäcktshistoria» (Artikelsamling. Redaktionen verkställd av I. P. Schaskolskij)	207
Л. А. Голубева (Москва). С. И. Кочуркина. «Юго-Восточное Прила- дожье в X—XIII вв.» Л., «Наука», 1973	209
L. Golubeva. S. I. Kotškurkina. «Kirde-Laadoga X—XIII saj.» («Teadus», L., 1973)	213
L. Golubeva. S. I. Kotškurkina. «Sydöstra Ladogaområdet under 900— 1200-talen»	213
X. М. Лиги (Тарту). Ценный труд по истории международных отноше- ний XVI века	214
H. Ligi. Väärtuslik uurimus XVI saj. rahvusvaheliste suhete vallast . . .	219
H. Ligi. En värdefull avhandling om de internationella relationerna på femtonhundratalet	219

VI. Научная жизнь

У. Теистре (Таллин). Симпозиум советских и финских историков . . .	223
U. Teistre. Nõukogude ja soome ajaloolaste sümpoosium	229
U. Teistre. De sovjetiska och finska historikernas symposium	229
A. С. Кан, Г. Д. Петров, З. С. Шейнис. [Семен Максимович Мирный]	230
Б. С. Жаров. [М. П. Ганзен-Кожевникова]	232
Сведения об авторах	234
Указатель статей и материалов, помещенных в XI—XX выпусках «Скандинавского сборника»	237

Коллектив авторов. СКАНДИНАВСКИЙ СБОРНИК XX. Издательство «Ээсти раамат». Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Редактор А. Нугис. Художественный редактор С. Стерн. Технический редактор А. Кребстейн. Корректоры Л. Савицкая, А. Тоотс. Сдано в набор 4 III 1975. Подписано к печати 14 VIII 1975. Бумага 60×90/16. Типографская бумага № 1. Печатных листов 16,5+2 приложений. Учетно-издательских листов 17,38. Тираж 900 экз. МВ-01357. № заказа 1242. Типография им. Ханса Хейдемана. Тарту, Юликооли, 17/19. II Цена Руб. 1.62